

АЛИК ТОЛЧИНСКИЙ

ЧЕТЫРЕ ВАРИАНТА ОДНОЙ ЖИЗНИ

李

АЛИК ТОЛЧИНСКИЙ

**ЧЕТЫРЕ ВАРИАНТА
ОДНОЙ ЖИЗНИ**

БОСТОН • 2025 • BOSTON

Алик Толчинский

Четыре варианта одной жизни. *Повесть и эссе*

Alik Tolchinsky

Four Versions of One Life. *Novel and Essays*

Публикуется в авторской редакции

Copyright © 2024 by Alik Tolchinsky

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1960533746

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

 www.mgraphics-books.com

 mgraphics.books@gmail.com

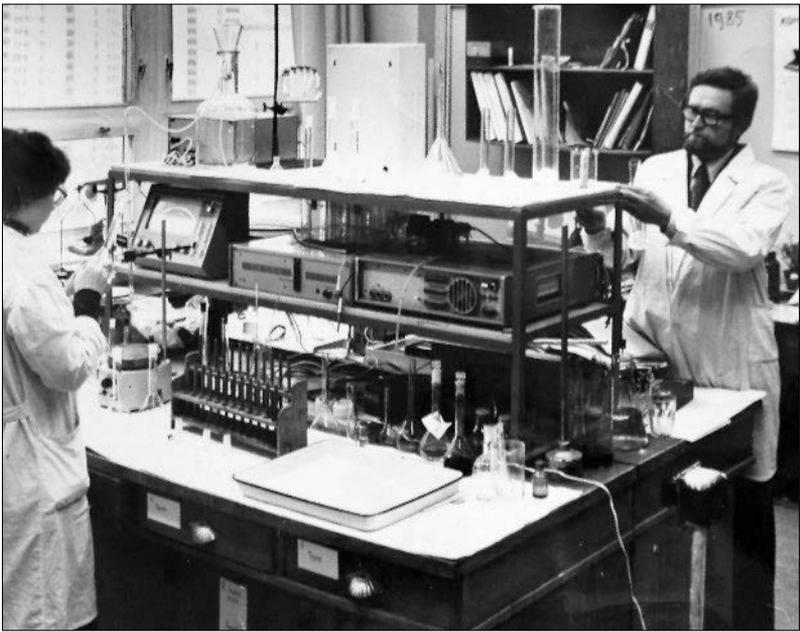
Макет и подготовка к печати: M•GRAPHICS © 2025

Дизайн обложки: Лариса Студинская © 2025

Отпечатано в США

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	7
ВАЛЕРИЙ БОЧКОВ. <i>Игра с дьяволом в бисер</i>	9
ЧЕТЫРЕ ВАРИАНТА ОДНОЙ ЖИЗНИ	
Арон Моисеевич Розенбаум и его дети	13
Cherchez la Femme	89
Иванов–Петров–Сидоров...–Сергеев...	137
Наш человек в ООН	172
РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ	
The man who fulfilled his dreams (<i>Messages from Afar...</i> by Robert S. Newman)	199
О романе Валерия Бочкова «Рисунок пеплом»	203
Автор заслуживает Красного Нобеля	206
«Сахарный бес» — очень трудная повесть	209
О книге Алены Жуковой «Все, что помню»	211
Волшебство памяти (о романе «Рисовальщик» Валерия Бочкова)	214
Заметки о великом Пикассо	219

ОТ АВТОРА

Повесть «Четыре варианта одной жизни» является по сути концепцией, литературным изложением сходных судеб четырёх героев, работающих в прикладной науке и считающих служение науке самым важным делом в жизни. Это звучит высокопарно, и они в таких словах своё отношение к работе никогда не выражали. Но фоном для этого поколения стали развенчание Сталина и первые огромные успехи СССР в освоении космоса. Они презирали погоню за деньгами, но в повести есть несколько персонажей, которые считают занятые определённой должности и деньги приоритетом жизни.

Поколение, начавшее научную карьеру с приходом Хрущёва и закончившее её к приходу Путина, спустя 25 лет можно рассматривать, как поколение непохожих на сегодняшних, потому что почти никто из них, кроме предателей, не продался за 30 сребреников власти, которую если не ненавидели, то, во всяком случае, презирали.

Важно то, что личная жизнь порядочных людей мало зависит в отдельные периоды истории страны от того, кто возглавляет страну. Это всё справедливо до той поры, пока страна, опустившаяся в своей морали ниже плинтуса, не развязывает кровавые войны, вовлекая народы в неисчислимые несчастья. В этом наше поколение, безусловно, счастливо. Мы не воевали.

Обсуждение низостей и подлостей власти никак не может стать темой разговоров людей, увлечённых работой в науке. Тем более, что каждый из них понимает, что выход на улицу с плакатом ничего хорошего ни ему, ни его семье не принесёт. Да, отсутствие социальной активности — это большой недостаток, но скорее претензии следует предъявлять тем, кто идёт служить подлому режиму, делая на этом карьеру.

Так не лучше ли, предпочесть земным благам изучение природных явлений? Микроскопы, телескопы, лабораторные

установки, электрические машины, спектрофотометры, компьютеры плюс конструктивные идеи — вот достойное дело в жизни, которое может со временем дать общезначимый результат.

Представленный читателю некий психологический тип достаточно распространён, но, естественно, окрашен индивидуальными чертами, проявляющимися в отношениях с женщинами, с коллегами, с людьми, которых он любит и которые ему неприятны. В то же время, читателю из интеллигентного круга вполне понятно времяпрепровождение героя в свободное от работы время, его увлечения. Это поколение интеллигентов, родившееся незадолго до войны и закончившее в основном свою деятельность в начале 2000-х, прошло и никогда не вернётся. Будет ли его жизнь интересна последующим поколениям, нам знать не дано. Это зависит от того, сколько оно дало за свою жизнь нового и ценного новым обитателям нашей планеты.

Когда-то Аристотель назвал 4 начала мира: вода-воздух-земля-огонь. Точно так же каждый после раздумий может назвать причины всех наших бесконечных несчастий: эгоизм-трусость-лень-глупость. Как же нам (человечеству) выбраться из ямы, в которой мы сидим уже тысячи лет?!

ИГРА С ДЬЯВОЛОМ В БИСЕР

*О книге Алика Толчинского
«Четыре варианта одной жизни»*

Начну с конца: никогда не играй с дьяволом в азартные игры. Даже, если ты занимаешься наукой и считаешь себя умнее всех. Умнее даже самого дьявола. Оно, конечно, возможно, что ты умнее его. Но он определённо хитрее тебя. Ведь суть дьявола — враньё, его оружие — соблазн. Девиз «Я зло, творящее добро» ещё одна ложь. Но именно этот тезис больше всего полюбился большевикам, они его озвучивали неоднократно, впрочем, с небольшой оговоркой «Я добро, творящее зло во имя добра». Тут уже и возразить нечего, все козыри у них. В нашей благословенной стране, где каждый пятый служит палачом, а каждый третий — стукачом, остаться безгрешным практически невозможно.

Книга Алика Толчинского — мастерский групповой портрет на фоне победившего мракобесия. Четырёх героям книги повезло: на их взрослый отрезок жизни пришёлся относительно вегетарианский период истории нашей людоедской родины — это поколение Оттепели. Они начали карьеру при Хрущёве и закончили её при раннем Путине. Как мы знаем сейчас — то была уникальная передышка в работе кровавой мясорубки под названием Россия.

Здоровые молодые мужчины, как правило, о смерти думают редко и абстрактно. Тем более, если они занимаются прикладной наукой. Это своего рода башня из слоновой кости, в которой можно уединиться и не участвовать в мирской суете. Успех. Триумф. Что это такое? Как это измерить? Думаю, материя триумфа сугубо индивидуальна, и лишь сам человек в состоянии осознать точку своего высшего успеха.

Автор задаёт тот же вопрос себе. И он же отвечает на него судьбами своих героев. Для мужчины профессиональный

успех является мерилем реализации. Женщине достаточно родить и воспитать пристойных детей, у мужчин такого выхода нет. Умный человек скажет: суть жизни состоит в поиске — поиске себя, в поиске смысла. Мудрый человек возразит, не в поиске, а в творении: в сотворении себя, в сотворении жизни и её смысла.

Автору блестяще удаётся вывести биографическую сагу на новый уровень — на уровень исследования бытия. Судьбы героев становятся вариациями на одну и ту же тему. Вместе с ними читатель проживает четыре реинкарнации, проходит через четыре лабиринта. Это напоминает компьютерную игру, на пути нас поджидают одни и те же ловушки. Нельзя сказать, что ловушки эти отличаются неожиданностью. Они существуют с момента зарождения человеческой цивилизации. Алчность. Трусость. Зависть. Глупость. Дьявол раскидывает сети, мастерство ловца человеческих душ заключается в том, что человек добровольно попадает в капкан. По собственному желанию.

Историю искусств я изучал пять лет. Сказать навскидку — половина живописных сюжетов и сюжетов фресок и мозаик связана с Библией, с Ветхим заветом или Евангелием. «Тайная вечеря», безусловно, среди самых популярных. Есть занятная история про Леонардо: мастер был известен своей прокрастинацией, работал он невыносимо долго, а некоторые работы вообще бросил не закончив. Тем не менее, герцог Лодовико Сфорца заказал ему роспись в доминиканском монастыре Санта-Мария-делле-Грацие в Милане. Леонардо начал с набросков общей композиции, одновременно он искал натурщиков. Маэстро повезло — Христа он нашёл почти сразу: он увидел в церковном хоре юношу с ангельским ликом и пригласил его позировать. Иисуса окружают апостолы, для художника, настоящего мастера, это не просто статисты — каждый апостол выражает свою конкретную суть — эмоциональную и личностную: жест, лицо, фигура — всё это является визуальным языком художника. Почти три года продолжалась работа над росписью. Кстати, техника ошибочно называлась

«фреской», однако было установлено, что роспись выполнена не фреской, а в особой технике, придуманной художником, яичной темперой по масляному грунту из свинцовых белил. Три года Леонардо рассаживал своих героев вокруг Христа. Учитель произносит свою сакраментальную фразу «Один из вас предаст меня». Что тут началось! Апостол Пётр возмущён, Филипп клянётся в верности, Варфоломей, Иаков и Андрей не верят. А что Иуда? Он уже получил деньги за предательство. Какова его реакция? Леонардо продолжает искать натурщика с лицом, в котором воплотились бы все пороки человеческие. Ищет и находит. В сточной канаве, в грязи, лежит пьяный оборванец. Бродягу доставляют к мастеру, Леонардо вдохновлён: мерзость человеческого падения, греховность, себялюбие — всё было в этом лице.

Портрет завершён — Иуда вышел на славу, роспись закончена. Пьянчуга протрезвел: «Маэстро Леонардо, а вы ведь уже однажды писали мой портрет. Три года назад, когда я пел в церковном хоре. Помните?»

В хорошей истории должен быть предатель. И в этой книге он тоже есть.

Не хочу обидеть автора, но на мой взгляд, книга, отчасти, является апологией поколениям советской интеллигенции, посвятившим себя естественным наукам. Разумеется, они не советские танкисты на улицах Праги, не лётчики над деревнями Афганистана, не омовцы и не чекисты, даже не репортёры-журналисты и прочая лживая сволочь, служившая режиму. Башня из слоновой кости — она надёжней каменной крепости. Там чистый воздух и комнатная температура. Но, как ни крути, тяжкий дух тления просачивается и сюда. Переиграть дьявола человек не может. У дьявола краплёная колода и пять тузов в рукаве. Единственный способ выиграть — не играть вовсе. Но человек слаб и глуп, он наивен и порочен. К тому же дьявол убедил его, что никакого дьявола не существует и в помине. А шанс сорвать жирный куш очень велик.

Modus operandi (сокр. М.О.) — латинская фраза, которая обычно переводится как «образ действия» и обозначает при-

вычный способ выполнения определённой задачи. М.О. дьявола включает в себя набор трюков, которыми обычно пользуются проститутки, шулера и агенты спецслужб. Помимо вербального вранья, обольщения и угроз, дьявол использует визуализацию — вспомним искушение Иисуса в пустыне или сцену из первого акта «Фауста». Визуализация исполняет функцию анестезии, это своего рода наркотик, который вводит человека в транс или, точнее, в морок. Замороженный теряет моральную ориентацию, его легче убедить в относительности абстрактного зла и бесполезности практического добра. Понятия добра и зла переходят в метафизическую плоскость, нравственное наполнение вытекает из понятий, оставляя условную скорлупу.

Добро — понятие абсолютное. Зло всегда относительно. Оправдание зла — процесс пошаговый и многослойный, он требует комплексного исполнения. Тщательность и мастерство играют решающую роль в эффективности финального продукта — небрежно сработанный объект просто не будет работать. Как макет автомобиля или муляж женщины.

Валерий Бочков,
Вермонт 2025

I

АРОН МОИСЕЕВИЧ РОЗЕНБАУМ И ЕГО ДЕТИ

1

Арон (правильнее — Аарон) родился в городе Елисаветграде 6 мая 1914 года. Поэтому он не был участником ВОСР, гражданской войны и прочих событий. Оставив семью — папу, маму и умственно-неполноценного брата, он 19-ти лет поступил в Бауманское училище, которое окончил в 1937 году, получив диплом инженера-конструктора.

В июне 1941 в город Кировоград (бывший Елисаветград) пришли немцы и расстреляли Сару Розенбаум и её второго сына на глазах у Моисея. Моисей пошёл домой и повесился. Арон в это время был призван в Красную армию в качестве военного переводчика. У него ещё в школе было хобби — немецкий язык. Кто-то из родни, обосновавшейся в Москве, написал ему о трагической гибели семьи.

Военная биография Арона оказалась короткой. Наши хлопцы поймали немецкую диверсантку, которую повели на допрос с одним караульным и переводчиком Ароном. Видно, её хорошо подготовили. Она сумела убить солдата и нанесла сокрушающий удар по черепу Арону, после чего благополучно смылась. Кто-то нашёл два тела и определил, что переводчик жив. После недолгого пребывания в госпитале Арона комиссовали, потому что у него возникли огромные проблемы с глазами. Так он остался жив, хотя носил сильные очки, как на фото у Бабеля. Знаете? — такие круглые-круглые, как колёса автомобиля.

Вернёмся-ка мы на несколько лет назад, к началу Второй Мировой Войны, то есть в первое сентября 1939. В этот день Аарон родил сына Сёму от жены Цици. Через десять лет Аарон родил дочь Наташу, но уже от другой жены Марины... Нет, библейский текст не получается.

Начнём снова. В 1938 году нашей эры Арон, которого все друзья звали Ариком, благополучно закончил Бауманское училище и предложил руку и сердце Цици, за которой ухаживал в 1937 году, не к ночи будь помянут. Брак был оформлен в присутствии свидетелей — друзей жениха и родственников Богановских, а также старшей сестры Цици по имени Лиза. Все были ужасающе молоды, много-много смеялись и рассказывали молодой жене, каким неистовым драчуном в школе и на первых курсах был её муж. Таким драчуном, что его приходилось оттаскивать вдвоём, а то и втроём. Кстати, Арик совсем не был похож на слабосильного еврея из хедера. Ростом он был почти 180 см, густой рыжий волос обильно покрывал всё его тело и голову. Вместо длинного и унылого еврейского носа у него был короткий и твёрдый, как мрамор, носик над выразительным и решительным ртом. Круглые бабелевские очки совсем не портили его лицо и даже придавали интеллигентный вид. Добавим, кстати, что расейский антисемитизм до ВОВ был совсем не так моден в Москве и Ленинграде. Молодые и красивые русские девушки охотно вступали в брак с семитами, потому что те не злоупотребляли спиртным, и тут же заводили потомство.

Политика ВКП(б) в те годы тоже поощряла ранние браки, цитируя мысль Ленина, что это хорошо, тем более что страна потеряла в результате первой мировой, гражданской и революции с голодом массу народа. В двадцатые годы брак считался мещанством, что привело к появлению огромного количества детей без отцов и даже без матерей, которые предпочитали поскорее построить социализм и начать в нем жить. Однако примерно через лет шесть-семь появились, благодаря НЭПу, некоторые продукты и даже вещи и власти решили, что семья есть ячейка общества, тем более что Маркс-Энгельс не советовали решительно покончить с семьёй.

Удивительно, как коротка память людей! После окончания гражданской войны и объявленного перехода к мирной жизни молодые люди, члены РКСМ, который потом стал ВЛКСМ, решили утвердить новый порядок взаимоотношений мужчин и женщин. Был издан некий Устав, где гендерное равенство имело оговорку. Молодая женщина (девушка) была обязана предоставить своё тело желающему секса молодому человеку. Комитет РКСМ (ВЛКСМ) мог вызвать девушку на заседание, приказать раздеться для общественного осмотра... Талантливый художник А. Григорьев написал на эту тему картину с обнажённой девушкой в центре комнаты, где заседал комитет.

Но мы отвлеклись. После получения справки, что они женаты, Циля и Арон пошли домой к родителям Циля, и Арон увидел, что для него нет места для ночлега, не говоря уж о брачной постели. В крохотном подвальчике двухэтажного деревянного дома приютились две семьи: папа-мама-Лиза-Циля Сегал и бездетные Буся-Абрам. Там же ошивался племянник мамы Юзик Гельфанд, который был оч-чень родственным, любил хорошо поесть на халяву и спал на полу, прикрывшись истёртой до блеска овчиной. Юзик только что закончил медицинский институт и собирался с будущей молодой женой в город Вятка (Киров). Жена его, потомственная казачка, слава Богу, готовилась к отъезду у себя на родине в Краснодаре. У Юзика была одна неприятная черта — он любил читать в клозете. Абрам после постели не раз кричал ему:

— Юзик, тебе ножницы не нужны? Так у меня их три пары! (Валя работала парикмахером).

Короче — Арон вернулся в общежитие, Циля осталась нетронутой. Так прошёл почти месяц. Юзик, наконец-то, уехал. Однако проблема с кроватью осталась. Арон гулял с Цилей по Москве и говорил, что над ним уже товарищи смеются. Сколько же можно терпеть? Неожиданно помощь пришла из деревни Ховрино от близкой подруги Циля, которую звали Машей. Отец Маши разрешил сдать комнату Циле с Мужем. Но чтобы платили исправно!

Арон так беззаветно трудился в первую брачную ночь, что Циля подзалетела. Где они будут жить семьёй, молодожёны шибко не задумывались. Впереди был прекрасный 1939 год, который, как потом оказалось, таил жуткую подляну для всего прогрессивного человечества. Однако советские люди, которые мнили о себе, что они самые прогрессивные, не обратили внимания на события сентября 1939 года. Газеты «Правда», «Известия Советов Депутатов Трудящихся» и все остальные изливали потоки злобы и лжи на панскую Польшу и всячески оправдывали действия Гитлеровской Германии. А что касается присвоенных западных территорий, — так мы же их освободили от капиталистического гнёта! Мы даже почтовые марки выпускали с благодарными жителями западных территорий!..

Сёма родился в 15 минут первого ночи и потому в метрике был записан, как рождённый 2-го сентября 1939 года. Это казалось ему величайшей несправедливостью, потому что дата рождения 1 сентября в пионерских лагерях воспринималась в темноте общей спальни на 20–30 человек, как событие удивительное. Надо же — в день начала занятий в школе! Ему всю жизнь хотелось возбуждать к себе интерес, но талантов никаких не было, физические силы были весьма посредственными, характер был сангвинический. Его очень легко было рассмешить, и столь же легко заставить плакать.

Арону он явно не нравился. Когда лет через семь Циля спрашивала мужа, любит ли он Сему, тот отвечал обычно:

— Понимаешь ли, ты для меня всё-всё на свете. Ты моя Вселенная. А он... ну, просто сын. Я его должен любить и воспитывать. Вот ты слишком его балуешь ласками, слишком часто целуешь. Это вредно. Он же не девочка!..

2

За два года до рождения внука Самуил Сегал искал, как бы выбраться из подвала, куда его загнала злосчастная судьба единоличника. Ему посчастливилось удрать до погромов атамана Григорьева из Кировограда (Елисаветграда) и осесть в деревне Ховрино, которая сейчас является чуть ли не центром новой

Москвы. В эту деревню он пригласил брата Хаим-Герша, который был удивительно изобретательным. Самостоятельно освоил курс высшей математики и химии, которую выучил по книге профессора Реформатского. Там, в деревне братья придумали универсальный клей «Геркулес», который шёл нарасхват всеми обувными мастерскими. Накопив деньги, братья разделили их по-братски и разъехались.

— Так будет лучше, — сказал мудрый Хаим-Герш и уехал со своей семьёй в Казань.

Самуил остался, делал денежки и перебрался в Первопрестольную, где открыл часовую мастерскую в маленькой будочке. Параллельно он стал продавать советские газеты в киоске на углу Тверской и 2-й Тверской-Ямской. Хаим-Герш оказался прав. За Самуилом пришли ночью в ноябре 1933 из «конторы», как её сейчас кличут, и повели на допрос. Чего им надо было от бедного еврея, не состоявшего ни в каких партиях и по природной дурости не уплывшего заранее в Америку? Ответ прост.

ЦК ВКП(б) решил быстро построить социализм в одной отдельно взятой стране. Первая попытка, скажем честно, провалилась, потому что в Украине вместе с уничтоженными кулаками и середняками начисто пропал хлеб. О голодоморе простые советские люди узнали лишь через пятьдесят с лишним лет.

Тут в голову Главного экономиста СССР пришла спасительная мысль — надо вытрясти золото у бывших нэпманов, купить на Западе заводы и, наконец, исполнить мечту великого Ленина. «Контора» взялась за дело.

На допросе бедный Самуил так волновался, что сломал зубной протез и напустил в штаны. На все вопросы весёлого следователя он отвечал, что никакого золота у него не было и нет. Вот, он трудится — чинит часы гражданам, газеты продаёт с шести утра...

— Раньше, при царизме говорили: «На нет и суда нет!» — сказал весёлый следователь, — а мы говорим: «На нет — суд есть!» Так что, господин Сегал, или сдаёшь золото, или идёшь в ссылку.

Проведённый конторой обыск в коммунальной квартире Сегала результатов не дал, золота не было, валюты тоже. Но

не отпускать же Сегала, зря что-ли сажали? И отправился Самуил на Кольский полуостров. О его чудесном возвращении в Москву Циля рассказывала сыну Сёме не раз:

— Шёл он в жидком осеннем пальтишке и дрянных ботиночках и замерзал насмерть. Потом всех пригнанных распихали в каком-то посёлке, где они должны были кормиться и одеваться сами, отчего большая часть вскоре и перешла в лучший мир. Дедушка вспомнил своё часовое ремесло и тем кормился кое-как. Бабушке удалось всё же напасть на его след, и она отправилась в тот посёлок и привезла ему тёплые вещи. Вернувшись в Москву, она, как истинная патриотка, заменила мужа на трудовом фронте, то есть стала работать в том же киоске по продаже правды в розницу.

Однажды дедушка шёл по льду через реку к очередному клиенту чинить часы и провалился под лёд. Плавать он не умел и тотчас утонул бы, если бы чудом не уцепился за край льдины. Мало-помалу он выбрался на лёд и отполз от страшной полыньи. Местное население при этом безучастно наблюдало его поединок со смертью. Ему многократно повезло: он не утонул, не замёрз, оледенев, не заболел горячкой и не умер. К этому времени в нашей плохо отлаженной машине повернулась какая-то шестерёнка, и машина выплюнула очередной вердикт: дедушке и ему подобным разрешалось селиться где угодно, но не в Москве. Дед оказался в Ярославле. Глухой ночью он осмелился приехать в Москву за часовым инструментом. Он скользнул в дом тихо, как тень, прижимая палец к губам. Никто не должен был слышать о его проступке, иначе все его муки могли возобновиться.

Так он появлялся в Москве время от времени. Приехав однажды, он решил сварить порцию клея «Геркулес». Наверное, хотел сделать небольшой гешефт. Ему страшно не повезло. Клей вспыхнул, начался пожар. Он гасил его один, не смея позвать на помощь. У него сильно обгорели руки, но он боялся пойти в больницу и всю ночь ходил и нянкнул их. Утром стало ясно, что ехать в Ярославль в таком состоянии он не может.

Взяв свою младшую дочь для моральной поддержки, он отправился в милицию просить разрешения несколько дней

прожить дома, пока руки хоть немного заживут. Они долго сидели в очереди, пока не вошли в кабинет.

Начальник паспортного стола орал на них матом, бил кулаком по столу и выгонял, а они ревели в три ручья, умоляли, умоляли его смилостивиться — и не уходили... Видимо, Бог надоумил начальника спросить дедушку, по какой статье он осуждён. «По статье „19Н-а. Х.-ер“», — ответил дедушка сквозь слёзы. Тут начальник взглянул на стол, где под стеклом лежал циркуляр, возвещающий, что все осуждённые по данной статье признаются невиновными и могут возвратиться к своим домам, чтобы продолжить строить социализм. «Канторой» тогда правил товарищ Ежов.

Всё-таки крохотная часть ценностей у Самуила осталась. Поэтому он решил потратить их на улучшение жилищных условий. Как и кому пришлось дать взятку, сейчас неизвестно, но уже в марте 1939 года семья с зятем Ароном и будущим Сёмой переехала на второй этаж деревянного дома, стоявшего на углу Первого и Четвёртого Лесных переулков в малонаселённую коммунальную квартиру и заняла две комнаты 12 и 9 метров, причём большую отдали молодожёнам с учётом скорого прибавления семьи.

Вот так решилась жилищная проблема семьи Сегал. Самуил проявил необычайную прозорливость, потому что деньги — это не только вода, которая утекает сквозь пальцы. Советские деньги за время существования призрачной страны СССР менялись бесконечно и всегда в одном направлении — трудовые гроши населения обнулялись. За золото можно было получить только советские рубли, история с которыми изложена выше.

После рождения внука Самуил надеялся, что его имя перейдёт по наследству, но тут, как назло, вышел фильм с Раневской в главной роли. Её фраза, «Муля, не нервируй меня» звучала повсеместно. Счастливая Циля спросила отца:

— Папа, ты представляешь, как твоего внука будут дразнить без конца этой дурацкой фразой? Давай назовём его Сёмой. Семён ведь почти Самуил!

3

Арон во времена переезда из подвала уже работал в одном из конструкторских бюро министерства речного флота. Следует признать, что при всей своей жестокости у власти никак не доходили руки до этой важной отрасли народного хозяйства. А построить и спустить на воду корабль — дело не лёгкое. Если кто не знает, территория СССР почти равна $1/6$ всей суши планеты Земля и изрезана она огромными, большими, средними и малыми реками и речками во всех направлениях. Война, кстати, шла и на реках тоже. Но без угля ни паровоз, ни корабль не поплывёт, так что в конце 1943 Арона послали на восстановление шахт Донбасса.

Сема привык, что папа работает в командировках; у публики попроще, что жила в их дворе, почти все мужики сидели по тюрьмам или воевали. По дворам, окружённым со всех сторон сараями, ходили беспризорные дети, безобразничали, воровали всё, что плохо лежало.

Накануне отъезда в Донбасс Арон вынес во двор венский стул, который пережил войну и революцию, поставил на него Сёму. Слева и справа встали со строгими лицами мама с бабушкой. Папа очень любил фотографировать, и это сыграло роковую роль в его семейной жизни. Так и осталась в семье бледная фотография 1943/44 года с карапузом в дурацкой матросской бескозырке и сердитое лицо мамы.

Арон вернулся из Донбасса почти через год, вернулся совершенно больным с высокой температурой и периодическими рвотами. Цилиа сама поставила диагноз: грипп. Лечила чаем, заваренным с сухой аптечной малиной и красным стрептоцидом. Сёма вертелся рядом и жалел папу.

А война всё продолжалась. Взятие городов отмечалось в Москве несколькими артиллерийскими залпами среди дня без салюта. Иногда в радиостудии коллектив рукоплескал нашим победам над фашистами, и радиослушатели слышали аплодисменты.

Арон привёз из Донбасса овчинный тулуп и много денег. Цилиа взяла деньги и отправилась на Минаевский рынок по-

купать каракулеву шубу. Поскольку она ничего не понимала в каракуле, ей подсунули шубу с подгнившей мездрой. Покупка через неделю стала расплзаться, но некий мастер сумел всё-таки из неё сотворить полупальто, которое грело Цию четыре зимы, не меньше. Ция рассказывала всем встречным и поперечным, как жулики её кинули. Люди кивали, друзья поддерживали морально. Что делать — война!!! Жуликам и спекулянтам стало привольно жить. Ничего не бояться. Но ничего! Скоро победа! Всех сошлют в лагеря.

В день Победы родители купили Сёме деревянную пушку, которая стреляла всем, что совали в её ствол. Надо было только оттянуть толстую резинку — и снаряд летел метра на три, то есть от стены до стены. Одно воскресное утро запомнилось Сёме. Родители не побежали за продуктами. Сёма с пушкой лежал рядом с мамой, а папа согнулся над чертежом, наколотым на доску, и свистел арии из опер. У него это отлично получалось. Благодаря папе и его воскресной работе, которая звалась халтурой, у Сёмы развился вполне приличный музыкальный слух. Хотя Сёма побаивался папу, он не смог побороть искушение и, приставив пушку к одному месту согнувшегося папы, оттянул резинку и выстрелил. Маме было очень смешно, но она, давась от смеха, стала поучать Сёму, что так делать нехорошо. Арон, впрочем, даже не заметил проделку сына, он высвистывал арию Фигаро... Соседка Марильсанна очень осуждала соседскую привычку свистеть и говорила Сёме, что вот, её сын Павлик свистел и этим позвал смерть в гости. Вскоре отец Павлика помер.

4

В день празднования Победы шестилетний Сёма лежал больной с температурой. Арон с Цией отправились к друзьям повеселиться, хотя Сёма умолял:

— Мама не уходи!

Мама была в хорошем настроении и пела в ответ:

— Не уходи, скажи, что это шутка...

— Почитай книжку про зоопарк, — назидательно сказал папа Арон. — В прошлый раз ты сделал много ошибок...

Дело в том, что Арон был очень честолюбив. Занимая невысокую должность старшего инженера в отделе и получая нищенскую зарплату, он чувствовал себя невостребованным со всеми своими способностями. Ведь он свободно говорил по-немецки и без затруднений переводил технические тексты. Отцы часто стараются взять реванш в игре под названием «Жизнь» за счёт своих сыновей. Арон начал учить чтению Сёму ещё год назад и преуспел в этом. Теперь Циля всем рассказывала, какой Сёма талантливый ребёнок.

Читать Сёме совсем не хотелось. Он хорошо помнил, что папа заставлял его читать, а товарищи Борька и Юрка носились по двору и играли в войну. Их крики Тах! Тах! Заполняли воскресное пространство. Арон привычно склонялся над чертёжной доской и слушал чтение Сёмы. Торопясь отделаться, Сёма что-то прочёл не так про бегемота и бабочку. Арон потребовал перечитать правильно. Сёма опять повторил неправильно. Тогда Арон вырвал книжку у него из рук и проорал Сёме прямо в левое ухо, что там было написано. Сёма начал реветь, и раздосадованный Арон крикнул ему:

— Пошёл вон, балда!

На следующий год Сёма уже знал, кто такой Балда, потому что мама прочла ему знаменитую сказку Пушкина. Одно осталось непонятным. Ведь Балда был очень умным по сравнению с попом, который нанял его на работу, так что, вроде бы, папа его похвалил?..

Наступило первое сентября 1946 года. Мама отпросилась с работы и повела Сёму с новым портфелем в мужскую среднюю школу № 130. Солнце горело по-летнему. Во дворе школы стояла толпа учащихся, среди которых там и сям возвышались женщины со своими первоклашками. Директор школы, Фёдор Борисович говорил речь о великом советском народе, который одержал победу над Гитлеровской Германией и империалистической Японией и теперь нам всем нужно быстро восстановить народное хозяйство, а школьники должны очень хорошо учиться, чтобы помочь отцам и старшим братьям в этом важном деле. Директор был одет во френч, но без портупей, а на носу у него красовалось старомодное пенсне. Потом, спу-

стя три года Сёма вспомнил, что директор был очень похож на портрет Лаврентия Павловича Бери, и подумал, что они, наверное, братья.

Мама Циля была в полном восторге от выступления директора и всё время говорила Сёме:

— Слушай! Слушай! Не вертись!

Арон, за ужином сказал Сёме:

— Ты должен учиться в школе лучше всех, на одни пятёрки, потому что ты еврей.

— Почему? — не понял Сёма.

— Что почему? — с раздражением спросил Арон.

— Почему я еврей?

— Потому что я и мама евреи, и фамилия наша Розенбаум, а не Иванов, Петров, Сидоров! Теперь понял?

Сёма был поражён. У них во дворе Борька и Юрка и даже в соседнем дворе, куда он часто заходил, ребята при ссорах иногда называли друг друга евреем, и это означало жадность, нечестность... Вообще, что-то неприятное для других.

В школе быстро выяснилось, что больше половины учеников не умеют читать. К тому же надо было научиться аккуратно писать в тетради всякие палочки и загогулины, а потом и буквы. Предмет назывался чистописанием и для начала им всем дали чернильные карандаши. Если послушать бумагу, буквы становились темно-фиолетовыми, а на вкус грифель был противно-горьким. И вообще этот карандаш называли химическим.

Учительницу звали Клавдия Николавна. Она учила всем предметам и следила за дисциплиной, ставила отметки красным карандашом и им же писала замечания. За четыре часа занятий все уставали от совместного сидения безмерно и она, разумеется, больше всех. Перемена — самое замечательное время в школе. Особенно большая перемена. Скопившая потенциальная энергия выплёскивалась в беготне и бесконечных толканиях и тычках друг друга, в долгожданных набегах в уборную. Тех, кто садился на корточки с большой надобностью, подвергали насмешкам. Всюду валялись обрывки газетной бумаги, иногда изрядно испачканной.

Возвращались в класс распаренные, как после бани, продолжая орать и беситься из-за невыясненных отношений. Клавдия Николаевна железной рукой наводила в порядок, называла учеников вонючим порошком и безрогой скотинкой.

На родительском собрании Циля узнала, что у Сёмы твёрдая рука и нет проблем с чтением. Часто отвлекается и болтает, поэтому за прилежание в четверти выставлено 4, а не 5. Второе полугодие ознаменовалось переходом к писанию чернилами. Появились фаянсовые чернильницы-непроливашки, вставлявшиеся в отверстие посередине парты, и деревянные ручки с пером, на котором был выбит номер 86.

5

Арон в занятиях сына участия не принимал. Приходил домой с работы, ел и тут же заваливался на кровать, зарыв голову в подушки. Его не трогали, потому что он часто страдал тяжёлой мигренью. Самым главным лекарством в доме считался пирамидон. Ещё Арон любил чистить мусор между пальцами ног прямо при всех.

Вот, сейчас они ушли в гости, а Сёма вспомнил, как папа подмёл пол и ходил по комнате и вдруг со шкафа ему на голову свалился штатив от фотоаппарата. Но папа не заплакал, не захохотал и даже не потёр голову. Просто сказал:

— Чёрт его знает, почему он свалился.

И Сёме стало его очень жалко. А на следующее утро было воскресенье. Сёма пошёл побить мячиком об стенку в комнату бабушки, а Лиза лежала на своём диване и сердито зыркала на Сёму. И надо же такому случиться, что мячик отскочил ей прямо в левый глаз. Тут она заорала, как сумасшедшая, и Сёма побежал в свою комнату, чтобы спрятаться у папы, который ещё спал. И папа положил его на своё колено и сильно ударил по попе. После этого Сёма подумал, что ему совсем не жалко папу, которому штатив упал на голову.

Однажды зимней ночью Сёма проснулся на своём диванчике и увидел маму Цилю, которая сидела в кровати, прижимала руку к сердцу и говорила:

— Арик, я умираю!

От страха за мамочку Сёма чуть не описался и быстренько убежал в уборную. А потом Арон вежливо постучал соседу Владимиру Александровичу, который полгода назад вернулся из воинской части, и попросил помочь вынести Цию на свежий воздух. Так они вдвоём завернули её в одеяло и вынесли подержать на холоде. Через десять минут ей стало легче, и они принесли её обратно. Сёма тогда понял, что мама у него очень больная, и её надо беречь.

Когда кончился учебный год, Клавдия Николаевна написала на доске ужасно много номеров примеров по задачку, которые нужно было сделать летом, чтобы не забыли к следующему году. Сёма носился с друзьями во дворе, играл в чижика, в казаки-разбойники и стрелял из рогатки. Во дворе была настоящая жизнь. А дома была тоска, потому что мама лежала в больнице с сердцем. У неё были припадки сердцебиения, и она очень боялась умереть, потому что ей было всего тридцать лет. Когда Сёма выходил во двор играть, он забывал про маму и бегал, как ни в чём не бывало. Потом приходил с работы папа, ел ужин-обед и перед тем, как лечь и завернуть голову в подушку, спрашивал Сёму, сделал ли он задание по арифметике. Очень часто оказывалось, что Сёма забыл про задание. Тогда папа вытаскивал ремень из брюк и стегал Сёму два раза по попе, потом он ставил лампу на обеденный стол и велел решать примеры, которые он утром проверит. Если Сёма сделает ошибки, то Арон его заставит решать вдвое больше примеров на следующий день.

6

В одно из воскресений Арон проснулся в хорошем настроении и сказал Сёме, что пора ему научиться играть в шахматы. Все чемпионы мира, кроме Алехина и Капабланки, были евреями, и сейчас Михаил Ботвинник тоже чемпион мира. После завтрака Арон раскрыл коробку и высыпал чудесные резные фигуры и пешки.

— Запомни: пешка ходит только по прямой, а бьёт противника по косой, — вот так. Конь ходит буквой Г в любую сторону

и бьёт концом буквы Г, а слон движется по своей диагонали и никогда её не меняет. Король ходит в любую сторону на одну клетку и так же бьёт все фигуры и пешки, а королева — самая сильная фигура на доске и может ходить по косой и прямой линии и всех молотить. Но и её любая фигура может убить, даже пешка.

— А эти башенки?

— Я пропустил. Это ладьи. Они ходят только по прямой — вот так или вот так. Понял? Теперь давай играть. Арону было скучно играть с Сёмой, ему всё время хотелось спать. Он рассеянно слушал вести с полей, происки империалистов, славицы в честь самого мудрого человека из чёрной тарелки репродуктора, потом строго спросил Сёму, чистил ли он после сна зубы, потому что тот увиливал под любым предлогом. Уж очень ему был противен вкус мятного зубного порошка, особенно в тот момент, когда он ещё был сухой во рту.

Потом Сёма убежал во двор, где нашёл Лёньку-шахматиста, который был на два года старше и сказал, что теперь он тоже умеет играть в шахматы. Лёнька тут же принёс коробку и картонную доску и сказал:

— Сейчас посмотрим, какой ты у нас Ботвинник!

Они сыграли двадцать три партии, и в каждой Сёма получал мат. Однако теперь он кое-что стал понимать в этой древней игре. Оказалось, что самое позорное — получить на четвёртом ходу «детский мат».

Однако Лёнька Сёму не бросил, потому что Борька и Юрка были круглыми дураками, а играть в шахматы хотелось.

Арон с удивлением обнаружил через пару недель, что Сёма вполне ориентируется на доске и помечтал о том, что его сын станет гроссмейстером, по крайней мере.

И вот наступил августовский день, когда весёлая и красивая Циля вышла из больницы и появилась в комнате. По этому случаю сестра Лиза покинула свой старый диван и вышла ей навстречу. Сёма видел, как они обе рады, потому что они сразу засмеялись. Даже Арон немного повеселел, вытащил бутылку красного вина и пригласил Самуила и Броню (тёщу) выпить по рюмочке за здоровье дочери.

Хорошее не бывает без плохого. Только-только начался учебный год, Сёме исполнилось восемь лет, и мама Циля повела именинника в кафетерий на улице Горького, где купила ему в честь дня рождения два бутерброда — с сыром и любительской колбасой. Там же, у витринного окна Сёма с вождением умял бутерброды, а мама получила удовольствие это наблюдать... Прошла неделя и Сёма заболел. Ничего, казалось бы, особенного. Но мама, как детский врач обследовала сына и обнаружила у него раздувшуюся печень и селезёнку. Циля решила срочно везти сына в Филатовскую больницу, там, кстати, работал профессор Б., большой специалист по детским болезням. Он помнил Цилю ещё своей студенткой... Быстро время летит. Пощупав Сёмин живот, профессор настоятельно посоветовал оставить Сёму для обследования. В палате было ещё трое детей: двухлетний карапузик, выпивший настойку йода, мальчик семи лет с осложнениями после свинки и девочка девяти лет, страдающая болью в желудке после еды.

Сёма пролежал в больнице три недели. Коллега профессора Б. посмотрел Сёму и предположил, что у того цирроз печени. Этим открытием он поделился с Цилей. Она пришла домой вся в слезах и всю ночь прорыдала. Сёма не знал, что такое цирроз печени и с наслаждением ел всё, что ему давали, особенно огромное яблоко «Апорт», которое мама купила на рынке. Наверное, это яблоко его и вылечило, потому что он быстро пошёл на поправку, печень с селезёнкой перестали вылезать из-под рёбер, и посрамлённый профессор-диагност только развёл руками и сказал Циле:

— Ну что же? Я ведь не бог!

— Я тоже так подумала, — со злостью отрезала Циля.

Сёма вернулся в класс, где его уже стали забывать. Учиться стало невыносимо скучно. Появились задачи по арифметике. Сёма сразу их стал ненавидеть, потому что не понимал, зачем спрашивать сколько всего получится, если у тебя четыре га, а на два га ты посадил сто кг картошки. Сёма ездил весной с папой и мамой за город. Там они сажали картофель на участке земли, которую им и другим людям выделил совхоз. Они привезли два ведра картошки, от каждой картофелины отре-

зали часть, где сидели глазки, и Сёма сажал её в ямку, которую делал Арон. Возились половину дня. Мама взяла с собой бутерброды с топлёным маслом, луковичку и соль. Потом из совхоза привезли воду и все, кто приехал на работу, напились из бочки и поехали домой.

В середине марта Клавдя Николавна устроила диктант за четверть. Сёма очень старался писать без ошибок и вдруг уронил огромную кляксу на лист. Пока промокал, клякса стала ещё больше. Он так разволновался, что пропустил слово и не успел проверить, нет ли ошибок. От этого у него совсем голова пошла кругом, а пиписька стала твёрдой, как железо. Семеро одного не ждут, как говорится в одной глупой пословице, так что Сёма сдал свою тетрадь вместе со всеми и старался не думать, что ему поставят. Мама с папой всегда находили ему противную работу по чистописанию, пока они ходили в воскресенье за покупками. Им почему-то было важно, чтобы у него были одни пятёрки. В этот раз оправдались его самые худшие опасения — он получил тройку за диктант.

У мамы Циля была привычка проверять домашние задания. Почему она это делала, Сёма не понимал. Так же, как он не мог понять, почему все мальчики могут получать разные отметки (кроме закоренелых двоечников), а он не может. Взглянув на тройку, Циля ничего не сказала, только отвернулась и пошла на кухню разогреть суп. Грозное молчание совершенно расстроило Сёму. Он ушёл в дедушкину комнату и стал плакать навзрыд и чем дальше, тем громче. Дедушка, который никогда не вмешивался в процесс воспитания, сел рядом с ним и стал успокаивать:

— Не плачь, не надо плакать, ты исправишь тройку, и всё будет хорошо. И мы пойдём кататься на трамвае.

На небольшом столе стояла настольная лампа довоенного времени, явно из зажиточного дома. Основанием была толстая плита родонита, красиво сочетающего красный и чёрный цвета. Рядом с гофрированным полым латунным стержнем, в котором шёл провод, стояла литая из оловянного сплава фигура Наполеона Первого в треуголке и военной шинели с суро-

вым лицом, совсем как лицо Цили. У Сёмы прямо руки чесались сделать Наполеону больно, за то, что он никого не любит, включая Сёму.

7

К концу второго класса Сёма понял, что некоторые, которые любят подраться, ещё любят заодно поколотить слабых и трусливых. В этой группе особенно выделялся Генка Шматко. Клавдя Николавна сказала про него, что его отец военный, ему некогда заниматься сыном, а мама у него умерла. Сёма завидовал Вадику Шендеру, который носился за Шматко и с удовольствием обменивался с ним тычками.

Сначала Генка просто толкал или поддавал Сёму ногой под зад, но потом возникла, как говорили взрослые, идеологическая основа. Генка стал бить Сёму всё больнее, не встречая никакого сопротивления, и добавлять при этом:

— Ты ев-рей! Ты ев-рей! Рыжий-маменькин-сыночек!

Сёма после экзекуции уходил плакать, а остальным в классе было наплевать на Сёму, в том числе и Вадику. Он сидел сзади Сёмы с Эдиком Смирновым, слабосильным, с тонкими руками и ногами, и часто его мучил, но Эдик при этом не плакал, а, как казалось Сёме, получал удовольствие. Они часто смеялись, и Сёма всё вертелся, чтобы узнать, над чем они смеются. Клавдя Николавна всё время его останавливала:

— Розенбаум, не вертись. Розенбаум, смотри на доску.

Однажды она даже отняла у него портфель и сказала, чтобы Сёма привёл родителей. Сёма так испугался, что начал реветь, повторяя:

— Клавдя Николавна, я больше не буду, я больше не буду.

В конце концов, она над ним сжалилась и сказала, что прощает его в последний раз. Хлюпая носом, счастливый Сёма схватил портфель побежал быстренько домой.

По дороге ему пришло на ум, что Вадик, наверное, не знает про себя, что он еврей, и потому ему легче жить. Правда, он сильнее Сёмы, у него такие крепкие руки... Потом, его папа майор. Они богатые. Эдик был у него дома и видел телеприём-

ник, и они смотрели в нём футбол. А футболисты там такие маленькие, меньше, чем мальчик-с-пальчик.

Наконец-то закончился учебный год. Как ни старался Арон вытащить Сёму в круглые отличники, по арифметике и по прилежанию в таблице стояли четвёрки. Правда, до конца школы оставалось ещё восемь лет. Арону очень нравилась древняя китайская поговорка «Дорогу осилит идущий». В его тридцать три года он ещё надеялся показать всем, что он не простой старший инженер...

Вопрос, куда девать Сёму на лето, неожиданно легко решился. Министерство речного флота выделило для детей сотрудников три речных судна. Июнь Сёма пробежал во дворе, наигрался в шахматы с Лёнкой, иногда даже удавалось у него выиграть. С Борькой и ещё одним пацаном с другого двора построили шалаш из досок, который Борька почему-то упорно называл «Салаш».

Отец Лёнки в июне не пил, а строил шкаф с зеркалом, для чего он сперва соорудил верстак. Любой человек мужского рода не мог не задержаться и не переброситься словами с мастером «золотые руки», проходя через двор. Остатки от досок при строительстве шкафа и послужили строительной фантазии Борьки, чей отец работал шофёром на трёхтонке и всегда к вечеру еле держался на ногах от принятой на грудь водочки. Зато фамилия у него была Некрасов, а не Розенбаум. Одной фразой великий поэт России увековечил себя и всех однофамильцев: «Что ты жадно глядишь на дорогу / Вдалеке от весёлых подруг?» Соседи Розенбаумов всегда после выпивки с закуской пели народные русские песни и, конечно же, истинно народный знаменитый романс.

Так вот, июнь прошёл и пятого июля после работы Арон взял сына за руку, взял чемодан с одеждой и портфель и повёл Сёму на борт парохода «Пестель», пришвартовавшегося к причалу Южного порта. Там он сдал сына на попечение дамы средних лет и на прощание достал из портфеля триста граммов круглого печенья и переложил в чемодан.

— Расти и умней, — сказал он сыну и ушёл в надвигающуюся ночь.

8

Чем так знаменит 1947 год? — в этом году Сталин отменил продуктовые карточки. И вообще — Сталин, как отец нации, делал всё, чтобы скорее залечить раны, нанесённые войной. Авторитет Сталина можно сравнить только с авторитетом самого Господа Саваофа. Поэтому примерять к нему мишуру под названием «самый человечный человек» просто глупо. Когда Борька на весь двор обзывал Сёму евреем, Лёнька говорил, хотя и не столь же громко:

— А Сталин — грузин!

Отмена карточек произошла зимой и запомнилась Сёме тем, что на столе к чаю появилась баночка с клюквенным вареньем. Мама и папа были радостно возбуждены. Вечер запомнился ещё и тем, что по радио транслировали эстрадный концерт, который вели два известных хохмача, два еврея — Лев Миров и Александр Дарский. Когда Дарский сказал куплет про парня, которому негде жить, Миров ответил:

— Ничего, ведь завтра утром он поедет прямо в Рай.

— Неужели он умрёт? — спросил Дарский.

— Нет, конечно. Он поедет в Райжилотдел, — ответил Мирский.

Арон при этом громко смеялся, а Циля и Сёма очень его в этот момент любили, потому что смеющимся папа бывал редко.

Автор этого повествования намеренно опустил рассказ о пребывании Сёмы на борту парохода «Пестель», потому что это заняло бы непропорционально большое место, и читатель мог возмутиться — да кто такой Сёма? И какое мне до него дело? Поэтому просто скажем, что Сёма здорово одичал за два летних месяца, у него появился голодный волчий блеск в глазах, лагерные привычки и вставки в устную речь, которые очень веселили Цилю.

Главное, что Сёме первого сентября исполнилось девять лет. Он даже не мог представить, сколько новых неприятностей подарит ему жизнь. Правда, изредка случались и прекрасные.

К примеру, к годовщине Октябрьской революции весь класс приняли в пионеры. Приём состоялся в огромном многоэтажном клубе имени Зуева. Зуев, кажется, был участником революции 1905 года. Но не это важно. Важно то, что на сцене за письменным столом, покрытом кумачом, сидела любимая поэтесса Агния Барто. Сёме, отличавшемся великолепной памятью, старшая пионервожатая велела прочесть два стихотворения. Сёма прокричал «Весна, весна на улице...» и «Что болтушка Лида, мол...» прямо в лицо великой Агнии Барто, и она широко ему улыбалась, а потом с трудом встала и поцеловала Сёму в лоб.

Сёма летел домой, новенький красный галстук вылез из пальто и развевался на ветру. Едва отдышавшись, он крикнул склонившемуся над листом ватмана Арону:

— Папа, меня приняли в пионеры!!!

— Поздравляю, — ответил Арон пресным голосом, не отрывая глаз от чертежа, и радость Сёмы в один миг улетучилась.

Удивительно, но в третьем классе начали учить немецкий язык. Строгая блондинка с ходу стала называть цвета радуги. Оказывается, синий по-немецки — бляю! Генка Шматко, который сидел рядом с Сёмой за партой тут же оживился и громко сказал «блять». Сёме прямо неудобно стало. А красный, оказывается, — рот. Ну да, ведь рот красный...

Арон очень воодушевился и утром в воскресенье написал для Сёмы весь немецкий алфавит, который заставил тут же выучить. Особенно понравилось Сёме окончание алфавита — икс, игрек, зет. Прямо как окончание марша: трам-пам-пам-пам — икс + игрек, зет!

Между тем, в третий класс неожиданно влилось пятеро переростков: Ермаков, Салихов, Корнаков, Морозов и Ежков. Ермаков вообще ждал весеннего призыва в армию, он на фоне детворы казался взрослым мужиком, да таким, по сути, и был. Клавдия Николаевна стала искать подход к новым учащимся, которые были на голову выше её. Арифметика и русский язык их совершенно не интересовали. Их интересовали женщины.

Однажды ей пришлось в голову устроить представление в физкультурном зале по стихам Маршака. Сёма, как самый

начитанный, должен был говорить авторский текст, а пять остальных, включая Салихова, исполнять роли жертв математических ошибок нерадивого ученика: «И вышло у меня в ответе два землекопа и две трети...» et cetera.

9

Генка Шматко теперь стал называть Сёму не евреем, а жидом. Это было особенно обидно. Но дело даже не в нём. Везде — в магазинах и на транспорте стали слышны, чаще всего пьяные, голоса, что евреи всю войну за русскую ж... прятались. Откуда это полезло, никто не мог объяснить. Однажды дедушка взял Сёму покататься на трамвае в воскресенье. Народу набилось много. На одной из остановок старый еврей с улицы спросил у пассажиров с сильным еврейским акцентом:

— Скажите, это «Бе»?

(В те далёкие времена в Москве ходили трамваи «А» и «Б») Кто-то ответил, что нет, не «Б». Два парня стояли рядом с Сёмой и один рассмеялся:

— Еврей спросил Абрама!

Другой подхватил, что в Москве стало слишком много евреев и рассказал анекдот, который Сёма уже слышал от Борьки:

Еврей и русский поехали на трамвае, а билеты не брали и договорились, что, если придёт контролёр, еврей спросит: «Ась?», а русский спросит: «Щё?». И как раз пришёл контролёр:

— Ваш билет?

А русский:

— Щё?

— Посиди ещё!

А еврей:

— Ась?

— А ну вылазь!

После этого еврей с русским сговорились пойти воровать. Их поймали, привели в милицию. Еврей сказал русскому, что теперь он будет говорить: «Щё?». Русский согласился. Пришёл начальник милиции и спросил:

— Кто придумал воровать?

А еврей:

— Щё?

— Посиди ещё!

А русский:

— Ась?

— А ну вылазь!!!

И парни стали хохотать, посматривая на дедушку и всех вокруг. Дедушка нахмурился и молчал, Сёма делал вид, что его это не касается, а дедушка потом, когда сошли с трамвая, пробурчал, что, если бы они полезли к нему, он бы им задал перцу, но Сёма не очень-то ему поверил.

Между тем, Генка стал настоящим фашистом и почти каждый день издевался над Сёмой. Однажды он довёл Сёму до рыданий, и весь класс по этому поводу очень веселился, а после уроков в вестибюле Ежков крикнул:

— Эй, Розенбаум, бей жидов — спасай Россию!

Тут открылась дверь директорского кабинета, и сам Фёдор Борисович мягко пожурил Ежкова за несдержанность, ибо приказа сверху по этому поводу ещё не поступало.

Кончилось тем, что однажды Сёма пришёл домой и сказал папе, что больше в школу не пойдёт. Арон подробно допросил его и сказал, что поговорит с директором. Через день он действительно встретился с Фёдором Борисовичем. Видимо, у Арона нашлись веские аргументы, а приказа сверху, что можно начинать бить всех евреев, пока не было, как мы уже говорили выше.

Директор вызвал Шматко и, наверное, что-то сказал ему такое, что Генка пришёл в класс совсем шёлковый и сказал, что он будет заступаться за Сёму всегда, только пусть он пойдёт с ним к директору и скажет, что они помирились. Сёма был откровенным сангвиником. Он вмиг забыл все обиды и свои рыдания и помчался за Генкой на первый этаж к директору.

Придумали же взрослые, что в третьем классе надо решать задачи на предположение. Сёма никак не мог понять обяза-

тельную фразу: «Предположим, что оба землекопа выкапывают яму с одинаковой скоростью...». Арон приходил со службы злой и голодный, и Цилия в первую очередь старалась его накормить. Потом он ложился на полчаса, завернув голову в подушку, и вставал к вечернему чаю. За чаем Арон интересовался успехами по немецкому и арифметике. Тут он быстро терял терпение, потому что Сёма никак не желал произносить **h** на берлинский манер, как гхэ горлом. Кстати, в Украине большинство населения так и произносят букву Г.

Но самая мука начиналась, когда Сёма никак не мог сообразить решение очередной задачи на предположение. Арон требовал громким голосом повторять предложение: «Предположим, что два рабочих вытачивают одинаковое число деталей в час...». Сёма трясущимся голосом повторял и все равно не понимал. Арон срывался на крик, а Сёма начинал рыдать. Как правило «учёба» продолжалась до момента, когда Цилия ставила сына в детскую цинковую ванночку и купала его. В последний момент Арон ворчал:

— Иди купаться, балда!

10

Что-то в жизни Розенбаумов пошло не так. Арон приходил с работы, ел и, как всегда, ложился, зарыв голову в подушку. Цилия тоже пыталась полежать после дня, проведённого в детской инфекционной больнице. Сёме после проверки заданных уроков предоставлялась возможность почитать. Бабушка сновала через проходную комнату с тарелками и кастрюльками то в кухню, то из кухни, дверь хлопала. Цилия возмущалась:

— Покоя нет! Сколько можно бегать туда-сюда?!

Бабушка не отвечала, её жизнь была связана с кухней. Правда, были времена, когда ей помогала украинская служанка, как она рассказывала Сёме:

— Я шла на базар, и у меня был золотой империал. Я на него покупала столько продуктов, что моя служанка еле тащила домой две тяжёлые сумки. Это было до революции. Дедушка тогда возил меня в Карлсбад, где я лечила колени.

Однажды Сёма взял из школьной библиотеки замечательную книжку «Старик Хоттабыч» писателя Лагина. Пока не закончил, не мог оторваться. Потом стал зачитывать отрывки маме. Ей настолько понравилось, что пока Арон ел свой обед-ужин, она пододвинула ему книжку с одной очень смешной сценой, как старик Хоттабыч сделал из парикмахера барана. Пока Арон косился через очки в книжку, мать и сын ревниво смотрели на его реакцию. Вот он усмехнулся, и они тоже засмеялись, потом ещё раз. Все были счастливы.

Но, как говорится в одном стихотворении, «недолго счастье длилось». Однажды Сёма ещё не успел заснуть и услышал, как Циля квохтала Арону печальным куриным голосом, что они перестали вместе где-либо бывать, что даже у его родственников Богановских уже год, как не были. Арон молчал, потом снял брюки и полез в постель, как всегда, зарыв голову в подушках. А Сёма вспомнил, как папа брал его с собой в гости к двоюродному дяде Моне, потому что дяде очень нравилась золотая с рыжинкой голова Сёмы. Дядя часто его гладил по голове и восхищался:

— У тебя, Сомик, голова прамо из чистого золота.

Попив чаю, Арон говорил стандартную фразу:

— Дядя, одолжите мне тысячу рублей, пожалуйста.

Получив деньги и посидев для приличия ещё десять минут, они ехали на пригородном поезде со станции «Люберцы» до Москвы, потом в метро до станции «Белорусская» и уставшие от длинной дороги, радовались возможности отдохнуть, каждый на свой манер: Арон ложился, снимал очки, отчего его лицо казалось беззащитным, закрывал глаза и слушал никогда не выключающееся радио. Сёма, посидев пять минут дома, бежал во двор играть с ребятами. За окном заканчивалось воскресенье.

Кризис разразился в один из воскресных зимних вечеров. Циле надоело наблюдать вечно лежащего мужа, и она решила с сестрой Лизой сходить на фильм в клубе Зуева. Какой фильм? Это было неважно. Она обнаружила у себя только красную тридцатку и в поисках мелочи, залезла в карман пальто Арона. Там она вместе с мелочью наткнулась на кассету с фотоплёнкой. Женское любопытство способно открывать разные ящики

Пандоры, не предвидя последующих бед. Вместе с Лизой она стала изучать содержимое фотоплёнки, где, несмотря на негатив, легко просматривалась обнажённая женская фигура на раскрытой постели и в различных позах.

Решение созрело мгновенно. Растволкав мужа, Циля решительно сказала ему:

— Сейчас мы с Лизой идём в кино. Если к моему приходу не будет объяснения того, что я увидела на этой фотоплёнке, ты можешь уйти ночевать к своей любовнице или к своей родне. И не вздумай возвращаться. Жёстко хлопнула дверь.

Арон сидел на кровати, как ушибленный пыльным мешком из-за угла. Потом переместился к столу. Оказывается, родители Циля всё и всегда слышали, потому что оба появились вскоре в комнате после ухода Циля, и бабушка со слезами стала спрашивать Арона, чем они все прогневили Бога? Как можно вынести такой позор, о котором вскоре все-все узнают?

Арон что-то мямлил о своей нервной болезни. Дедушка стоял в одних кальсонах и молчал. Бабушка поохала и вернулась в свою комнату. Сёма начал хныкать:

— Папа, чего мама кричала? Чего она кричала?

— Она не будет кричать, — спокойно отвечал Арон. Давай-ка лучше сыграем в шахматы.

Сёма с готовностью принёс доску и стал расставлять фигуры. Начали партию. Однако мысли Арона витали далеко. Помучившись минут десять, он встал и стал собирать свой нехитрый скарб в портфель. Через полчаса он погладил Сёму по голове и посоветовал идти спать. Потом он тихонько прикрыл дверь комнаты, но Сёма услышал, как щёлкнул замок входной двери в парадном.

11

Началась новая жизнь. Стыдная жизнь, безотцовщина. Вскоре выяснилось, что денег в семье не стало совсем, потому что врачи с десятилетним стажем получали примерно столько же, что и учителя начальной школы. В мае Арон появился в их комнате

в последний раз, чтобы забрать кое-какие вещички. Сёма в этот момент катался на перилах с Борькой. Арон вышел с набитым портфелем и на ходу поцеловал Сёму. А Борька спросил:

— Твой отец поехал в командировку?

Сёма кивнул. Он был счастлив, что может кататься на перилах и не думать о светлом будущем, про которое писали в газетах. И ещё оказалось, что очень даже хорошо, что Арон ушёл. Никто больше не называл Сёму Балдой.

Единственное, чего он боялся, было обязательное объявление о разводе, которое печаталось на последней странице газеты «Вечерняя Москва». Кто-либо из знакомых или даже соучеников мог прочесть и спросить:

— Эти Арон Моисеевич и Цилия Самуиловна Розенбаумы не твои родители случайно?

Из почты принесли бандероль. В ней оказалась сберегательная книжка. Сёма открыл её и увидел, что папа перевёл им 150.00 рублей. Сёма был в восторге и побежал в комнату, где лежала тётка Лиза с криком:

— Смотри, папа нам перевёл пятнадцать тысяч рублей!

Лиза посмотрела и сказала:

— Какой же ты Сёма дурачок! Или слепой? Не видишь точку после 150? Чему тебя в школе учат!

Сёма посмотрел и совсем расстроился. Что такое сто пятьдесят рублей, когда Мама получает шестьсот шестьдесят!

На лето Циля договорилась с подружкой Машей, что Сёма у них поживёт в Ховрине. Тётя Маша и её муж Иосиф были очень богатыми и очень добрыми. Циля всегда говорила о муже Иосифе с придыханием:

— Ёся экономист и работает на кафедре экономики доцентом!

Сёма спросил у Цили:

— А сколько денег получает дядя Ёся?

— Он получает почти в три раза больше, чем твой папа, — с горечью констатировала Циля и очень глубоко вздохнула.

Между тем, Циля решила изменить свою жизнь и стать специалистом в области ушных и носоглоточных болезней.

Переподготовка заняла около года. Экзамены она сдала и приступила к работе в отдельном кабинете в поликлинике № 69. Теперь она звалась специалист — отоларинголог.

Молодой женщине с десятилетним сыном жить нелегко, а в интимном плане просто ужасно. Нужен мужчина. Приходили разные гости в брюках с конфетами, тортиками и даже вином. Циля шутила, кокетничала. Вторая комната с одинокой Лизой и родителями молчала. Даже бабушка не выходила с кастрюлями.

Однажды пришли два военных в кителях и с медалями. Принесли с собой много закусок, выпивку умеренно. Шутили, смеялись. Один показывал Сёме карточные фокусы. Потом Сёму отправили спать, а военные остались до утра. Сёма по дороге в школу всё думал, как они уместились в их комнате. Циля встала утром после гостей в хорошем настроении. Гости оставили много вкусных вещей и Сёме с утра достался кусок бисквитного торта.

Однако нужен был муж, желательно еврей. Такой вскоре сыскался по фамилии Беленький. Циля спросила Сёму, нравится ли ему Давид Рувимович Беленький. Сёма пожал плечами и ответил по-взрослому:

— Главное, чтобы он тебе нравился.

— В отличие от твоего папы, он работает заместителем начальника отдела и зарабатывает вдвое больше. И, кроме того, ему обещают жильё в приличном доме...

12

Прошло целых три года. Арон регулярно посылал сто пятьдесят рублей в месяц алиментов, но теперь это были вообще не деньги. Благодаря Давиду, семья стала из бедной прямо-таки зажиточной. Но если в семье было сытно и спокойно, то за её пределами начиналось что-то немыслимое. Поднималась высокая, как цунами, волна всенародного антисемитизма.

В тот день, когда вся страна по радио услышала о подвиге доктора Тимашук, разоблачившей врачей-убийц в белых халатах, Сёма пошёл в школу без особой тревоги, потому что среди

врагов было и несколько русских фамилий. Однако русский народ думал не так, как Сёма. Генка Шматко схватил Сёму за воротник на лестнице и угрожающе прорычал:

— Ты за что, сука, Жданова убил? Отвечай!

— Да ты что, сдурел совсем, что-ли?

Тут Шматко увидел поднимающегося по лестнице Вовку Трахтмана и с торжеством задал ему тот же вопрос.

В классе царило оживление. Сёма и три его товарища по несчастью числиться евреями наблюдали зарождение анти-семитского урагана, который должен был накрыть всю страну. Первый урок вела толстомордая химичка с грубо намалёванными красными губами. Урок химии под её руководством быстро превратился в вечер вопросов и ответов. Энтузиазм учеников всё возрастал. К счастью, прозвенел звонок. Наиболее активные ученики окружили учительский стол. Тут, как назло, Вовка Трахтман сунул своё лицо посмотреть школьный журнал. Химичка среагировала моментально: Трахтман получил довольно сильный тычок в нос, даже кровь капнула. За общим шумом и гамом инцидент прошёл незамеченным. Однако папа Трахтмана работал начальником Московского телеграфа, а приказа бить сверху пока не поступало. В результате химичку уволили в три дня.

В ветреный день начала марта Левитан трагическим голосом оповестил страну, что родной отец, тиран, предатель и подлец помер. Вся страна была охвачена горем. Седьмые классы были выведены в коридор на траурную линейку. Физик, малорослый и прямой, как палка, старичок с орденом Ленина на лацкане пиджака, прорыдал «Кого мы все потеряли!»

Завучиха Марья Васильевна истекала прилюдно слезами. У первого ученика 7 класса «Б» Вовы Иванова на носу набухала большая капля. Один Шматко кривлялся во второй шеренге и тыкал карандашом в зады впереди стоящих. Первый ряд укоризненно смотрел на несознательного Шматко, но молчал.

Ну, разве можно в такой день учиться в школе? Всех распустили по домам. Сёма зашёл к своему приятелю Витьке, который болел, и сказал его матери, что бабушка и мама плачут по

Сталину. Однако Витина мама ничего не ответила и, кажется, разозлилась на Сёму. Её муж работал водителем грузовика и, наверное, получал маленькую зарплату, а в это время у них родился Алёшка, и им было совсем не до Сталина.

Когда стемнело, Сёма вышел на улицу Горького. Машин почти не было. Прямо посередине шеренгами быстрым шагом неслись к центру Москвы трудящиеся, спешащие попрощаться с любимым вождём. Потом, лет через пять, люди рассказывали, что Вождь в ночной давке унёс с собой на тот свет ещё несколько сотен своих рабов — мужчин, женщин и подростков.

Через полгода в один из выходных в дверь позвонили, и в их комнате появился Арон со своей дочкой Наташей, милостивой девчушкой трёх лет. Циля посчитала это вторжением в её личную жизнь и демонстративно пошла на кухню, так что Арон стал общаться с Беленьким. Сёма сидел рядом и делал уроки.

Арон сделал попытку разговорить Давида и стал рассказывать о недавно минувших днях, когда решалась судьба всех советских евреев. Как ни старалось министерство государственной безопасности скрыть до времени сталинские планы планомерного уничтожения евреев в лагерях на Дальнем Востоке, они стали известны Эренбургу и другим общественно-значимым гражданам еврейской национальности. Они стали писать и передавать в европейские посольства в Москве записки об ужасной опасности, которая нависла над самим существованием еврейского народа. А подготовка к поголовному выселению евреев из центральной России шла быстрым темпом. Их должны были гнать в товарных вагонах, как скот, с планами потерять в пути от голода и болезней четверть людей. Вагоны должны были быть plombированы и не открываться вплоть до прибытия на место высылки. Это должно было в печати освещаться, как защита евреев от реакции окружающего населения.

Сам Арон тайно вошёл в число дружинников-евреев. Их целью было добывание стрелкового оружия и гранат и организация сопротивления в гетто до тех пор, пока европейские

страны не сделают запрос в ООН о недопустимости послевоенного геноцида.

Однако Давид не хотел рассуждать на эту тему. Сёма был ещё мал, чтобы осознать, какая опасность нависала над несчастным и гонимым Иудиным племенем совсем недавно. Последнее, что он успел ухватить из рассказа папы, было то, что Жорж Марше — председатель французской компартии всё-таки сделал запрос в адрес Сталинского Политбюро и во Франции начался нежелательный шум и митинги по защите советских евреев.

Высказав всё, что у него накопело за прошедший год, и не дождавшись приглашения к чаю, Арон надел шапку на дочку, протёр очки и пошёл к двери. Проходя мимо кухни, он вежливо раскланялся с соседями и кивнул Циле, а дочке сказал:

— Помашаи тётке Циле ручкой и скажи ей, чтобы она не сердилась. Мы уже уходим.

Сёма после ухода папы вспомнил, как по радио объявили, что врачи невиновны. Поэтому поводу выступал сам Ворошилов. А в это время к маме пришла подруга Клава с мужем Мишей. Услышав, что профессора-врачи евреи невиновны и могут дальше строить социализм в нашей счастливой стране, дядя Миша стал плакать при всех, а тётке Клаве было неудобно, что он так раскис.

13

А жизнь продолжалась. Наступил 1954/55 учебный год. Вышел указ, что девочки и мальчики могут теперь учиться вместе. Казарменный социализм медленно замещался социализмом с «с человеческим лицом». Сёма и его приятель Юлик Либерман из параллельного класса перешли в бывшие девчачьи школы, которые были поближе к дому.

От присутствия рядом такого огромного количества девочек у мальчишек кружились головы. Тем более, что девочки употребляли одеколоны, от них пахло свежестью и весной.

Сёма вспомнил, что, когда он был второклашкой и учились во вторую смену, парни из десятого класса пригласили на ве-

чер танцев девчонок из соседней школы. Малыши явно мешали встрече, разыскивая свои пальтишки. Сёма запомнил, что один из донжуанов дал ему довольно больно ребром ладони по шее, приговаривая:

— Давай, уматывай живее, ну!..

Да-а, а теперь он сам в десятом классе, и кругом девчонок — на любой вкус! Но надо думать о поступлении в институт, чтобы не загреметь в армию.

Шура Богановская, жена Миши, двоюродного брата Арона позвонила и просила прийти на день рождения сына. Цилия сказала, что очень занята, а Сёму спросит. Тот с радостью согласился. Ему нравилось бывать в двухэтажном домике Богановских в Всесвятском. Домик стоял посреди довольно большого незастроенного участка, куда можно было выбежать и наиграться в разные игры, а ещё там был огромный сарай с инструментами. Шура приготовила много тарелок с холодцом, украшенным резаными яйцами и натёртым хреном, от которого прямо щипало глаза. Две дочки Шуры накрывали на стол, а сын Миля, как всегда, задумал бороться с Сёмой в соседней комнате. Потом пришла родня — Изя с Мусей, бездетные родственники Зяма с Соней и когда уже садились за стол, появился Арон с дочкой. Все по этому поводу шумно радовались. Арон подошёл к Сёме, потрепал по плечу и сказал:

— А ты изменился. Подрос и такие длинные волосы отпустил...

Сёма молчал и не знал, что ему ответить. Слава богу, Арон не спросил, как сын учится. Был занят разговором с Мишей и Изей. Миша два года, как демобилизовался из армии. Он прошёл всю войну и закончил её в Венгрии капитаном. Танкистом. Его не отпускали до января 1952, и он служил в Грузии. Виделся с семьёй один раз в год. Теперь Миша преподавал детали машин в техникуме, на хлеб с маслом хватало. А рассказывал он, как его из метро поволокли в милицию.

Сижу я, дремлю. Вдруг слышу кто-то мне в лицо перегазом дышит и говорит, что вот, мол, сидишь, всю войну в тылу просидел, не воевал и раз меня по голове шлёпнул ладонью,

потом другой. Я вскочил, схватил его за ворот и стал душить. Подбежали ему на подмогу мужики, втроём не смогли разжать мою хватку. А тот уже совсем синий. Тут как раз остановка, зовут милицию. Взяли меня и этого «потерпевшего», и ещё один свидетель пошёл. Они меня спрашивают:

— Почему хулиганите, нарушаете порядок.

Я отвечаю, что сидел, дремал, а этот подошёл и ударил по голове, оскорблял. А я — участник войны, вышел в отставку майором запаса. А менты мне говорят:

— Вы не должны были его душить. Вы должны были защищаться вот так! И показывают, как надо было закрыть голову руками.

А я им говорю:

— Меня родная мама так не учила защищаться.

В общем, поговорили, пожурили, выписали штраф, и я ушёл.

Сёма слушал, какой дядя Миша храбрый и сильный, и ему было стыдно, что его какой-то сопливый пацан Шматко доводил до рыданий пять лет назад.

Потом дядя Миша попросил папу поиграть на скрипке. Надо же, Сёма никогда не знал, что папа владеет смычком! И вот, тётя Шура принесла скрипку, папа настроил её и заиграл что-то очень печальное. Надо же — выучил, наверное, эту пьесу ещё до войны, в Елисаветграде — и так играет! Хоть сейчас принимай его в оркестр.

От мамы Сёма знал, что она с Лизой до войны ходила петь в хоре в клуб Зуева. Там они исполняли всякие военные песни, вроде «...И будет белым помниться, Как травы шелестят, Когда несётся конница Рабочих и крестьян...». Все оказались такими музыкальными! По виду и не скажешь!

Сёма заканчивал десятилетку. По этому случаю Арон позвонил Циле и сказал, что хочет подарить костюм сыну. Завтра заедет за ним в школу, пусть предупредит Сёму. Это было время, когда подавляющее большинство населения пользовалось только общественным транспортом. И телефонов было кругом — раз-два и обчёлся, но Беленький работал заместителем

начальника отдела, собрал справки и через пару лет ему провели телефон. Кроме того, он был партийный еврей, так что почти русский.

Поскольку Арон не работал в торговле, деньги на костюм для сына он собирал, думается, долго. И вот, они пришли в универмаг на улице Горького и выбрали тёмно-коричневый в синюю узкую полоску шерстяной костюм за тысячу шестьсот рублей. Арон помял полу пиджака и убедился, что это чистая шерсть, затем Сёма снял школьный китель с металлическими пуговицами и накинул пиджак, который блеснул шелковистой чёрной подкладкой.

Чуть великоват, но ты ведь ещё подрастёшь и в плечах раздашься, не так ли? — Арон улыбнулся. — Ну, теперь скажи спасибо отцу и иди домой.

14

Когда Сёма сдал экзамены в Пединститут на факультет химии и биологии, все были довольны. Евреев принимали далеко не везде и под любым предлогом старались, чтобы их водилось поменьше. На факультете было подавляющее число девчонок, а в дирекции лежало распоряжение сверху о соблюдении разумных пропорций с парнями. Как хорошо, что он не полез в конструктора или в сталевары! Говорили в Бауманском, что если сдал сопромат — можешь идти жениться. Сдался ему этот сопромат! А биология с химией нужны всегда и всем...

Наконец, Бельенькому дали отдельную однокомнатную квартиру в самом конце Измайлова, 16, 88 метров квадратных на троих! Зашибись. В здании какой-то бывшей гостиницы. В ремонте помогли родственные связи. Потому как ничего в хозяйственном магазине толком не купишь. Всё из-под прилавка с переплатой. Но мы за ценой не постоим? Не постоим! Правда, до метро нужно ехать на трамвае или троллейбусе. Зато домой можно не торопиться. С подружкой погулять, Москву посмотреть, мороженое купить. Евреев на курсе, наверное, каждый третий. Учите и лечите — наставляет партия.

Кого выучите, те достроят, наконец, бесконечный социализм и начнут строить коммунизм. Хрущёв всё объяснил, дай бог ему здоровья!

Беленький за столом сказал Сёме:

— Вот вы сейчас смеётесь над Хрущёвым, анекдоты про него рассказываете, а он дома начал строить для простых людей. При Сталине никаких домов не строили, жили в коммуналках, бараках. Все силы были брошены на стройки коммунизма — каналы рыли, плотины ставили, электростанции возводили. Всё для будущего. А жить-то сейчас хочется, причём каждому.

В одно из зимних воскресений опять в гости без предупреждения явился Арон с повзрослевшей дочкой Наташей. Симпатичная получилась девочка. Сходу похвастался, что теперь живёт с семьёй в отдельной двухкомнатной квартире недалеко от университета. А началось всё с того, что Арон нашёл толкового рабочего, депутата в районном комитете партии и предложил ему вместе оформить изобретение по блочному строительству многоквартирных домов. Всю инженерную проработку Арон взял на себя, а рабочий Козлов должен был проталкивать этот проект по строительству целых заводов, выпускающих блочные модули будущих квартир. Огромный шаг вперёд в жилищном строительстве.

— Полгода назад было совещание в министерстве. Туда прибыл Хрущёв, задавал вопросы, чиновники что-то блеяли, Никита стал накаляться от злости и спросил:

— Есть в зале хоть один специалист, который может понятно объяснить, как увеличить темпы гражданского строительства?

Тут я поднял руку и пошёл к трибуне. А вся эта чиновничья шушера зашепталась:

— Кто это такой? Откуда он?

А мой напарник Козлов, который сидел в президиуме, прямо Хрущёву доложил, что я, мол, его соавтор по поданному изобретению на блочный метод строительства, Розенбаум Арон. И что я — инженер, участник войны, ну и так далее.

Хрущёв благосклонно меня выслушал и дал добро. А Козлова пригласил в депутаты горкома партии:

— Я лично дам характеристику товарищу Козлову! Такие люди нам очень нужны. Они наши маяки в строительстве коммунизма!

После ухода незваных гостей у Циля испортилось настроение. Наверное, от зависти.

— Пришёл похвастаться, что квартиру в элитном месте получил вне очереди. Представляю, как он психовал, когда докладывал Хрущёву. Он вообще-то псих... Небось, валидол сосал перед выступлением. И после тоже.

Как-то незаметно окончилось студенчество. Сёме страшно повезло — вместо преподавания в обычной средней школе он получил приглашение от Ефима Белкина, профессора химии, в очную аспирантуру. Правда стипендия составляла всего 78 рублей, но Циля сказала на семейном совете:

— Мы тебя кормили, поили и одевали двадцать два года, ещё три года аспирантуры потянем. А ты, как я надеюсь, когда станешь доцентом, не забудешь родителей. Как говорят в народе — Долг Платежом Красен?

15

Тема была очень серьёзной. Распределение белковых тел во внутриклеточных мембранах и их функции. Белкин был знаком с директором Института Кристаллографии Вайнштейном, член-корреспондентом АН СССР. Под его руководством аспирант Киселёв изучал на японском электронном микроскопе молекулы ДНК вируса табачной мозаики. В институте было ещё два таких микроскопа, так что Сёму допустили к процедуре подготовки образцов для исследования. Процедура была не из простых. Ему надлежало использовать вакуумный пост, изготовленный в конструкторском бюро при институте. Это был вакуумный колпак, закрывающий полированную стальную плиту, на которой крепились держатели для образцов и подводы к испарителям платины или палладия. Пары металлов осаждались на подложках с образцами и повышали

контрастность изображения на фотографиях или на телевизионных экранах микроскопа.

Учёба в аспирантуре захватила Сёму. Вокруг были люди, которые проводили на работе по 12 часов в день, некоторые работали без выходных. Энтузиазм пропитывал атмосферу отношений между людьми. На заседания учёного совета приходили, как в театр. Нерадивых изгоняли с презрением из коллектива, они сами подавали заявление об уходе. Спустя пару лет после защиты, Сёма заехал в институт Геохимии в аналитическую лабораторию к знакомой Лене Н., и та со смехом пересказала разговор с недавно пришедшей Генриеттой М., которая была из убежавших из института Кристаллографии:

— Они там все чокнутые, в голове и на языке — только о работе. Роботы! Просто роботы!

Да, это была отличная школа, которая ковала кадры для всей страны. При всей абсурдности и некомпетентности правящей верхушки нищая страна выиграла соревнование с США в области космических достижений. У нас не было ничего, кроме таланта, ума и энтузиазма, но мы первыми отправили Гагарина, запустили ракеты на Венеру и Марс.

В институте Кристаллографии состоялась защита аспиранта Киселёва. Казалось, весь институт собрался в актовом зале. Киселёв демонстрировал снимки ДНК. Это ж надо! Каждый видел воочию, как выглядит огромная двойная спираль! Кто не читал знаменитую книжку Уотсона и Крика «Двойная спираль»?! А Полинг тот ещё жук! Чуть не обошёл будущих нобелевских лауреатов. Да-а, кроме труда и таланта нужно везение. Как говаривал доцент Дедков на кафедре химии:

— Без *publicity* нет *prosperity*!

Киселёву, конечно, повезло — сам директор института Вайнштейн был руководителем его диссертации. После доклада и отзывов оппонентов слово взял академик Белозерский и сказал, что такая работа должна быть оценена учёным советом, как докторская диссертация. Воодушевлению присутствующих не было предела. Вот что значит академический институт! Устроили поимённое голосование и решили обра-

титься в ВАК с ходатайством о присвоении докторской степени.

16

Месяцы аспирантуры летели, как «быстрокрылые чайки». Сёма страшно боялся не уложиться в срок. Даже заболел неврозом, Цили давала ему успокаивающие микстуры, свои любимые капли Зеленина.

— Второй псих, весь в отца! — приговаривала она сердито и с тревогой.

Дело в том, что до семьи дошли слухи от Богановских, что Арон недавно перенёс инфаркт.

— Сколько же мы не виделись? — подумал Сёма. — Почти семь лет после покупки выходного костюма, который и сейчас неплохо выглядит, хотя чёрная шёлковая подкладка в брюках рассыпалась в пыль, да и в пиджаке изрядно потёрлась.

Поступление в аспирантуру и интенсивная работа отвлекли от мечтаний о женской ласке, а мысли о будущей семье вызывали отвращение, потому что нескончаемые житейские мелочи и разговоры на копеечные темы и политика строгой экономии на всем, что касалось жизненных удобств и радостей, надоели до тошноты. Сёма запомнил на всю жизнь, как Беленький устроил истерику Циле, которая, неловко повернувшись в тесной кухне, смахнула полную банку сметаны. Как он визжал! Как он плевался!

Семён мечтал защититься, потом получить старшего научного, затем доцента и скопить денег на первый взнос в жилищный кооператив. Тогда только-только власти разрешили покупать жильё у государства. Дальше его мечты не шли.

И вдруг — звонок на работу. Старший лаборант Евгения Ивановна сунула нос в комнату с вакуумной техникой и сказала, что Сёму просят к телефону.

— Алло!

— Сёма, это мм... м папа звонит. Ты работаешь сейчас поблизости от моего дома, так что мы могли бы повидаться после работы. Я сейчас в некотором роде в отпуске по болезни.

Ты запиши адрес и телефон. Позвони, когда соберёшься ко мне повидаться. Договорились?

Однажды нашлось время, когда не надо было ехать на кафедру к Белкину. Сёма набрал телефон и сказал, что через час приедет к Арону. В квартире он застал свою сводную сестру Наташу, которая уже училась в последнем классе, и какого-то родственника по имени Матвей с чёрной, как смоль, шевелюрой и щетиной трёхдневной давности. Арон с виду распознал. Пожимая ему руку, Сёма ощутил, что она стала мягкой, как у плюшевого мишки. Видно, Арон сильно волновался перед встречей, потому что вышел на кухню и сунул в рот таблетку валидола. О чём говорить с человеком после семилетнего перерыва, Сёма не представлял совершенно. Ну, не спрашивать же о здоровье, которого «папа» лишился. Комната, в которой они сидели, была прибрана, на стенах висели фото, по видимости, известных людей.

— Что это за старуха? — спросил Сёма, ткнув пальцем в стену перед собой.

— Это Эйнштейн незадолго до смерти, — ответил Арон спокойно и без юмора. Наташа при этом прыснула, Сёма скосил на неё глаза и подумал, что сестрénка у него получилась красивой.

— А это кто? — спросил Сёма, указав на бородатого мужика в свитере, — Фидель Кастро?

— Нет, это Хемингуэй, американский гениальный писатель.

— А, знаю, читал его книгу, но не всё. «Старик и море». Понравилось...

Тут Матвей поднялся и сказал, что ему нужно зайти в магазин, жена дала список, что купить. Наташа погромела на кухне кастрюльками и пошла к подруге. Отец и сын остались одни.

— Я слышал, что ты в аспирантуре. Сколько ещё осталось до окончания?

— Мало. Год и три месяца.

— Какая тема работы?

— О влиянии структуры внутриклеточной мембраны на процессы обмена с окружающей средой.

— Ты, наверное, голоден. Хочешь, я согрею гречневой каши? Сыр у меня есть, «Костромской».

— Нет, не надо. Согрей чаю...

Арон пошёл на кухню ставить чайник, а Сёма встал в дверях и смотрел на него. Потом спросил:

— Скажи, ты счастлив?

— В смысле?

— В семье.

— Как говорил Маяковский, — «Все вы бабы трясогузки, дуры и каналы»...

— Там нет слова «дуры»... — «На свете счастья нет, а есть покой и воля», — неожиданно для себя самого продекламировал Сёма.

— Красиво сказано. Кто автор?

— Пушкин. Александр.

— Молодец, что запомнил.

— Ну, пока. Что-нибудь передать маме?

— Передай... Нет, ничего не передавай.

Спустя два месяца снова раздался звонок в лабораторию. Сёму опять позвали к телефону.

— Алло, это Семён Розенбаум?

— Да, Семён слушает.

— Это дядя Матвей. С горем в сердце я должен сообщить тебе, что твой папа умер сегодня ночью от повторного инфаркта. Похороны завтра. Приезжай к ним домой не позже десяти утра.

— Я приеду, — сказал Сёма и повесил трубку. — Слава богу, я не сказал: «Хорошо, я приеду!» Получилось бы отвратительно.

— Ма, ты знаешь, что папа умер? — спросил Сёма, едва появившись в дверях.

— Знаю. Шура Богановская специально приезжала. Всё настроение испортила.

— Было бы странно, если бы эта новость улучшила твоё настроение.

— Это не тема для твоих острот. Она уговаривала прийти на похороны, а мне это слишком тяжело чисто морально. И ещё. От волнения у меня может начаться сердечный приступ.

Она ушла, а я смотрю в окно и говорю ему, как он неправильно построил свою жизнь, психовал, неправильно питался. Наши знакомые видели, как он шёл по улице и ел пирожки по пять копеек вместо нормального обеда. Подумай только, он прожил всего пятьдесят лет! И чего он добился? Кроме двухкомнатной квартиры — ничего... Вот ты пойдёшь за нас обоих. Скажешь, что я плохо себя чувствую.

Родня Арона собралась в комнате, примыкавшей к залу прощания. Едва Сёма появился в пиджаке от подаренного семь лет назад костюма (брюки за это время сносились), к нему с рыданиями подошёл дядя Миша Богановский и обнял его.

— Перед смертью Арон сказал мне: «Берегите Сёму». — Тут дядя Миша прямо залился слезами.

Сёма молчал. Потом поискал место среди расставленных стульев и сел, прикрыв лицо ладонью. Наконец, вынесли из морга гроб. Женщины кинулись целовать лицо покойника. Потом робко подошла дочка Наташа и поцеловала отца в щёку. Потом жена взяла табуретку, села рядом с Ароном и стала гладить его лицо, приговаривая:

— Солнышко моё, солнышко моё...

По расписанию через десять минут из морга должны были вывезти следующего покойника. Администратор напомнил присутствующим. Все заторопились. Шестеро мужчин взяли гроб с крышкой и понесли в автобус. Туда же сели близкие и родные. Сёму пригласили в «Москвич» с незнакомыми людьми. Соседкой оказалась старуха со злым острым лицом.

— Вы сын Арона? — спросила она.

Сёма молча кивнул.

— Как похож! Как похож! — повторила она несколько раз, понижая голос.

В церемониальном зале крематория все сгрудились вокруг гроба, который служители возложили на носилки с колёсиками. Сёма оказался рядом с молодцеватым подполковником,

который тут же сказал, глядя на Арона, что они вместе кончали Бауманское училище и встретились в Москве совершенно случайно и стали ходить друг к другу в гости. Потом к Сёме пошла Наташа и доверчиво взяла его под руку. Ну-да, ну-да — они ведь не чужие. Брат и сестра...

Тут заиграли Шопена и гроб медленно стал уплывать вниз. Женщины заголосили. Наташа плакала навзрыд, не выпуская Сёминой руки.

Потом люди стали медленно группами расходиться. Наташа подвела Сёму к матери. Он поклонился и поцеловал ей руку, прибавив:

— Я вам очень сочувствую.

Она погладила его по голове и ответила:

— Я вам сочувствую тоже. Поедете к нам? Посидим, повспоминаем...

— К сожалению, я должен вернуться на работу. У меня уже полтора года аврал. Каждый день на счету.

— Я в курсе. Арик мне про вас говорил. Он очень гордился вашими успехами.

17

Защита диссертации прошла успешно. Тут уж научный руководитель Ефим Белкин всё устроил — все отзывы были положительными. Конечно, это ничуть не напоминало триумф Киселёва в институте Кристаллографии, ну — каждому своё. Главное, что зарплата сразу выросла на сто рублей. Первые дни после прибавки Сёма не ходил, а просто летал ещё и потому, что ему выплатили разницу со дня утверждения в ВАК'е. Корочка диплома тоже была красивой. На этом приятные новости кончились. Белкин вызвал Сёму к себе, ещё раз поздравил и спросил о планах на будущее.

— Дело в том, Семён, что на кафедре у меня мест нет никаких, всё укомплектовано. Я хочу вам предложить перейти в институт Геохимии в спектральную лабораторию. Я говорил о вас с начальником. Он согласен взять вас младшим научным сотрудником. Поработаете там лет пять, получите должность

старшего научного и стаж у вас будет пять лет, так что сразу начнёте получать почти триста рублей. И куда только вы такие огромные деньги будете девать?

— А вы, Ефим Борисович, куда зарплату девааете? — со смехом спросил Сёма.

— Не знаю, что вам ответить. Почти всё отдаю жене на хозяйство. Вот она знает, куда уходят деньги. А я — нет, понятия не имею.

Спектральная лаборатория была огромна. Заведующий лабораторией профессор Карякин повёл новичка на экскурсию. Однако в отличие от института Кристаллографии, спектральные приборы все были устарелых марок, хотя директор института академик Виноградов был на короткой ноге с самим Хрущёвым. Впрочем, Хрущёва сняли два года назад, сейчас страной правил Брежнев.

— А вот наша группа молекулярной спектроскопии, — с наигранной радостью произнёс Карякин. — Знакомьтесь. Семён Аронович будет работать в вашей группе. А что, Лев Александрович, ещё не приходили-с? Майя Васильевна, я, кажется, задал вопрос.

— А он сегодня участвует в конференции в Париже, Аркадий Васильевич. Вы, наверное, забыли, как партком не желал ему подписывать анкету, а наш академик Виноградов сказал, что он весь партком выгонит на улицу подметать Воробьёвы Горы, но Грибов в Париж поедет представлять советскую науку.

— Ах, да-да, вспомнил. Вы Семён Аронович занимайте свободный стол, знакомьтесь с коллективом, с приборами. Вникайте. Желаю успеха.

Майя Васильевна, с бледным неухоженным лицом, но подтянутой спортивной фигурой предложила побыть экскурсоводом, но вначале спросила:

— А что вы умеете делать профессионально? И вообще — вы знаете, что такое молекулярная спектроскопия?

— Немного знаю. Вот это — допотопный ИК-спектрофотометр UR-20 производства ГДР. Но я раньше работал на япон-

ском приборе. К сожалению, он имел те же недостатки, что и этот: для записи спектров в низкочастотной области нужно было вручную менять призму хлорида натрия на призму бромида калия. А здесь, правда, это делается автоматически.

— Вот именно — автоматически. Поэтому не обижайте нашу рабочую лошадку. Без неё мы бы совсем пропали. Наша группа занимает три комнаты. Справа Ирина Ивановна, старший научный сотрудник, кандидат физ-мат наук с инженером Надей Казановой. Здесь мы с Георгием Владимировичем, он с теми же регалиями, два аспиранта и наш начальник доктор физ-мат наук Лев Александрович. Ему всего 34 года, он стал доктором в 32! Вот вам сколько лет?

— Скоро 27.

— Вот видите, разница всего несколько лет, а он уже 2 года, как доктор. А вы?

— Я кандидат хим. наук.

— Да-а? А я подумала, что вы совсем из деревни и по знакомству сюда попали. Я тоже скоро буду защищаться, пишу диссер. — Пойдёмте-ка в третью комнату. Там стоит советский крокодил «ДФС» для измерения комбинационного рассеяния. Наверное, шеф как раз и поручит вам его освоить.

Они вошли в помещение, Майя включила свет, потом блок питания огромной ртутной лампы. Тотчас запахло озоном и завоняло какой-то жареной пластмассой. Между тем, Майя, как бы нечаянно, тесно прижалась к Сёме ладным мускулистым телом. Поскольку Сёма был трус, ему никогда бы не пришло в голову обнять в ответ ещё не старую женщину. И вообще он женщин побаивался. Короче, Сёма сделал вид, что не понял намёка. Бегло осмотрев чугунное чудовище, он глубоко вздохнул, и они вернулись в комнату.

Сёма оказался в группе русских интеллигентов. Георгий Юхневич, по-видимому, испытывал чисто абстрактно, некую брезгливость к иудиному племени. Когда Сёма показал своё умение работать с вакуумной техникой для получения спектров в газовой кювете, Юхневич стал проявлять к нему явное уважение, как к специалисту, не зря получившему степень

кандидата наук. Однако порою его отношение к избранной Богом нации принимало странный оборот:

— Вот скажите, Семён, почему евреи, которых согнали в концентрационные лагеря, не пытались вырваться, пусть ценой больших потерь. Ведь всех ожидала смерть...

Семён объяснял, что были случаи восстаний в лагерях смерти, что гражданское население было очень разобщено и обмануто гитлеровцами, что многие надеялись на высылку, но не на поголовное уничтожение и т.д., но скрытую неприязнь Юхневича к избиваемому народу он чувствовал.

Наконец-то достроили линию метро до станции «Щёлковская». Семён с удовольствием совершал утреннюю прогулку 15 минут до метро, а потом ехал до «Арбатской» с переходом на станцию «Библиотека Ленина» и снова длинный путь до станции «Ленинские Горы».

Однажды его в вагоне окликнул девичий голос: «Сёма!». Он повернулся, увидел симпатичную рыжекудрую голову, но не узнал.

— Я Наташа, твоя сестра по папиной линии. Неужели я так изменилась?

— Это неудивительно, столько лет прошло... Куда ты с утра направляешься?

— Я теперь студентка пединститута. На учителя математики учусь.

— Поздравляю, — сказал Сёма довольно вяло.

— А ты чем занимаешься?

— Я занимаюсь аналитической химией, измеряю, сколько и чего в сплавах и горных породах.

— Интересно?

— Платят мало. Ты до станции «Ленинские Горы»? Я тоже. Только тебе обратно через стадион, а мне вверх по эскалатору. Можно, конечно, и пешком подняться, что я иногда и делаю.

Они сталкивались в метро довольно часто, но у Сёмы никогда не возникало потребности увидеться после работы. О чём говорить? Жизнь так сложилась. Он вообще не общался с род-

нѣй Арона. Вспоминал с горькой улыбкой его прощальную фразу: «Берегите Сѣму».

Проведя почти пять лет в окружении подавляющего числа молодых женщин, он просто устал от них, как устают от жены, на которой случайно женился по неопытности. В те далѣкие теперь годы девчонки, хотя и опрыскивались дешѣвыми одеколонами, от большинства разило потом. Дезодоранты ещѣ не появились в продаже. Большинство жило в коммуналках с одним туалетом на несколько семей. Какая уж тут санитария и гигиена! Месячные затыкались куском ваты. Вообще, как сказал некто из властных структур — «В СССР секса нет!»

Ирина Ивановна из группы Грибова во время одного из чаѣв *at three o'clock* восхищалась французским средством для мытья посуды, которое привѣз муж, доктор наук из командировки:

Представляете — столовая ложка на два литра воды, отмывает посуду до блеска и такой замечательный запах лимона!

18

Так вот, о женщинах. Сѣма хоть и думал о плотских утехах, и любовные романы читал, но его скептический ум рисовал ему совсем другие картины. Куда он мог привести свою подружку? В комнату площадью менее 17 квадратных метров, где сновали мать и отчим? Значит, надо было найти девушку из очень обеспеченной семьи, проживающей хотя бы в трёхкомнатной квартире со всеми удобствами! Да и самому соответствовать, получать хотя бы триста рубликов в месяц.

Как говорится — жить хочется здесь и сейчас. Но эта поговорка хороша для нормальных стран, где существует нормальное законодательство и всякие свободы. На фашистскую Германию и на Россию после 1917 года эта поговорка не распространяется. Идеолог демократов Виссарион Белинский, кажется, написал в 1837 году, что завидует потомкам, которые будут жить в России в 1937. Комментарии излишни.

Так вот, к женщинам тянет очень сильно в молодости. А если нет условий? Вот, Бродский отгородил себе кусок комнаты от родителей и даже принимал там девиц. Ну, мама Циля такого не потерпела бы. Поэтому Бродский написал потрясающую повесть «Полторы Комнаты», а Сёма ничего не написал.

Сёма очень любил принимать душ. Заодно он там, в ванной комнате, мастурбировал. Поскольку он был учёным с дипломом, он привнёс в процесс мастурбации много новаций. Когда-то он прочёл у Анатоля Франса роман «Остров Пингвинов». Там некий монах был очень чувственным, но его сан воспрещал ему половые связи с женщинами. Он (монах) написал о себе, что ему было достаточно увидеть колокольчик или бутылку, чтобы представить себе женщину. Это навело Сёму на мысль: он нашёл несколько молочных бутылок, отмыл их тщательно, высушил и спрятал. Перед купанием он смазывал горлышко бутылки вазелином и залезал под душ. Там он мыл инструмент и при достижении эрекции, вставлял его в бутылку. За полученное наслаждение он был благодарен только себе. Не надо было никого уламывать, дарить цветы, водить в кино или в ресторан. Он даже придумал новую технологию, которая улучшала ощущения от контакта с бутылкой. Поскольку эрегированный орган было трудно запихнуть внутрь, ибо воздух в бутылке не имел выхода, Сёма вставлял предварительно в неё пластиковую трубочку «соломку», через которую воздух выходил, и орган заполнял освободившийся объём. Потом трубочка удалялась. Таким образом, фрикции происходили в вакууме. Это повышало либидо. Надо было только следить, чтобы инструмент не выскочил из бутылки раньше извержения спермы.

Да, он лишил себя радости от ощущения живой плоти. Но солдаты на войне или в казармах, как говорили про иностранных солдат, использовали надувных женщин. Кстати, количество венерических заболеваний при этом существенно уменьшалось.

О таких интимных вещах нормальные люди не рассказывают. Более того, у Сёмы возникало ощущение, что он не такой, как все. Белая ворона. Монах без монастыря. У него никогда

не возникала мысль, что он грешен перед Богом, потому что в Бога он никогда не верил ни на йоту.

19

Работая в группе физиков, он поневоле был втянут в проблемы расчётов молекулярных спектров. Грибов отличал его из недавно пришедших и однажды в связи с тем, что он выиграл конкурс на должность заведующего кафедрой физики в Тимирязевской Академии С/Х наук, он предложил Сёме перейти на кафедру в научно-исследовательский сектор (НИС).

— Там мне будет легче провести вас через учёный совет на должность старшего научного сотрудника, а спустя короткое время вы получите соответствующий диплом из ВАКа.

Это был его величество случай, как называл такой поворот судьбы его студенческий друг Сашка Дмитриев. Лёд тронулся, как писали любимые Ильф и Петров. Уже через полгода Сёма получил диплом и, следовательно, стал СНС на законном основании. Жизнь в НИСе была вольготная. Никто не стоял с часами в руках, шеф укреплял свой авторитет, набирая всё новых аспирантов, выступая на конференциях и семинарах. Потом он решил издать двухтомник по теории и практике инфракрасной спектроскопии, пригласив в соавторы двух академиков. О-о! Он далеко смотрел. Он готовил для себя место член-корра АН СССР.

Как сказал когда-то Пушкин о Ломоносове: «Он сам был первым нашим университетом...». Перефразируя, так же можно было сказать и о Грибове. Одной его деятельности вполне хватило бы, чтобы оправдать существование двух десятков сотрудников кафедры физики, включая НИС.

Когда текст двухтомника ушёл в типографию, он был тщательно выверен несколькими сотрудницами и аспирантами, которые в течение целого месяца чуть ли не с лупами в руках проверяли бесчисленные формулы. Потом на заседании кафедры шеф встал и долго благодарил сотрудников за помощь.

Оказалось, что зарплаты в 250 рублей достаточно, чтобы за два года накопить денег на первый взнос в кооператив. Сёма

в конце месяца относил сто рублей в сберкассу, а оставшиеся деньги делил с мамой Цилей. Когда деньги были собраны, оказалось, что жаждущих вступить в кооператив великое множество. Тут мама поговорила со своим заведующим поликлиники, которая была ещё и депутатом райисполкома, и та обещала замолвить словечко за Сёму. Мечта сбылась! Ещё через два года Сёма въехал в собственную квартиру на самом верхнем этаже здания, которое почему-то строители называли башней.

Основными жителями кооператива были учителя и врачи, ибо в отчётах считалось, что этот проект предназначен для тех, кто нас лечит и учит. Однако подобно Сёме по благу въехало, пожалуй, не менее 40% новосёлов.

Среди соседей по лестничной площадке оказалась одинокая дама с собачкой. От неё исходило какое-то необъяснимое тепло. Сёма чувствовал, что его просто тянет, как железный гвоздь сильным магнитом, быть рядом с ней, разговаривать, даже заботиться. Кроме злобной собачонки, которая всегда стремилась выскочить из-под дивана и тяпнуть за руку или за ногу, у Ирины был ещё и муж татарин, с которым она разошлась. Однако он её иногда навещал. Работал он геологом в каком-то учреждении, часто уезжал в экспедиции в весенне-летний период, был мускулист, с жёстким, загорелым дочерна лицом, короче — был полной противоположностью Сёме.

Единственным преимуществом Сёмы было то, что он был рядом, всегда готовым прийти на помощь.

Сначала они просто здоровались. Потом Сёма спросил, когда она выгуливает собаку по имени Гоша, и она ответила, что вообще его не выгуливает, а выпускает на балкон, а потом за ним прибирает.

— Вот поэтому ваша Гоша такая сердитая, и ей нужно на ком-то сорвать плохое настроение.

— Гоша у нас мальчик, — ответила Ира. — Он уже привык делать свои дела на балконе. А я держу его просто из потребности общения с живым существом. Он ест то же, что и я. Иногда купую. Как все знакомые мужчины, он не любит купаться.

— А я очень люблю принимать душ. Но не с утра, а после работы и долгой дороги домой.

* * *

Сёма познал Иру, свою первую и единственную женщину, в 37 лет, но никогда бы даже под пыткой не признался в этом. Собственно, никто у него и не думал спрашивать. В армии он не служил по слабости зрения. Тут мама Циля нашла ход, так что его забраковали ещё в 19 лет в комиссии по призыву и выдали белый билет. Поэтому все прелести солдатской жизни миновали его, включая совместное сидение на корточках в общей уборной. Собственно, пионерские лагеря, в которых он проводил два месяца в течение пяти лет, наверное, мало отличались от казармы или тюремного быта, ибо хорошее место лагерем не назовут.

Он трезво оценил, что лучше в первый раз принять Иру у себя, потому что в случае успеха, он не сможет показать себя с лучшей стороны, опасаясь быть укушенным Гошей в момент наивысшего блаженства. Ира была старше лет на пять, но её тело было гладким, бёдра не изуродованы целлюлитом, грудь ещё была не вислой и упругой. Она сразу поняла, что её партнёр совершенно неопытен и вела его к совместному оргазму уверенно и без единого слова, время от времени даря ему возбуждающие поцелуи и поглаживания.

За те несколько лет, которые прошли со времени их сближения, Сёма ни разу не пожалел о произошедшем. Ира была идеальным партнёром. Не была многословной, не предавалась воспоминаниям, не устраивала сцен. Оба ценили возможность перерыва после длительного и радостного общения. Он никогда не загружал её просьбами о помощи в мелких и щепетильных вопросах, но всегда ожидал возможности оказать ей услугу. Жизнь сложилась так, как она сложилась. Желать большего означало гневить Творца всего сущего, а правильнее — Её Величество Судьбу.

20

В конце 1979 он опять случайно встретил Наташу в метро. Она в свои двадцать пять лет выглядела вполне сформиро-

вавшейся женщиной. Уже преподавала математику в старших классах школы недалеко от дома. На вопрос о планах на жизнь, она ответила, что вышла замуж и собирается покинуть любезное отечество и обосноваться в Израиле. Да. Мама поедет с нами. Кстати, после смерти папы, она несколько раз звонила к тебе домой, хотела, чтобы мы подружились, но твоя мама всегда брала трубку, а разговаривать с нею, моей маме не хотелось. Так вот, не срослось. Судьба нас не свела. А мы с мужем — патриоты Израиля. Сейчас мы интенсивно учим иврит...

— Не кажется ли тебе, что вы выбрали не самую лучшую страну проживания?

— В каком смысле?

— Климат там очень тяжёлый. Но главное — это крошечная территория, зажатая со всех сторон враждебными арабскими государствами. В 1970 Израиль буквально чудом уцелел. Людские ресурсы совершенно ничтожны по сравнению с арабами. И никакая организация типа ООН вас не спасёт.

— Не будем спорить. Мы хотим расправить плечи и почувствовать себя частью древнего народа. У меня к тебе небольшая просьба. Когда мы уедем, не сочти за труд навестить урну с прахом папы 12 мая и передать от нас с мамой привет. Всего один раз в год!

— Согласен. Остаётся лишь пожелать вам счастливого пути.

Гудок скрывающейся в туннеле электрички прозвучал, как сигнал расставания навеки.

Сёма направлялся на очередное заседание кафедры. Эти несколько лет были отмечены массовой эмиграцией евреев из СССР. Политбюро решило обменять своих граждан еврейской национальности в обмен на пшеницу, поставки микроэлектроники и обещания покупать нефть. Антисемитская верхушка в союзе с КГБ придумала продавать разрешение на выезд с условием выкупа лиц с высшим образованием за десять тысяч, а кандидатов наук за пятнадцать тысяч рублей. Об этом с хищной улыбкой сообщила партийная мадам Белинская, кинув кокетливый взгляд на Сёму.

— Чему вы так радуетесь? — с раздражением спросил Сёма. — Ведь баба с возу — кобыле легче! Так говорит русский народ. У нас в стране высшее образование бесплатное. По конституции. Значит, взимание платы с покидающих страну незаконно.

— Так, прекратили дискуссию, — похлопал по столу Грибов. Что у нас с графиком лабораторных работ?

Семён ехал домой и думал об ужасной исторической судьбе евреев, народа рассеяния, вынужденного вечно искать пристанища после разрушения Иерусалимского храма. Идеологи сионистского движения решили, что евреи должны вернуться на землю отцов-скотоводов, совершенно не понимая, что отцы жили в совсем других климатических условиях. Овцеводство требует обилия зелёных растений и воды. Да... а сегодня там пустыня с редкими оазисами. На планете не нашлось участка, где можно было бы поселиться евреям компактно, кроме клочка пустыни. Интересно, что богатая лесом и водой Еврейская автономная область больше по площади нынешнего Израиля почти в полтора раза. Если бы вложить столько же труда в эту ЕАО, то там, наверное, цвёл бы сейчас райский сад. Говорят, что там несметные природные богатства. А евреи из Москвы и Питера туда не едут. Считают, что это дыра. Тогда и Япония — тоже дыра. Однако удалось же энтузиастам-сионистам построить новое мощное государство на песке. Но песок не годится, как строительный материал...

«Выступление» Белинской перед заседанием кафедры продолжало злить Сёму, пока он не вернулся в свой уютный и тихий угол в начале Сириенского бульвара и не вышел на балкон глотнуть свежего воздуха.

21

По влечению сердца Сёма был экспериментатором, а не теоретиком. Поэтому расчёты силовых полей и спектров многоатомных органических молекул через несколько лет работы на кафедре настолько осточертели ему, что он стал подумывать, как бы пристроить свои знания и умения к решению практиче-

ских задач. Неприятный и неожиданный контакт с Белинской давал ему формальное право уйти из привычного коллектива.

На ловца и зверь бежит. Или иначе — Фортуна помогает ищущим. В одно из совместных чаепитий к Ире забрела старая знакомая Нина Сониная и в непринуждённой беседе, узнав, что Сёма кандидат наук и знает основы химического анализа, сказала, что в одной из лабораторий их института подземного хранения срочно требуется толковый аналитик. Зарплата вдвое выше, чем в обычных НИИ.

Тут, кстати, оказался разработанный ещё во времена аспирантуры макет прибора, измеряющего концентрацию ионов натрия, калия и хлора в природных и промышленных водах. Огромному КБ при институте кристаллографии потребовалось всего два месяца, чтобы создать приборчик в «железе». Заведующий лабораторией Григорий Дистлер, к которому Сёма был прикомандирован во время аспирантуры, был человеком честолюбивым и решил послать это «железо» на выставку ВДНХ. В результате, лаборатория получила бронзовую медаль. Удостоверение ВДНХ Сёма давно потерял вместе с медалью, а приборчик держал у себя дома много лет, благо все о нём позабыли. И вот, надо же! — пригодился! К счастью, электроды, определяющие ионы в воде, были стеклянными и не испортились.

С этим «приданным» Сёма появился в лаборатории. Институт располагался на двух этажах типового школьного здания там, где кончались Парковые улицы Измайлова. Эксперименты и измерения, проходили, как выяснилось впоследствии, в одной «аналитической» комнате с двумя длинными лабораторными столами. Начальник отдела Иван Зыбин придирчиво смотрел документы, список опубликованных статей и даже с некоторым уважением глянул на приборчик — анализатор ионов.

— Я вам могу оставить его на время, пока будет решаться моя судьба, — сказал Сёма, — и покажу, как им пользоваться. Вот, кстати, инструкция, которую я напечатал для пользователей. Мы опубликовали статью о приборе в Журнале Аналитической химии лет 10 назад.

Теперь о моих пожеланиях. Как вы изволили видеть, у меня есть аттестат старшего научного сотрудника, выданный в ВАКе. Моя зарплата в НИСе кафедры физики соответствует высшей категории. Не скрою, что меня интересует существенное повышение зарплаты. Я мог бы руководить сектором или лабораторией в вашем отделе с тем, чтобы получать оклад 400 рублей в месяц или около этого.

— Я должен обдумать ваше предложение и согласовать его с директором. Постараюсь за пару недель выяснить наши возможности и позвоню вам, — пообещал Зыбин.

22

Ох, летит время! Умер генсек, который правил огромной страной 17 лет и о котором народ сложил добрую сотню весёлых анекдотов, высмеивающих ограниченность и никчёмность первого лица. После Ленина-титана, Сталина-тирана, Булганина-туриста, Хрущёва-афериста последовал некий предмет из басни Крылова «Лягушки и чурбан», который слово «систематически» произносил как сиськи-масиськи.

В России всегда было так. Личность правителя не имеет значения. Главное, чтобы он был, что позволяло сваливать на него вину за всё, что совершалось в плохо управляемом царстве-государстве.

Что ещё существенного произошло в стране?.. В возрасте 72 лет умер от рака печени отчим Беленький. Цилия осталась одна. Решила работать в больнице в кабинете уха-горла-носа до тех пор, пока не выгонят. У себя в квартире она создала некий мемориал замечательного человека и настоящего специалиста, развесив фотографии в рамочках по стенам. Он, оказывается, был соавтором двух авторских свидетельств, тоже висевших в столовой-спальне над обеденным столом.

Теперь Сёма должен был сиськи-масиськи навещать маму и проявлять интерес к её жизни, помогать с покупками продуктов, как это делал Беленький. В минуты раздражения Цилия пеняла Сёме на его холодность и безразличие, а она

ведь дала ему высшее образование и помогла купить квартиру!

Что ещё добавить к изречению «всё течёт и ничто не меняется»? Гоша сдох. Видно, пришёл его срок. Ира очень плакала:

— Представляешь, я пришла с работы, зову его, а он не отвечает. Полезла под диван, а он там, беденький, лежит.

Что может в таких случаях сделать настоящий мужчина? — Правильно! Уложить даму в постель, принести ей чаю с вареньем, а потом лечь с ней рядом, прижать к себе и овладеть медленно и печально.

А страна, которая простиралась за окном на тысячи километров, жила своей расхлябанной жизнью, напоминающей блуждания ночью по болоту. Наконец, после серии опереточных генсеков пришёл Горбачёв, чтобы построить социализм с человеческим лицом. Тут выяснилось, что академики и профессора экономики понятия не имеют, как практически начать стройку. Демократы, которые ненавидели совковую власть и шли в тюрьму за право высказываться свободно, не предусматривали никакого плана строительства нового общества. Для них было неприятным открытием, что жрать человеку надо каждый день. Горбачёв объявил «Перестройку с ускорением». Наши физики тут же вычислили величину ускорения. Оно оказалось равным 9,81 метров в секунду за секунду, то есть ускорением свободного падения.

Сёма время от времени смотрел телевизор и думал-раздумывал не податься ли в Израиль, пока пускают. Нет, надо спокойно подождать. Да и специальность у него никому не нужна. Его псевдонаучные достижения никому не нужны. Молекулы, электроны, ионы в воде... Тьфу! Был бы он электриком, строителем, врачом, даже учителем — всё нашло бы применение в Израиле. Хотя надо было бы начинать всё с нуля. Хлебные места всегда заняты.

Тут двое паяцев разыгрывали на ТВ сцену насчёт «Перестройки» и выдали, что эту перестройку надо начинать с себя. Теперь уже последнему дураку стало ясно, что дальше полный

тупик. Но нас, советских, голыми руками не возьмёшь. Сёма в выходные стал систематически отовариваться в магазинах и прикупать сухое молоко, детское питание, рис, макароны, сухие супы. Индийского чая он и раньше держал с запасом года на два.

Институт подземного хранения держался, как последний форпост социализма. На сцене истории появился «Газпром», сначала как министерство газовой промышленности, а потом, через несколько лет уже как акционерное общество. Развитие событий в СССР показало, что люди никогда не бывают готовы к переменам. Через пять лет после прихода к власти Михаила Горбачёва в стране пропал весь ширпотреб и все нормальные продукты. Цили жаловалась сыну, что два часа отстояла в очереди в гастрономе за кусочком сыра.

Неожиданно Сёма получил письмо от Наташи из Хайфы. Она спрашивала, не нужно ли ему прислать продуктовую посылку, потому что знакомые были в Москве и ужаснулись: в продмагах в мясном отделе лежали на витрине чёрные сатиновые мужские трусы. Они привезли свежий анекдот. Мужик после работы заходит в гастроном и говорит продавщице:

- Взвесьте мне полкило какой-нибудь еды.
- Приносите — взвесим, — отвечает продавщица.

Сёма сидел и смотрел телящик и думал, почему же в 1923 году у Ленина получилось разрешить свободное предпринимательство и буквально в течение года накормить страну. Правда тогда сердобольные американцы помогли, открыли бесплатные столовые, где любой голодный мог зайти и съесть тарелку рисовой каши на молоке и запить сладким какао... Американцы вообще, как дети — в Бога верят и стараются угодить Ему, совершая добрые дела...

Экономический кошмар продолжался, пока генеральный секретарь не ушёл сравнительно мирно в тихий кабинет, чтобы писать мемуары о том, как его, такого вежливого и умного народ не принял, а позвал на царствование горько-

го пьяницу Ельцина. Повезло Ельцину — в его кругу оказался энергичный Егор Гайдар, который отпустил цены. Тогда со скрипом, государственная машина начала потихоньку поворачиваться. В магазинах появились товары, продовольствие. Родился кривобокий НЭП, уродливый собрат Ленинского НЭПа. На Кавказе полыхала чеченская война, на дороге вышли уголовные элементы и стали грабить всех подряд и убивать друг друга. Миллиардные состояния возникали из ничего, как мыльные пузыри, и тут же лопались.

Самое смешное, что демократы упивались свободой печати и ничего вокруг не замечали. Наши совковые интеллигенты трясли памфлетами столетней давности и клялись отдать жизнь за свободу. Во вновь избранном парламенте сидели лучшие духовные силы страны — писатели, поэты, режиссёры, прославленные уже еле живые полководцы, экономисты из академиков, у которых не было и грана мысли, как перестроить страну. Один великий писатель вернулся в Россию и даже написал трактат, как нам Её обустроить. Кончилось тем, что великий, могучий Советский Союз развалился, как карточный домик. Большинство республик быстренько вернулись в средневековое прошлое. Великая Русь удержалась на грани.

23

В 1992 году Циле исполнилось восемьдесят и после скромного юбилея в поликлинике, где она прирабатывала к пенсии полставки, она сказала сыну, что она устала от жизни и что надо съехаться, чтобы не пропала площадь. Тут же она посетовала, что Сёма прожил свой век бобылём, и ей так и не довелось по нянчить внуков. Эти разговоры Сёма не выносил и еле сдержался, чтобы не наругать матери.

С другой стороны, съезжаться было необходимо, потому что жильё было единственным капиталом, который рос в цене, несмотря на войну «дерьмократов» с коммунистами. Садовым участком семья, слава богу, не обзавелась, не то нудили бы его всю неделю, чтобы он приехал и покопался в земле.

Это занятие Сёма ненавидел со студенческих лет, когда их сагитировали поехать на целину и помочь собрать урожай. На всех углах висел лозунг «Хлеб Всему Голова». На счастье, выдался неурожайный год. Мало того. В Кустанайской области зерно было заражено совкой — симпатичным белым червячком, который размножался по гиперболическому закону — примерно так, как сейчас плодится род людской, то есть катастрофически. Зерно постоянно шевелилось червячками, и местные директора совхозов и колхозов тряслись от страха, что их всех райком и обком партии лишит должности за потерю бдительности на работе. Потом кто-то надумал, что совку нам подсунили американцы, а мы тут ни при чём. В общем, отбрехали, да и урожай был 7 центнеров с га — кошкины слёзы...

Еда была настолько отвратительна, что Сёма жевал чёрные корки непропечённого хлеба с разбавленным кофейным напитком из жёлудей с двумя кусочками сахара вместо каши и на обед вонючую кислую капусту вприкуску с супом из картошки и неопалённой свиной кожи с серым склизким жиром и перьями репчатого лука. В результате он получил приступы колита, которые привели к геморрою. После возвращения в Москву Циля потащила его к проктологу, и он лечился специальными свечами с йодистым запахом не менее двух недель. С тех пор обострение геморроя стало его *locus minoris resistentus* на всю оставшуюся жизнь.

Обмен двух отдельных квартир на просторную двухкомнатную в семи минутах ходьбы от метро «Семёновская» прошёл без унижительной возни с бумагами, так как за триста долларов симпатичная девчонка сделала обмен быстро и профессионально.

С Ирой они расстались мягко и даже нежно. Она вышла на пенсию в свои 55 и более всего любила покой и тишину своей маленькой квартирке. Пообещали друг другу не забывать и помогать по мере сил. Циля немного ревновала, потому что считала, что мать в его глазах должна быть наивысшей ценностью в его жизни.

Жизнь явно налаживалась. Если судить о доступности красной икры. На оптовых рынках икру в консервах продавали в каждом втором киоске. А ведь при коммунистах разыгрывали одну баночку среди 25 человек по случаю праздника Великого Октября или Нового года.

Зимой СССР развалился, но всем жителям страны это событие оказалось до лампочки. Орала лишь самые оголтелые коммунисты из тех, кто незаконно управлял ими всеми, пренебрегая элементарными человеческими свободами и текстом конституции 70 лет. Народ привык верить содержимому собственного холодильника, а относительно содержимого ТВ ящика почти поголовно утверждал, что «все там всё врут!». Пока верхи грызлись за имущество бывшей империи, люди получили несколько лет спокойной жизни в условиях анархии. Разобщённость людей возникла сама собой (спонтанно). Москвичам было наплевать, как живут соотечественники в Вязьме, Ярославле или Хабаровске, что едят, кто их лечит и кто учит их детей. В Москве было всё или почти всё необходимое для жизни.

Почему-то никто не спросил с Ельцина, какого чёрта он не прекратит войну в Чечне, один лишь академик Сахаров осмелился поднять этот вопрос на заседании Верховного Совета, но ему не дали говорить. Весь зал народных избранников дружно топал.

— Скоты и скоты, — комментировал Сёма, вглядываясь в холеные жирные рожи на экране ТВ.

Иван Зыбин однажды в разговоре за чаем *at three o'clock* вспомнил, что незадолго до прихода Сёмы в институт, он приобрёл в бывшей ГДР на фирме «Цейс» микроскоп с фотографическим устройством, который мог делать снимки шлифов с хорошим увеличением (до $\times 1000$). Сёма очень оживился и рассказал, что много часов провёл в лаборатории, готовя образцы для японского микроскопа фирмы «Хитачи».

— У меня созрел план исследования дефектов строения кристаллов каменной соли, — сказал Сёма. — Надо сначала отполировать поверхность керна, соль прекрасно полируется, и потом провести травление смесью воды и спирта. Потом мы проведём

классификацию дефектов — поры, включения, микротрещины и прочее, то есть всё, что может влиять на прочность материала в процессе эксплуатации ёмкости. Потом мы сопоставим наши данные с лабораторией прочности... А в результате напишем статью в геологический журнал. Как вам мой план?

Зыбин подключился с энтузиазмом, выделил помещение для довольно громоздкого горизонтального микроскопа, достал новые лампы с помощью Питерского оптического объединения, микроскоп ожил и стал выдавать одну за другой великолепные картинки микроструктуры каменной соли.

В институте своей фотолаборатории не было, лишь год назад дали денег на 4 американских персональных компьютера серии «Windows», но отдел Зыбина пока не получил ни одного. Глобальная компьютеризация началась лет через десять. А пока Сёма поехал в институт геологии АН, где за небольшие деньги уговорил пожилую даму проявлять плёнки и печатать фотографии «шлифов» каменной соли. Даму оформили без проволочек на полставки, и работа закипела.

Зыбин настолько воодушевился, что всё свободное время проводил с Сёмой у микроскопа. Потом Сёма через знакомых добыл маленький настольный микроскоп, раздобыл камеру и сделал серию снимков соприкасающихся граней прозрачных кристаллов каменной соли. Там ясно было видно, что чужеродные ионы сульфатов или карбонатов вытесняются на периферию и образуют там свои микрорекристаллы. Один из проходящих профессоров-геологов, которых прикармливал институт, посмотрел созревшую статью и согласился представить её в академический журнал.

Для Сёмы лихие девяностые стали самым успешным временем жизни. Пока где-то там, в пространствах страны воры и полицейские делили заводы и нефтепромыслы, его жизнь была заполнена исследованиями, он был в фаворе у начальства, и зарплата даже при ожидании скорого краха всей системы, была вполне достаточной. Даже в Болгарию съездил на пару недель.

24

Неожиданно быстро ушла из жизни мама. Пожаловалась перед сном на боль под левой лопаткой, приняла любимые капли Зеленина, добавила таблетку *tazepam'a*.

Сёма рано утром решил её не будить и осторожно затворил дверь, уезжая на работу. Когда он вернулся домой часов в семь вечера, то удивился, что дверь её комнаты всё ещё прикрыта. Постучался — молчание. Тогда он рванул дверь и с ужасом понял, что мама уже далеко. В растерянности он позвонил Ире и как ребёнок стал спрашивать, что ему делать. Ира примчалась, стала звонить по телефонам и всё устроила за полчаса.

Когда все формальности были выполнены, труповозка отвезла маму-Цию в морг, был назначен день и час похорон, Сёма жалобно попросил Иру переночевать в его комнате. Она не решилась отказать. Сёма обнял её и прижался головой к её плечу.

— Мужчины так и остаются в душе детьми и ищут женской ласки, как спасенья от ужаса смерти, — подумала она и погладила его по лицу.

— Знаешь, я хочу попросить тебя о большом одолжении ещё раз. Мама пережила своих родственников, у меня, слава Богу, нет семьи, звать врачей из поликлиники я не собираюсь, да там уже её почти забыли. Давай съездим на кладбище, похороним её, а потом зайдём в ресторан выпьем за её лёгкую смерть по бокалу. Я тебя доставлю домой на такси...

Она лишь пожала молча его руку и повернулась к нему спиной.

Как ни нелепо это могло бы выглядеть со стороны, но после похорон между ними опять произошло сближение. Вначале они стеснялись своего ожившего чувства, но применение увлажняющего крема облегчало начало секса и дарило вознаграждение, как и двадцать с лишним лет назад.

Однажды Ира обратила внимание на соляные керны, стоявшие на книжных полках, и сказала, что, по её мнению, они придают комнатам какое-то суровое очарование игрой отблесков именно при электрическом освещении.

— Совсем не то, что исходит от хрустальных ваз, люстр и другого ширпотреба, — добавила она. — Смешно подумать, что я тридцать лет просидела в геологической конторе и ни разу не выбралась в полевую командировку!

— А ты знаешь, как интересна каменная соль на глубине, скажем, в километр?

—

Вот, мы создаём ёмкости для подземного хранения нефти, газа, метилового спирта и всякого другого продукта путём размывания соли через буровую скважину. В ней две трубы — по одной идёт вниз пресная вода, а по другой поднимается рассол и направляется на солезавод или на содовый завод. Рассол постоянно должен в ёмкости находиться под давлением, иначе ёмкость начнёт уменьшаться под давлением пласта, потому что соль на глубине под давлением начинает течь, как пластилин. Пласт соли сам себя залечивает, пустая ёмкость за-растает выдавливаемой солью.

— Я завидую тебе белой завистью. Творческая работа. Не то, что у меня. Я решила, что буду работать, пока меня не выгонят. Чем занять свой день, если не ходить на работу, просто не представляю. Подруги говорят, что только на пенсии оценили прелесть жизни. Развлекаются во все тяжкие, без конца навешают друг друга, сплетничают и, по-моему, — глупеют. Приезд внуков — самый большой праздник.

— А я слышал, что некоторые расписывают каждый свой день, как в санатории. Всё по часам: подъём, душ, завтрак, прогулка, библиотека, музей, рукоделие разного рода, чтение, ТиВи, подготовка ко сну, сон. Особое место в жизни — посещение врачей, осмотр тела, контроль выделений... — И сколько времени можно прожить в таком режиме? Жаль, что Стругацкие не написали на эту тему фантастический роман. Там каждое утро прилетает робот и спрашивает: не пора ли посетить Альфу Центавра?

— Наверное, прав Окуджава: «Возьмёмся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке», как ты считаешь? Значит, мне удивительно повезло, у меня есть ты...

25

В борьбе новой России с энтропией победила энтропия, судя по тому, что все деньги населения обесценились в 1998 году. Цилия с мужем очень гордились, что сумели купить облигации 3% «золотого займа» на 5000 рублей на чёрный день. И вот, этот день наступил. С первого взгляда, это был обычный солнечный сентябрьский денёк. На улице, напротив сберегательной кассы стояла продавщица с зелено-жёлтой антоновкой по 6000 рублей за кг. Сёма зашёл в сберкассу и протянул кассирше мамино наследство.

— А ведь это недавно почти равнялось цене на «Жигули»... — пронеслось в мозгу.

Кассирша без следов сочувствия отсчитала десять бумажек по пять сотен и сунула в окошко. Сёма снова перешёл дорогу, добавил к пяти тысячам ещё одну и получил пакет из грубой серой бумаги с ароматной антоновкой.

Какое счастье, что он большую часть своей зарплаты сразу же менял на доллары в обменном пункте. Какой-то молодой идиот-экономист всего пару недель назад предсказывал всемирный обвал доллара. Эта бесчестная власть с горьким пьяницей во главе уже всё знала и спешила урвать у населения последнее. Почему-то вспомнилось из диалога Ивана и Алёши Карамазовых: — «... Я знаю лишь то, что страдание есть, что виновных нет»...

Сёма усмехнулся:

— Когда это и где в России жалели обездоленных, обворованных властью? Уж не в 37-м ли году? Или ещё раньше — в годах голодомора? Ну да, Достоевский после каторги вряд ли мог объявить виновным во всех несчастьях народа самодержавие. Если есть страдание, то есть и причина — виновные.

Какие всё-таки женщины скрытные существа! Позвонила Ира. Всё спрашивала, как житье-бытьё. Потом решилась:

— У меня есть троюродная сестра в Керчи. Пригласила к себе в гости с весны до конца осени. Я решила поехать. Приходи попрощаться. Адрес и телефон я тебе оставляю. Не сердись?

— Чего мне сердиться? Ты — свободный человек. Ты ведь поездом поедешь? Я готов тебя проводить. До весны ещё четыре месяца... Не очень ли ты спешишь сообщить мне эту новость?.. Конечно приду, если ты хочешь меня видеть... Пока-пока, целую.

Когда начинаются неприятности, никогда не знаешь, когда и чем они могут закончиться. Вначале всё шло хорошо, несмотря на дефолт 1998 года. Зарплата упала в пересчёте на доллары почти вдвое, но всё равно оставалась достаточно высокой, если сравнить с учителями, врачами, инженерами, техниками и рабочими.

Про аграриев сказать трудно, поскольку исторически они вполне способны себя прокормить при условии, что их не будет грабить государство. Но оно всегда грабило земледельцев и даже держало их в положении рабов. Если менять не суть рабской системы, а лишь её форму, то это может привести к социальному взрыву. А что касается генетики, то вековые несправедливости и отсутствие реальных прав у народа в течение столетий формирует рабское сознание. Победившие рабы не могут создать республику. Они могут даже написать конституцию, но кто её будет соблюдать? Рабы могут только отдать свою свободу очередному тирану, царю, автократу. Этот способ управления самый простой и понятный бывшим рабам и политически, и генетически. За ним тысячелетняя история, культура и религиозная мораль.

Короче, когда начинаются неприятности, надо запастись терпением и спокойно ждать, когда они закончатся. Сёма ехал с Иваном Зыбиным на автобусе, пользуясь утерянным кем-то пенсионным удостоверением. Тогда Московская власть разрешила бесплатный проезд ветеранам труда, а Сёме как раз не хватало полгода до получения законного документа. В автобус вошли три молодых парня и начали шерстить безбилетников. Сёма уже привык к своей липе, и пару раз она его выручала. Он даже хвастался Ивану, какой он ушлый. Иван посмеивался.

И надо ж такому случиться, что один контролёр увидел, что пенсионный билет слишком ветхий, запросил паспорт. Паспорта не оказалось, пришлось выйти с контролёрами.

Зыбин его не оставил — мало ли что придёт молодым в голову. На свежем воздухе Сёма понял, что надо заплатить, ради всей относительно честной жизни. Пришлось упрашивать, унижаться... В конце концов, Сёма вытащил из пистончика 50-долларовую бумажку, и бригадир смилостивился, порвав в клочья липовое удостоверение.

Вторая неприятность была куда тяжелее. Газпром решил, что содержание 250-ти человек после дефолта ему ни к чему, особенно после рискованного эксперимента в Астраханской области, который провели «подземщики» соседнего института совместно с министерством обороны. Идея состояла в том, чтобы пробурить солевой пласт и на определённой глубине взорвать ядерный заряд. По расчётам специалистов вскоре после взрыва на глубине должна была образоваться почти идеальная шаровая полость внутри солевого пласта. Экономия времени колоссальная, никаких проблем с рассолом. Очень похоже на анекдот про рыбалку:

— Поехали на рыбалку! — Да я не умею ловить рыбу. — Чего там уметь? — наливай да выпивай!

Короче, решили взорвать пять зарядов. А чего нам мелочиться!? Спустя месяц поступило распоряжение использовать две ёмкости для хранения химических отходов. Ну, и стали в эти ёмкости пихать всё, что негоже. А за проделанную работу Министерство выписало огромные премии, доложили самому президенту, какие у нас умельцы ещё бывают. Левши не перевелись ещё на Руси!

В общем, премии скушали и об оборонном объекте забыли. А соль-то осталась той же, что и миллионы лет назад. Потекла она, как пластилин и стала выпихивать всякую дрянь наверх, к добрым людям, которые пару лет назад её через скважину совали в ёмкость. Теперь этот, с позволения сказать, рассол стал радиоактивным и оч-чень опасным для жизни.

Когда вступают в борьбу властные структуры, никакие орден не спасают. Директора института мягко попросили уйти на пенсию, подарили трёхкомнатную квартиру, а институт реформировали. Сёме повезло лишь в том, что в отделе кадров симпатичнейшая женщина успела оформить ему пенсию. По

этому поводу Сёма позвал её и Зыбина в ресторан, где они очень уютно посидели, повспоминали, как они хорошо прожили последние десять лет, и даже расцеловались на прощанье, пообещав звонить–не–забывать.

26

Читатель, наверное, подумал, что неприятности у Семёна Ароновича на этом закончились. — Ничего подобного. Ясно, что свежеиспечённый пенсионер, не умеющий толком поменять уплотнение в кране на кухне, считающий тараканов в своей лысой голове, никому не нужен, и никто не согласится читать его статьи даже в солидных научных журналах.

Однако хотелось жить не очень себе отказывая, особенно в деликатесах. Живём-то один раз! За время работы Сёма наменял долларов 22 тысячи. Сделал себе тайник в полу под диваном и стал считать, сколько месяцев или лет будет жить в своё удовольствие. Намереваясь прожить ещё лет двадцать, то есть 240 месяцев, он вычислил, что в месяц сможет себе позволить прибавку в 100 долларов. Если же удвоить расходы, то срок привольной жизни уменьшится ровно вдвое, а потом он останется лицом к лицу с нищей пенсией, даже зубы сделать будет не на что.

Расчёты сильно испортили ему настроение. Оформление пенсии прошло, как по маслу, но затем жёсткий распорядок дня, никакой поблажки! Обувь должна быть практичной, запас мыла, одеколona, полотенца, простыни, носки, трусы и особенно аптечные товары вплоть до антибиотиков — всё привести в порядок. Чистка домашней библиотеки. Оставить только десяток самых любимых книг и справочники. Всё лишнее — продать! Слава Богу, власть ещё не закрыла импровизированные чёрные рынки, куда обнищавшее население тащило скопившееся барахло в надежде выручить деньги на хлеб насущный.

Детское питание пока не подорожало. Сёма купил полиэтиленовые пакеты, подбирал выброшенные стеклянные банки, тщательно мыл их и сушил, находил крышки и упаковывал

сахар, макароны, пшено, гречку. Растительное масло выбирал импортное, животное масло сразу прекратил употреблять — вредное и скоропортящееся. Ходил по рынкам и высматривал раритеты, потом дома чистил, покрывал лаком или полировал. Из дерева или пластика делал подставки, приклеивал минералы, металлические изделия. Субботу и воскресенье посвящал посещению рынков и комиссионков. Пополнил инструментарий — ножи, отвёртки, дрель, свёрла, точильные камни, паяльник, с запасом паяльного сплава... Короче, упаковался на 20 лет вперёд, как Робинзон Крузо. Постановил для себя — с появлением грибов и ягод регулярно ехать до окружной дороги и набирать рождённое природой по максимуму. Ягоды — это варенье, грибы в маринаде и сушёные. Травы собирать по справочнику и сушить на зиму, добавлять в чай.

В наследство от Арона Сёма получил отвратительное зрение. Без очков терялся в пространстве. На чёрном рынке приобрёл две пары в стальной оправе для работы и одни очень сильные для рассматривания мелких деталей. От Цили Сёма унаследовал миллион родинок по всему телу и склонность к нервическим припадкам. За такое наследство он возненавидел обоих родителей и однажды выкинул все фотографии и письма в мусорный ящик, а два старинных альбома в потёртых бархатных обложках оставил на предмет продажи.

Жизнь продолжалась. Больной и вечно пьяный президент, наконец, нашёл себе преемника — тощего КаГЭБэшника, который ранее таскал портфель с бумагами за мэром Санкт-Петербурга Собчаком. Вскоре выяснилось, что этот серый представитель конторы свободно владеет немецким языком, что он явно не глуп и не читает по бумажке. Наши демократы удивились и ... успокоились. Среди них не нашлось практически ни одного претендента на высший пост в государстве, что вызывало недоумение и даже смех: столько лет сидели в тюрьмах и психушках, можно было бы найти и продвигать своего кандидата во власть. Так нет! Даже войну в Чечне не остановили. Одним словом — Импотенты! Но в рабской стране кто-то должен взять на себя ответственность за её

судьбу, иначе снова возникнет русский бунт — бессмысленный и беспощадный.

27

Бог карает расчётливого еврея. Запланировал дожить до 80. Ты до 70 доживи! Ничто не вечно под луной, в том числе и доллары. Вот, ты помрёшь раньше, и твои доллары суммой в 22000 или чуть меньше достанутся, кому попало, человеку, который просто оказался рядом.

Выполнив большую часть программы по реализации малонужных и ненужных вещей, Семя решил, что вторая комната ему совершенно не нужна. Значит, надо сделать обмен с доплатой. Сколько же запросить? — да те же 22000. Возникшая *idem per idem* не давала ему покоя.

Он выбрал пригожий солнечный день и отправился в Банный переулок. Все эти годы пронеслись до пенсии белыми лебедями и скрылись, как пелось в песнях, в туманной дали. У Семёна все они перемешались так, словно вместо него некто прожил жизнь, не бросивши векам ни мысли плодovitой, ни гением начатого труда. Три десятка статей и два авторских свидетельства. Они состарились очень быстро, потому что масса научной информации удваивается каждые 20 лет. Вот, только о дефектах каменной соли они с Зыбиным что-то разумное, но не вечное создали, так что человек десять могли и прочесть. По индексу цитируемости Семён даже смотреть не стал, чтобы не расстраиваться...

Ах, забыл он прописную истину, что любое серьёзное дело должно решать сначала со сбора информации. Доверился своей трухлявой памяти. Ничего он в Банном переулке не нашёл, никаких бюро по обмену. Слонялся, как дурачок, по Рижскому рынку, потом нашёл какую-то словоохотливую тётку, которая призналась, что недавно сменяла две комнаты в разных концах города на «однакомнатную» и удачно, близко от метро. Может дать и телефон «обменщицы». Запишите: 499-203-7669. Да, пожалуйста! Почему не помочь хорошему человеку!

Вечером Семён позвонил весёлой бабёнке, судя по голосу, лет тридцати пяти. Договорились не откладывать дело, идти в ЖЭК и милицию, сделать копии с документов и права на квартиру, потом позвонить Ангелине.

— Мужа звать Михаилом, он мне помогает в бизнесе, так что если есть вопросы, обращайтесь к нему.

К концу недели они появились у Семёна. Она в оренбургском платке, он в кожанке. Огромный мужик под метр девяносто. Осмотрели квартиру и остались довольны.

— Вы мне найдите обмен в моём районе, не очень далеко от метро Щёлковская, — сказал Семён. — Мне здесь всё знакомо. Другие районы не предлагайте.

— Будем стараться, — заверила Ангелина.

— И ещё о деньгах — только доллары и ни одной копейки я не уступлю.

— Поняла.

Недели через две Ангелина пригласила Семёна посмотреть вариант. Они поехали в район Черницыно, что слева от Щёлковского шоссе.

— Это хорошо, — подумал Семён, близко окружная дорога, а за ней лес. Можно за 15 минут пешком дойти...

Хозяином квартиры оказался человек «кавказской» национальности. Это насторожило Семёна, но потом он успокоился — что мне с ним детей растить!? На полу лежал большой ковёр, мебели почти не было. Совмещённый санузел. Мелькнуло в сознании:

— Зачем я всё это затеял? А, с другой стороны, кому я должен оставлять имущество? Помру — выкинут всё в мусорный ящик, соседи по подъезду растащат мелочи. Так и надо уходить. Чтобы и следа не осталось. Успеть бы потратить доллары...

Согласились в день обмена встретиться подписать документы и вручить Семёну деньги. Переезжать на следующий день с утра.

— Посмотрите, может мебель возьмёте, мне столько не нужно, — сказал Семён Казбеку.

— Нэт, нэ нада, — отвечал тот. — Я лублу нови вэщ. Твой квартира дольжен быт пустой. Понял? Я прихожу, даю дэнги и дасвиданя. Понял?

Действительно, к моменту отъезда с мебелью на новую квартиру Казбек пришёл, осмотрел пустые комнаты, кухню и санузлы, потом сказал:

— Давай всё клучи! От пачтового яшшика тоже! Вот мои клучи.

Потом вытащил две пачки по 10000 в банковской упаковке и отсчитал из кармана ещё две тысячи.

Прибыв на новую квартиру, Семён понял, что под ковром на полу был совершенно изношенный паркет и вообще — квартире требовался хотя бы косметический ремонт. Вид из окна с высоты второго этажа открывался на огороженную бетонными стенками помойку. Небось, летом окно не откроешь из-за мух. Придётся сетки на окна поставить. Ладно. Сам хотел прожить остаток дней без особой нужды...

Так прошёл год. За тысячу долларов рабочие заменили часть паркета, отциклевали пол и покрыли лаком. Обои содрали и оставили голые побелённые стены. Семён подумал даже, не украсить ли их недорогими эстампами... Ещё через полгода, когда закончилась вторая тысяча долларов, он решил распечатать одну пачку. Взял одну купюру из середины и пошёл в валютный обменный пункт. Дождался, пока уйдёт очередной клиент и подошёл к окошку кассира.

— Вы где эти сто долларов взяли? — строго спросила пожилая женщина в окошке.

— Я меховую шубу продал на толкучке, от жены осталась, — соврал Семён, чувствуя слабость и тошноту.

— По инструкции я обязана вызвать милицию, и они вас задержат, как распространителя фальшивой валюты. Берите ваши деньги и сожгите дома, чтобы их следа не осталось. — Она кинула сто долларов в ящичек и быстро передвинула его Семёну.

Он схватил купюру трясущейся рукой и кинулся вон.

Случившееся с ним несчастье он считал несправедливостью судьбы, но вспоминая жизнь год за годом вплоть до нынешнего «юбилея» в 65 лет, он не мог не признать, что по накалу страстей она мало чем отличалась от дождевого червя. И вообще — все эти полустёртые циклы развития от детства к отрочеству, далее к юности и вот уже в 30 — зрелость, и общество требует от мужского пола проявления гендерных свойств для размножения, защиты страны, исполнения гражданских обязанностей. А ради чего? — Для того, чтобы ещё через тридцать — крошечный промежуточный интервал между жизнью и смертью смиренно отойти навечно в никуда или провести ещё лет десять, осмотрительно ставя ногу на лестнице каждый раз, чтобы не вывести из строя уже пострадавший коленный сустав? Чтобы растеряв свои зубы по поликлиникам, заменить их полными протезами в 60?

Движимый странным любопытством, он отправился хорошим майским утром в храм усопших и сожжённых недалеко от Октябрьской площади. Номер захоронения он не знал, но пожилая дама по имени и дат рождения и смерти нашла отца и объяснила, где его искать. Он вскоре нашёл под стеклом урну с пеплом родителя. В душе ничто даже не трепыхнулось. Одна лишь мысль: «Вот, сейчас я на 15 лет его старше. Помню, как Наташа вцепилась в мой рукав, когда его опускали в яму крематория. Как она рыдала! Все эти родственники за последние 30 лет ушли. Туда им всем и дорога. И вообще, любить жизнь, когда тебя со всех сторон одолевают болезни, просто немощи, ослабление мозговой деятельности, — это придуманный кем-то идиотизм. Это же просто смешно — любить противоположный пол за разрешение в течение десяти-двадцати минут в сутки пребывать своим членом в их теле!»

Возвращаясь из крематория, он решил написать анти-божественную комедию, дабы воздать в полной мере всем и за всё.

— Торопиться с этим я не собираюсь. Интересно, что из моего замысла получится...

В народе говорят, что человек предполагает, а Господь располагает. В том числе и самой жизнью человеческой. Ну,

Сам-то он и пальцем не шевельнёт, но Воланд или другой падший ангел? — Да пожалуйста!!!

От мая до декабря всего-то шесть месяцев. Выйдя 13 декабря из дому и направляясь к метро, Семён неловко поскользнулся, взмахнул руками, как птица, и обрушился затылком, с которого слетела шапка, о край тротуара.

ТЕРЦИНЫ СЕМЁНА РОЗЕНБАУМА

Заканчивая жизнь свою земную,
В бессмертие не веря на копейку,
Я снова оказался на помойке...

Поэтому кто мог, меня пинали.
А мой отец из бывших комсомольцев,
Придя с работы поучал меня:

В учёбе нужно быть, конечно, лучшим,
Из лучших лучшим, так как ты еврей.
И он сгибал натруженную спину,

Над кульманом склоняясь после службы.

* * *

Свои занятия называл халтурой
И получал копейки за халтуру.
Так для чего учиться на пятёрки?..

Упрёки горькие от милой мамы
Он заглушал художественным свистом.
О да! Свистеть он был всегда мастак.

Концерты, арии я слушал на дому.
Так слух развился волей иль неволей,
Поскольку жили в комнатёнке тесной.

В соседней, девяти квадратных метров,
Теснились дед и бабка, тётка Лиза,
С хроническим её бронхитом вечным.

Я помню вонь захарканных платков!

* * *

Единственным пространством в милом детстве
Прямоугольник грязного двора,
Где прислонилась, подбоченясь, яма,

Наполненная до краёв ужасным калом,
В котором и должны по мысли Данте
Враги поэта тыщи лет сидеть.

Не чаще, чем лишь раз единый в месяц,
Во двор въезжала чёрная машина
С резиновой трубой, висящей сбоку,

И заводила хриплую сосалку.

* * *

Тогда во всех домах закрыты окна,
А мы бежали поскорей к Тверской,
Где выхлопы казались ароматом.

Всегда там много фантиков валялось...
А мы играли в фантики, как в деньги.
Конфеты в них сожрал Великий Сталин!

А может, Ворошилов, Каганович
Или глава Верховного Совета,
Глава всего Союза — Яков Шверник?

Но классный фантик для игры важней!

* * *

Та улица в честь Горького Максима
Была в насмешку властью названа,
Поскольку Горький ими был отравлен.

Но это я узнал уже в студентах...
Учился. И притом довольно скверно.
Потом, как батя, вылез в инженеры.

С такой же мизерной, как вошь зарплатой.
Читал истлевшие от старости отчёты,
Чтобы скопировать и подписать у шефа.

И премия была — пятнадцать «рваных»

* * *

В сентябрьский день сорок шестого года
Пошёл я в школу в первый класс впервые,
Держа в ладошке потной руку мамы.

Блестя на солнце круглыми очками,
Во френче цвета хаки нас встречал
Директор нашей, очень средней школы.

Мужской, под номером сто тридцать.
Директор говорил, что наконец
Народ советский победил фашистов.

Да здравствует советский наш народ!...

* * *

Теперь вы, сыновья великих предков,
Должны учиться только на отлично,
Чтоб доказать, что их вы все достойны.

Тут мама в восхищенье прошептала:
«Какую речь сказал нам твой директор!
Иди сынок, старайся и учись.»

Как овцы мы построились в затылок
И потащились на второй этаж,
Ведомые невзрачной старушонкой.

Так начался десятилетний срок.

* * *

Учительница первая моя, узнай,
Что имя Клавдя Николавна,
Теперь со мной до самого конца.

Она звала нас рвотным порошком,
Скотинкою безрогой называла,
Учила арифметике с письмом.

И повернувшись личиком к доске,
Бывало, не стесняясь нас, мальчишек,
Чесала пальцем попу в середине...

Ходила целый век в зелёном платье

* * *

Не знаю почему, мне было стыдно
Глядеть на странную её бесцеремонность.
Об этом я сказал однажды маме,

Но мама не смеялась, а сказала:
«Быть может, у неё в кишках глисты...»
Глисты? Скажи, а что это такое?

«Ну, что-то вроде белых червячков,
Что ночью вылезают и яички
Откладывают в середине попки».

Я помню, как меня вдруг затошнило,

* * *

Гуртом овец сходили со ступенек,
За нашей старой Клавдей Николавной.
А маленький и юркий Вовка Трахтман

На матерном мочил свои присказки.
Зал..а конская! — кричал в восторге,
Пи..а японская! — кричал, чтоб было складно.

Но в общем шуме Клавдя Николавна
Не слышала проказника, а мы лишь
Надменно над Володькой насмехались —

Ишь, тоже материться научился!

* * *

Я рос трусливым пакостным жидёнком.
Папаша мой, склоняясь над «халтурой»,
Велел мне быть отличником, как помню.

Но я всегда терпеть не мог учиться,
И только страх отведать ремешка
Держал меня в стенах проклятой школы.

Сильней ремня боялся я Шматко,
Драчливого пацанчика из класса,
Которого дразнили «рыбий глаз».

О, сколько мук тогда я натерпелся!

* * *

Когда в дверях я тихо появлялся,
Его лицо довольно улыбалось.
Он предвкушал начало наслаждений.

Которые продлятся целый день.
То дёрнет за ухо, то даст ногой по попе,
И терпеливо ждёт, когда начну я

Рыдать, роняя сопли на штаны.
И понижая голос, говорил он:
Убью тебя, еврейское отродье.

Одним жидом в Союзе меньше станет!

* * *

С тех пор возненавидел я еврейство.
То самое, что чтит еврейский ум
Превыше силы, власти и удачи.

.....
.....
.....

II

CHERCHEZ LA FEMME

1

Знойным летним утром Андрей с Димой да Валя с Ниной пилили от станции Малаховка в направлении садового товарищества «Горняк» по пыльной дорожке вдоль заборов. Родители Андрея поехали в Сочи, и мама попросила сына проведать дачурку, всё ли там ладно.

— Заодно и витаминов покушаешь, — великодушно предложила она.

Валя вырядилась в чёрные брюки, задышалась в них и злилась:

— Ну, где же эта чёртова дача?!

Наконец, пришли к повороту налево, где к столбу была прибита жестянка: Садовое товарищество «ГоВняк». Кто-то постарался придать новый смысл освоенной территории.

Как только Андрей открыл дверь, Валя нашла старенький лёгкий халатик и с наслаждением стянула брюки и блузку, швырнув их на тахту. Перед домиком стоял круглый дощатый стол, на который свалили сумки с едой и бутылкой креплёного вина из тех, что работяги презрительно кличут «менингитником».

Впрочем, бог деталей намерен долго водить нас вокруг да около и лучше сразу представить всю четвёрку, каждому из которых уже перевалило за тридцать. Центром группы была Валя. Она обладала такой энергией общения, словно её прогнали через современный ускоритель частиц. При этом она не была чересчур болтлива, не стремилась блеснуть умом...

Она просто жила. Жила в коммуналке в огромном уродливом доме на Садовом кольце, в 18- метровой комнате, оставленной в наследство её рано ушедшими родителями.

В мире правит случай. Андрей и Валя никогда не должны были встретиться. Однако в один из обычных дней он отправился с кафедры физики, где работал в НИС'е в группу шефа в институт АН. В большой комнате стояло десять столов и огромный прибор фирмы «Цейс», измеряющий инфракрасные спектры молекул.

Войдя в комнату, Андрей обнаружил, что за его столом у двери сидит существо с огромными голубыми глазами кинозвезды и с длиннющими стройными ногами. Это как раз и была Валя из П/Я 1813, которую начальница послала для установления научных контактов с шефом, чьё имя было уже широко известно в узких научных кругах. А начальница очень любила молодых одарённых учёных, добившихся признания и соответствующего положения в научном сообществе.

Андрей не стал сгонять очаровательную блондинку со своего законного стола и пристроился в закутке возле прибора. Вскоре появился шеф, увидел Валу и после короткого разговора подозвал его:

— Вот ваша новая подопечная. Её начальница очень заинтересована в контакте с нами. Расскажите Вале вкратце наши возможности. Кстати, она числится сотрудником спектральной лаборатории...

Так началось знакомство. Вскоре выяснилось, что начальница сидела на конференции, где шеф делал часовой доклад, и прониклась уважением к молодому профессору, хотя ничего не смыслила в колебаниях молекул. Там же, на конференции многие участники задавали вопросы и, в частности, о применимости метода к изучению структуры полимеров. К всеобщему удовольствию было сказано, что руководимая группа уже освоила расчёты инфракрасных спектров столь сложных объектов. Начальницу звали Татьяна Николаевна и она как раз заведовала отделом полимеров в П/Я. К слову сказать, Лиренко, генеральный директор огромной организации тоже ничего не понимал в науке, но среди его подчинённых было несколь-

ко светлых голов, которые смогли организовать на опытном заводе выпуск солнечных батарей для оборонной промышленности и космических проектов. Большое количество евреев в коллективе директора не смущало. Вослед Герингу он мог сказать кому угодно: «Я лучше знаю, кто у меня еврей!»

Под крышей П/Я приютилась и наша маленькая компания, в которой русской была Валя, еврейкой Нина, а Дима и Андрей были полу-евреями, что в сумме составляло два русских и два еврея. Основы арифметики.

Валя вскоре стала своим человеком на кафедре физики, к ней привыкли, часто приглашали на кафедральные праздники. Она сопровождала Андрея в местных командировках и развлекала его в пути. Мужа Колю она выставила по его никчёмности и развелась, домой она никогда не торопилась... Короче, она стала хорошим другом, всегда готовым поехать, достать, договориться. Однажды поехала с Андреем к его школьному другу Мише. Валялась с Андреем на широченной тахте, пока Миша готовил холостяцкий лёгкий ужин. Потом Миша рассказывал за преферансом, что «Кот» (кличка Андрея) привёл к нему в гости бабу «С Ногами»! Что говорить — ноги у Вали были действительно, как у арабской кобылицы.

Тем временем на кафедре физики активизировалась одна пожилая особа с грязью под ногтями, которая была партийной и стала вербовать двух молодых ассистенток в партию, чтобы образовать парт-ячейку. И она-таки сделала своё чёрное дело! Партком сельхоз академии тоже возбудился и дал своё благословение. И вот, эти новообращённые стали донимать всех и несчастного Андрея общественными поручениями. Тот брыкался, как мог, но шеф не хотел в это вмешиваться. Конфликт с парткомом мог поставить крест на широких планах шефа. По дороге домой Андрей с горечью признался Вале, что ему, наверное, придётся уйти с кафедры, потому что он общественную работу ненавидит, а работать эта хамка с трауром под ногтями не даст.

— У меня, откровенно говоря, есть вариант получить старшего в академическом институте. Моя подопечная Галина успешно идёт к защите, а шеф у неё — академик, и она ему про

меня напела, что я очень талантливый... Но я хотел бы уйти с повышением. Что мне за радость сидеть на тех же деньгах?

Валя покивала и пообещала поговорить кое с кем в П/Я. На эту тему они долго не общались. Андрей нервничал, но лямку тянул исправно. Он знал, что прежде заявления об уходе он должен найти работу. Должен! У него пятилетний сын и долг за купленную для родителей жены кооперативную квартиру. Спасибо, что согласились отселиться!

И вот, когда отчаяние почти им овладело, Валя пришла на кафедру и тихонько сообщила ему, что начальник отделения Рубашов проявил интерес к специалисту по молекулярному анализу в связи с тем, что один из отделов взял заказ на контроль содержания воды в трансформаторном масле.

— Вот его телефон. Звоните и договаривайтесь о встрече.

— Наконец-то, — выдохнул Андрей. — Постараюсь понравиться.

— Рубашов — доктор наук, директор его ценит. Возможность принятия вас на работу есть.

— Спасибо, Валя. Что бы я без вас делал!..

Рубашов оказался стройным шатеном в золотых очках, с правильным, даже красивым лицом. Он вышел из проходной П/Я и после рукопожатия сразу сказал о проблеме. Оказалось, что в высоковольтных трансформаторах вода в заливаемом масле является источником страшных аварий вследствие электрического пробоя. Химики определяют эту воду «по Фишеру», процедура длительная и сложная, требует создания специальной лаборатории...

— Вы могли бы решить проблему за полгода?

— Думаю, что смогу.

— Тогда я вам предлагаю должность старшего научного сотрудника в моём отделении...

— Видите ли, Сергей Борисович, мне предлагают эту позицию в академическом институте, так что я скорее перейду туда...

Рубашов сделал довольно длительную паузу. Наверное, взвешивал, не берёт ли соискатель его на понт. Но Андрей

не врал. Как мы уже знаем, другая женщина по имени Галина, которая регулярно приезжала на кафедру, успешно двигала свою диссертацию с его помощью, а начальник её лаборатории, академик Долгопосок, с большой симпатией относился к своей сотруднице, которая пела ему на ухо, что на кафедре у Грибова работает настоящий талант, которого очень хорошо бы пристроить в должности СНС в лабораторию. Тем более, что диплом СНС у него уже есть... Получалась ситуация, как в стихе «Дом, который построил Джек». Если читатель подзабыл, там бесконечное число придаточных предложений, отделяемых друг от друга словом «который».

Галина считала своего мужа недотёпой, считала также, что сына надо было заводить от более толкового мужика, например, от Андрея и уже неоднократно затаскивала его в постель.

Валя, разумеется, всё это просекла довольно быстро и даже с некоторой досадой сказала:

— А я считала вас таким преданным мужем и даже уважала за это.

Андрей оставил её слова без ответа. Дело в том, что он был самого плохого мнения о своих мужских способностях. Папа, который его строгал, явно пожалел материала, о чем жена Андрея неоднократно намекала даже в присутствии друзей на семейных вечеринках. Друзья хохотали, только один друг Миша однажды не выдержал, отозвал её на кухню и устроил ей шёпотом скандал, что она ведёт себя безобразно.

— Не хочешь с ним жить — разведись, но позорить мужика я тебе не позволю.

Но мы отвлеклись. После длинной паузы доктор технических наук, начальник отделения Сергей Борисович Рубашов сказал:

— Хорошо, я переговорю с директором о должности начальника сектора. Если он даст согласие, я сразу вас извещу. А сейчас давайте пройдем в отдел кадров, возьмёте анкету, заполните её дома и верните поскорее. Я с нею пойду к директору. В заявлении о приёме укажите ваши достижения, что-то вроде краткой биографии. Я вам позвоню или передам через Валю Полищук.

Прошло две недели. В пятницу на кафедре появилась Валя, выманила Андрея в коридор и тут же начала смеяться:

— Сперва — главное. Рубашов ходил к директору и генеральный дал разрешение на место начальника сектора. Второе: вы образцово заполнили анкету. Вы всех евреев упомянули в родне вашей жены и матери? Рубашов смотрел её и восклицал:

— Зачем он их всех притащил в анкету!?

— Я не виноват, что у меня жена еврейка...

— Виноват! С точки зрения нашего отдела кадров, очень виноват. Наш ящик нашпигован евреями, как Краковская колбаса салом. За каждого принятого на работу еврея с них снимают стружку. Может быть, даже премии лишают! Лиренко на них наплевать, потому что солнечные батареи для космоса разработаны Аркадием Лансманом и выстроен цех по их выпуску. Однако Лансман этого уже не увидит. Умер после третьего инфаркта... А его жена, милейшая женщина, до сих пор работает в отделе Татьяны Николаевны, моей начальницы. Есть ещё с десятков светлых еврейских голов, которые лично курируются директором. У нас даже есть замдиректора Григорий Афроймович Мучник, ходячая энциклопедия...

Короче — берите свои документы, копии дипломов и прочее, и милости просим к нам.

Как сразу выяснилось, для нового начальника сектора не было даже письменного стола. Андрея посадили в комнате с тремя сотрудниками, которые что-то писали и читали, делая вид, что сильно заняты. Андрею дали смотреть какой-то древний отчёт о трансформаторных маслах, скопированный на «синьке». Что-то похожее уже было в его жизни, когда он пришёл в «Внииптуглемаш» в отдел полимеров желторотым птенцом по протекции своего папы, который через пару лет стал там главным инженером. Тогда ему в первый же день сунули отчёты по транспортёрным лентам, откопированные на такой же вонючей «синьке». Как и десять лет назад, Андрей через час стал клевать носом над этой технической белибердой, и ему было неудобно перед незнакомыми людьми.

Поскольку для нового сектора не нашлось даже самой крохотной комнатёнки, Рубашов распорядился отрезать кусок коридора на пятом этаже, и вскоре появилась фанерная перегородка с дверью, за которой разместили три канцелярских стола. Новый сектор получил официальную прописку. Валя появилась через пару дней и повела Андрея обедать в огромный пищеблок, состоящий из шести столовых. По дороге она увидела подругу Нину и тут же представила их друг другу.

— Вот наш новый начальник сектора. Он крупный специалист по спектроскопии, работал на кафедре у Грибова. У него даже есть корочка от ВАК'а, что ему присуждено звание «СНС»!

— Рыжим везёт! — констатировала Нина.

— Забавное совпадение, — ответил Андрей — В первом и втором классе нашей мужской и весьма средней школы меня дразнили Рыжим. Особенно допекал меня Генка Шматко. Увидев меня, он сразу начинал петь: «Папа рыжий, мама рыжий, рыжий я и сам. Вся семья моя покрыта рыжим волосам.»

Посмеялись. Нина отличалась от Вали серьёзным выражением небольшого лица, тихим, ровным, немного сдавленным голосом и фигурой. Её нижняя часть была здорово утяжелена.

Пока стояли в очереди в столовой, выяснилось, что они учились в одном химическом институте и на том же отделении «технология резины», только она на два курса старше. Оказалось, что у них очень много общих воспоминаний — те же аудитории, те же преподаватели и те же студенческие байки.

Нина сразу по распределению попала в этот П/Я, в отдел полимеров. Благодаря уму и коммуникабельности, а также протекции отца, который был главным инженером гидролизного завода, она вышла на известного профессора Д., который предложил ей заочную аспирантуру. Начальство не препятствовало, и в 32 года она защитила диссертацию по закрытой тематике. Так совпало, что они учились вместе и стали кандидатами наук в один год. Вот как бывает в жизни!

В отличие от Вали, Нина была человеком очень деловым. Помимо рутинной работы в отделе, она по предложению Д. стала секретарём физической секции Дома Учёных. Руководство

П/Я очень заинтересовалось возможностью получить доступ в известный ещё с довоенного времени Дом Учёных и всячески поддерживало Нину. Таким образом, она стала известна самому директору Лиренко. Это был человек властный, грубый и партийный в самом неприятном смысле слова. Людей ниже должности начальника отдела он к себе не подпускал. Правда, бывали исключения, если человек был явно талантлив. Тут он мог взять на работу даже еврея. Он хотел произвести впечатление в министерстве, что его П/Я не хуже любого института Академии Наук. И это ему удавалось, потому что в министерствах сидят чиновники, люди пустые, ничего толком не знающие и не умеющие, всю жизнь занятые аппаратными играми, однако всесильные, потому что могут дать или не дать деньги на развитие целой новой отрасли.

Но что мы всё о работе, когда жизнь проходит? А жизнь — это еда, одежда, развлечения, любовные приключения особенно, потому что для них никакие формы секретности не страшны. Андрей и Нина вскоре почувствовали нечто вроде лёгкого электрического разряда, искры, проскочившей между ними. В один из дней он, стоя в очереди в столовой, почувствовал, что кто-то сзади уверенно дёрнул его за шевелюру. Тут автор должен сказать, что рыжеватая грива была у Андрея необычайной густоты и очень ему шла. Обернувшись, он увидел Нину и поставил её впереди себя. Перед этим он беседовал с одним из коллег о романе «Былое и Думы» и сказал, в частности, что рад тому, что прочёл Герцена именно сейчас, в свои 35, потому что эта книга написана не для школьников, а для зрелых людей...

Тут следует разочаровать уважаемого читателя. Более или менее разбираясь в книгах, Андрей был совершенно инфантилен в науке страсти нежной. Из всей школы интима он усвоил, что нельзя кончать в жену, чтобы ей не пришлось бегать на аборт. То же самое касалось Галины, которая завлекала его в свои сети.

— Кот, какой же ты дурак! — с горечью говаривал его друг Миша. Из-за того, что ты лишаешь себя полноценного оргазма, ты будешь кончать всё быстрее и быстрее, а потом станешь полным импотентом.

Андрей в ответ лишь печально улыбался, хотя в душе проклинал и себя, и надоевшую жену, и бесконечных еврейских родственников.

Однако нам пора вернуться в домик, который мама высокопарно называла дачей. Так уж удачно получилось, что вкопанный перед ним стол и скамеечки оказались в тени. Женщины засуетились вокруг гастрономии, Андрей принёс тарелки, ножи, вилки, открыл красное вино и разлил по рюмкам. После короткого тоста «Будем!», все немного пожевали, потом выпили ещё по рюмке и Валя спросила:

— А в этом доме есть музыка?

— Есть, щас принесу, — ответил Андрей. — Хотя не уверен, что проигрыватель работает.

Через пару минут он притащил ящик с разнородными пластинками и сбросил из окна террасы удлинитель. На удивление проигрыватель оказался долгожителем и выдал некое танго.

— Этот аппарат следует называть не проигрывателем, а выигрывателем, — громко сказал Дима. — Разрешите, Валя, пригласить вас на тур Вальса!

Дима, высокий и худощавый, в хорошо сидящих джинсах и яркой рубашке и Валя в заношенном старомодном халате выглядели весьма контрастно.

— Вот так, наверное, в прошлом веке изображали барина, соблазняющего горничную, — усмехнулась Нина.

В этот момент Андрей почувствовал, что ему нехорошо от выпитого вина. Такова была с недавних пор реакция его нервной системы на спиртное. У него вмиг портилось настроение, и он не мог этого скрыть.

— Что с вами, Андрей? Вам нехорошо? — встревожилась Нина.

— Нет-нет, не беспокойтесь. Скоро пройдёт. Это нервное. Не погулять ли нам по участку, чёрная смородина уже должна поспеть...

Они набрали полную кружку чёрных ягод, пошли к танцующим. Дима всё так же изящно и трепетно «танцевал» Валу,

что-то шептал ей на ухо. Она посмеивалась. Андрей присел на скамью, а Инна поднялась в комнату.

Ему было немного стыдно перед гостями за убогий «дачный» быт своих родителей, за чёрные от земли шлёпанцы под вешалкой, за старое покрывало поверх шерстяных одеял пятидесятих годов, за весь этот убогий мусор, который родители накопили честным трудом. Он не любил «дачу», ковыряние в торфянистой почве, будки уборных, жидконогие тюльпаны и флоксы, которые мама привозила домой, чтобы в понедельник подарить своим коллегам по больнице.

Сидеть и наблюдать танцующих ему было неудобно. Он ушёл в комнату и увидел, что Нина не спит. Она молча смотрела на него, а он боялся нарушить тишину. Нервозность от выпитого вина ушла, но Женщина, лежащая перед ним, не вызывала ни малейшей мысли о контакте.

— Вы меня извините, Нина, что я зашёл, не постучавшись. Если не спится, давайте подадим чай. Ребята всё танцуют. Устали, пожалуй, — он улыбнулся жалкой детской улыбкой.

— Андрюша, я в первый раз за этот день вижу вашу улыбку. Вы всегда такой грустный? Учтите, женщины любят весёлых и задорных, способных рассмешить...

— Я действительно по сути грустный человек. У каждого свой скелет в шкафу, как говорят англичане. У меня свой. Мой приятель Миша в десятом классе сочинил стишок: «Кто не любил, не воевал, кто в карты не играл, Тот много в жизни потерял и не вернёт, мой брат!» Мы тогда ужасно азартничали, играли в очко по рублю. У меня никогда не было карманных денег. Родители считали, что деньги портят. Они меня хорошо кормили, а из одежды я весь год носил школьную форму, которую ненавидел. И школу ненавидел, и всех училок, и свой длинный нос и эту родинку справа. А главное — папа с мамой не научили меня зарабатывать деньги. Мой Миша, который не ел деликатесов и ходил в лыжной курточке круглый год, всегда был при деньгах и великодушно давал мне трёшник на игру. Стипендию, которую я получал не каждый семестр из-за троек, мне тоже было велено сдавать маме. Я получал пять рублей каждое утро: рубль на метро и четыре на буфет. Потом

была Хрущёвская реформа, и мама давала мне рубль на два дня... Скажу честно: я пришёл в ваш П/Я из-за денег. Вот такой я скучный человек.

Взглянув Нине в лицо, он увидел сострадание в её глазах. Повисла долгая пауза. Он смотрел в окошко на залитый солнцем участок и был благодарен её молчанию. Вдруг он почувствовал её ладонь на своей шее:

— Действительно, пора выпить по стакану крепкого чая. Есть что-нибудь сладкое.

— Да, родители свозят засахаренное варенье. Может быть, ещё что-нибудь найду.

Отдых на садовом участке (садово-огородном, если быть точным) мыслится как обед или ужин с зеленью прямо с грядки и с водочкой. После еды гости выходят побродить между заборами, а хозяева принимаются за мытьё кастрюль и тарелок в мыльной воде. Поскольку проточной горячей воды нет, процесс затягивается на час. После этого хозяева напихивают зелень с грядки в сумку и тащатся с гостями на станцию, приговаривая:

— Чувствуете, как у нас пахнет сосной? Это вам не в городе!

Читателю, который родился в начале 80-х, непонятно, зачем тащиться на станцию, когда можно поехать на машине. Увы, в середине 70-х далеко не каждая семья имела даже плохонький «Запорожец», про который рассказывали анекдот:

— Армянское радио спросили, может ли «Запорожец» развить скорость 60 км/час?

— Может, — ответило Армянское радио, — если сбросить его с горы Арарат.

В тот затерявшийся во времени 1974 год ни один из компании даже помыслить не мог о том, чтобы купить машину. По зрелому размышлению, она и не очень-то была нужна. Москва была городом с очень хорошо развитой инфраструктурой. Количество станций метро прибавлялось почти ежегодно. Для поездок до вокзала или аэропорта практически всегда можно было заказать такси.

Наши новые знакомые не были привередливы. После чая ещё походили по участку, посетили туалет, который папа Андрея регулярно вычищал перед морозами. Ну да, небольшой запах был, но все четверо в детстве летом часто жили в пионерских лагерях, и общественные туалеты спасались обильным применением хлорной извести. Так было по всей стране за пределами городской черты, во всех воинских частях, во всех колхозах и совхозах.

Есть вещи, которые принято не замечать. Это мудро. Ведь физиологически мы не отличаемся ни от обезьян, ни от свиней. Не так давно люди с почечными проблемами подключались к аппаратам очистки крови, в которых их кровь прогонялась через ёмкость с отмытой и дроблёной свиной печенью.

Раз уж мы упомянули медицинскую технику, скажем, что Рубашову дирекция велела переориентировать тематику отделения на разработку приборов и техники для медицины.

Это электромонтажникам всё равно, что паять. Что начальство приказало, то и спаяем. А химику-спектроscописту что делать? Датчики скорости кровотока? Измерять содержание ионов калия-натрия в крови или в моче? Рубашов загорелся идеей создать свой датчик ионов калия, вызвал Андрея. Из слов начальника следовало, что нужно найти валиномицин и самим быстро сделать микроэлектроды, которые можно воткнуть в вену и тут же определить чего и сколько надо добавить в кровь пациента. Андрей, как человек относительно честный, не кивнул головой «бу-сделано!!» и не взял под козырёк, как положено во всех П/Я, а спросил простодушно:

— А что это такое волюмицин? (Именно так этот антибиотик звучал в устах начальника)

Рубашов несколько растерялся, потому что так начальству в П/Я не отвечают. Он надеялся, наверное, что Андрей больше знает, как химик, и сам ему расскажет. Но тот откланялся и пошёл изучать новую для себя область — потенциометрию. Ему пришлось вскоре позабыть всё про спектры и молекулы и заняться изготовлением ионоселективных электродов. Это напоминало китайский эксперимент, когда по указанию

Великого Мао в каждом дворе стали выплавлять сталь, чтобы догнать передовые страны по её производству. Короче — стали выплавили тогда достаточно, но по качеству это было кропельное железо.

В художественной литературе можно встретить очень волевых мужчин, которые весь свой талант тратят на решение узкого технического вопроса. У них портится характер, у них ссоры в семье, у них не хватает денег, чтобы заплатить преподавателю музыки и прочее. Эти мужчины в середине книги находят женщину, которая их понимает, и уходят к ней... Эта белиберда называется литературой.

Андрею с Ниной было легко общаться. В его душе было спокойно, когда он встречался с ней в столовой или в коридорах. Случайно он узнал, что она является секретарём физической секции в Доме учёных. Начальство, благодаря Нине стало членами этого Дома. У неё был план на много месяцев вперёд по докладам. Андрей равнодушно кивал головой, но оживился, услышав, что у них там работает книжная секция, привозят свежие книги издательства «Наука». Нина сказала, что она его возьмёт при случае с собой и познакомит с администратором.

Для тех, кто не знает историю Дома учёных, сообщим, что этот особняк на Пречистенке был построен ещё до революции и в судьбе особняка приняли участие Максим Горький и Мадам Андреева. Видимо, оба они ни хрена не смыслили в науке и считали марксизм-ленинизм вершиной человеческих знаний, хотя по-научному мыслил как раз Фридрих Энгельс, написавший «Диалектику природы». В голове у пришедших к власти в 1917 созрела мысль, что научные открытия рождаются при контакте обычных образованных людей и надо лишь организовать их контакты в некоем помещении, чтобы они делились опытом. Короче, в 1918 году здание передали академии наук, и к 1926 году в Доме учёных работало 28 научных сообществ.

Если оставить в стороне бессмыслицу общения разных учёных, которые и так имеют возможность выступать на учёных

советах, конференциях, съездах, печататься в стране и за рубежом, то ясно, что никакой науки во встречах коллег из разных областей знания родиться не может. А можно просто неплохо провести время в доме с ресторанами, кинозалами, библиотекой и прочим. Чиновникам очень нравилась идея объединять умных людей и тем самым, якобы, способствовать научному прогрессу. Лучшее всего это было выражено в «Положении о Доме учёных» АН СССР от 1962 года. Как и следовало ожидать, речь шла прежде всего о идейно-политическом уровне. Идиотам из идеологической комиссии при ЦК КПСС ничего другого и в голову не могло прийти. И, разумеется, работа была названа научно-общественной по популяризации достижений науки, техники и передовых методов труда. Получался как бы дубликат Выставки достижений народного хозяйства.

Профессор, руководивший диссертацией Нины, предложил ей после защиты стать секретарём физической секции, как мы уже знаем. Это сильно ей помогло в получении должности старшего научного сотрудника. Ещё бы! Сам генеральный директор Лиренко посчитал, что руководимый им П/Я должен быть представлен своей секцией в Доме учёных. По ходатайству влиятельных лиц это и было сделано.

И всё-таки ещё раз подчеркнём, что при всей безграмотности и хамстве лично Лиренко, на высшем уровне в П/Я антисемитизм не пользовался популярностью, а что касается рабочего класса, то кто к его мнению прислушивается?

Нина потом рассказывала Андрею, что она стала частью свиты Лиренко и со своей начальницей (которая, не скрываясь, с 25 лет была любовницей директора) часто сопровождала его на разные важные собрания и в командировки в пределах СССР.

Денег это не прибавляло, но зато прибавляло свободы передвижения, а свобода в несвободной стране — это не хуже валюты.

Но мы совсем забыли о Вале, женщине, которая привела Андрея в П/Я с повышением. Наконец, у Вали появился новый муж и как появился! Однажды случай занёс её в Лужники, где

в годы нашей молодости работало много спортивных секций. Проходя мимо резвящихся на свежем воздухе мужчин, она мгновенно узнала своего давнего знакомого по турлагерю на Селигере. Он и тогда ей нравился, но пути разошлись, и они встретились случайно только сейчас, спустя двенадцать лет. Он не был женат и жил в коммуналке у Савёловского вокзала. Работал в конструкторском бюро ведущим инженером и был вполне доволен своей свободой и отсутствием семейных обязанностей.

Однако нам, мужчинам, лишь кажется, что у нас всё есть и мы свободны, как птица. На самом деле, есть нечто, вернее, некто, кто лучше знает, что нам надо. И вообще — что это за мужчина, которого в постели никто не ждёт?! Сейчас, конечно, всё переменялось. Мужчина без машины и денег — просто самец, которых пруд пруди, да ещё и проверить надо, что он за самец! Но это сейчас. А тогда мужчины с «Жигулями» были редкостью, и это очень часто была семейная собственность, в которую вложились родители и даже их родители. Так что...

— Мы пять дней не слезали друг с друга, — сказала Валя, сияя беззастенчивой широкой улыбкой.

— Не рассказывайте об этом Диме — он расстроится, — ввернул Андрей.

В ответ Валя вызывающе захохотала и унеслась на восьмой этаж в свой отдел.

— Давно я не видела Валу в таком приподнятом настроении, — сказала Нина по дороге в Дом учёных, куда по её сведениям привезли с базы книги издательства «Наука». — У меня лет семь назад был короткий, но бурный роман. Прямо помешательство какое-то. Он женат, я замужем, дома дети... Потом постепенно всё сошло на нет, будто и не со мной всё было.

Андрей промолчал. Его интрижка с Галиной не доставляла ему никакой радости. Он и так бы, без «вознаграждений» помог ей сделать «кандидатскую», потому что тема была интересная. Странные существа эти женщины.

С другой стороны, если бы не Валя, неизвестно кем бы он сейчас работал и где. Как шеф говорит — чем выше продвига-

ешься в квалификации, тем меньше мест, на которых можешь сидеть.

— Валя мечтает о ребёнке. Всё не получается. Давний друг моей мамы — опытный гинеколог. Надо срочно Валю к ней отправить, потому что годы идут и скоро шансов родить не останется... Валя мне сказала, что собирается перейти к вам в лабораторию. Мне она близкий человек, подруга, но ужасно неусидчива. А если забеременеет, вы с ней намучаетесь.

— У меня с кадровым составом просто катастрофа, — ответил Андрей. Единственный специалист Вишневский, кончал Физтех. Остальные — разного возраста женщины без специальности, которые полдня будут носить бумаги на подпись. Вот и сейчас — появилась Леночка, дочка администратора Дома учёных. Вы её отлично знаете. Кто её ко мне сосватал? Рубашов, наверное. Пришла с сумкой и села. Как на вокзале. Спрашиваю — что умеете делать?

— Что прикажете, то и буду делать.

Ещё один «сотрудник», Акулов, сын замдиректора. Конченый алкоголик и хулиган. Тоже сунули ко мне. Если я не имею право набрать себе штат, какой я начальник лаборатории? Но я держусь зубами за место. Где ещё я буду получать четыре с половиной сотни? А квалификация падает. Шеф мой говорит, что в науке есть только один путь — вверх! Кто не движется вверх, скатывается на дно.

— Андрюша, вы не переживайте так. В почтовых ящиках полно человеческого мусора по всей стране. Даже у моей начальницы много лишних, совершенно бесполезных людей. Та же Валечка, хоть она и близкая моя подруга, совершенно пустой человек. Уж лучше бы она завела дочку и с ней сидела...

Прошло около полугода. В жизни Андрея мало что переменялось, чего нельзя было сказать о Вале. Врач-гинеколог ей помогла. Помогла и советом.

— Нечего вам, любезная Валечка, таскаться в ваш Ящик, — сказала она. — Вы по образованию кто? Учитель химии? Вот и устройтесь в школу, а ещё лучше в детский сад воспитателем. Ребёнок будет всегда под присмотром и накормлен. А по-

том можно и в школу перейти, будете учить подростков химии. Послушайтесь моего совета, а на наших мужиков нечего надеяться. Настоящих почти не осталось.

Врач как в воду глядела. Но это уже другая история.

По мере приближения державы к 70-летней годовщине революции всё чаще слышался треск обвалов разных общественно-значимых программ. Страна всё более погружалась в болото дефицита и полной безответственности. А тут ещё и Афганская война!

Андрей чувствовал, что нервная система не справляется. За год до пятидесятилетия он по дороге домой пожаловался Нине, что перестал нормально спать, пятьдесят граммов водки приводит чуть ли не к нервному приступу, сердце колотится и кажется, что сейчас разорвётся.

— Я вам очень советую взять у наших врачей направление в клинику Сербского. Я сама там недавно гостила. Курс рассчитан на сорок пять дней. Там вам и лекарства подберут, и научат аутотренингу. К своему юбилею будете, как свежий огурчик с грядки.

2

С чего же это началось? Вроде бы, — ни с чего. Жизнь была спокойная, обыкновенная. В августе, как всегда, съездил в деревню, набрал грибов, походил по лесу. Вернулся в начале сентября и засел за квартальный отчёт. Прямо скажем, — не надрывался, потому что у него было заведено в конце каждого рабочего дня заносить полученные результаты в лабораторный журнал. Если материала было мало, то он ясно представлял, что нужно ускорить, доделать на следующий день. И вот, пока другие носились с выпученными глазами, стремясь вспомнить, кто и что делал три месяца назад, он спокойно пролистывал свой рабочий журнал, брал клей и ножницы и уже через пару дней передавал отчёт машинистке.

И вдруг он перестал спать ночами. Нет, как раз не вдруг. Постепенно он стал очень чувствителен к спиртному. Стоило

ему выпить с друзьями пару рюмок водки и войти в приятное расслабленное состояние (а выпивали они с хорошей домашней закуской), он просыпался среди ночи с жутким сердцебиением, с ледяными руками и ногами, с резами в кишках и ощущением, что настал его последний час. Не желая будить жену, он уходил в другую комнату на диванчик, надевал что-нибудь тёплое, накрывался пальто и включал еле слышно транзистор, благо поймать музыку было легко. Он лежал, скорчившись, стараясь усилием воли унять сердце, и проклинал свою нестабильную нервную систему. Его мама тоже страдала этим недугом, который назывался сердечно-сосудистой дистонией. Он мрачно шутил по этому поводу: «Другие родители оставляют в наследство своим детям таланты, красоту, физическую силу и выносливость, на худой конец — деньги, а мне — одни болезни и тысячу родинок по всему телу».

Проходил час-другой, он постепенно согревался и засыпал до утра, но в половине седьмого трещал будильник, и он, ощущая вялость и отсутствие аппетита, проглатывал чашку чая и плёлся на работу. Он не терпел опозданий, сбои в работе метро его бесили. Он приходил в институт одним из первых и наслаждался покоем, который через полчаса взрывался людской суетой, табачным дымом, проникающим в лабораторию с лестничной площадки, глупыми утренними шутками, которыми обменивались сотрудники, спешащие к своим столам.

В конце концов, дошло до нелепостей. Стоило ему посмотреть, на ночь глядя, детектив или сыграть с приятелями в шахматы или преферанс, как начиналась ночная дерготня. Он проваливался в сон на две-три минуты и вскакивал с колотящимся сердцем, потом полчаса успокаивался и снова погружался в сон, и опять сильно вздрагивал во сне и просыпался. Он почувствовал, что наследственный недуг мешает ему жить, и пошёл в санчасть по совету Нины, с которой уже знаком наш читатель.

Врачица, услышав в очередной раз его жалобы, сказала, что действительно в клинике неврозов ему наверняка помогут, и она готова дать ему направление.

— Полежите там недели три-четыре, поколют вас витаминами, обследуют... Глядишь всё устроится к лучшему, — сказала она.

— Это что-то вроде психушки? — спросил он на всякий случай.

— Совсем нет, — ответила она. — Скорее это напоминает санаторий. Знаете Нину Гурвич? Я её туда направила два года назад, так она мне была очень благодарна. Так что берите направление и не сомневайтесь.

Полный надежд и решимости, он собрал накануне вечером свои вещички в портфель, с которым ещё в студентах ходил в институт, рано утром поцеловал жену и сына и уже через час входил в приёмный покой клиники Сербского. В холодном и тёмном помещении пожилая медсестра приняла его документы, потом велела заголить зад и наклониться вперёд, ловко воткнула ему какую-то пробирку в задний проход, вытащила и велела одеваться и идти в корпус номер пять на второй этаж.

Чувствуя унижение от неожиданной процедуры и неприятное жжение в зад, он поднялся на второй этаж, и его глазам предстала картина интенсивной уборки помещения. Во всю длину коридора была расстелена весёлая зелено-красная дорожка, которую с двух сторон штурмовали с пылесосами молодые ребята. В середине коридора миловидная медсестра командовала добрым десятком мужиков, которые швабрили полы в спальнях. Увидев новенького, она сказала: «К заведующему отделением. Вторая дверь направо».

Заведующий, брюнет лет сорока пяти, с гладко зачёсанными назад волосами и блестящими чёрными глазами, был облачён в ослепительно-белый, накрахмаленный халат с щегольским вензелем на нагрудном кармане.

— Так, Андрей Михайлович, будем знакомы, — сказал он, разглядывая паспорт. Меня зовут Владимир Иванович. Скажу вам сразу, что в основе нашего метода лечения лежит трудовая терапия, подкрепляемая лекарственной терапией, сеансами гипноза и психологического тренинга, короче, мы используем все современные методы помощи больным, но всё-таки основной упор мы делаем на трудовую терапию. Паспорт

ваш я забираю. Получите после окончания лечения. Вопросы есть? Нет... Прекрасно. Врач нажал кнопку. Вошла старшая медсестра. — В восьмой палате место освободилось? Отлично. Проводите пациента.

В просторном зале под огромной театральной люстрой стояло десять железных кроватей. На девяти из них возлежали больные в тренировках. Вторая кровать справа от входа была свободна. Стало быть — его. Он осмотрелся. Молодых парней была половина, остальные — примерно его возраста. У окна справа лежал лысый мужик, который с весёлым удивлением разглядывал рыжеватую бородку Андрея и, не удержавшись, спросил:

— Как жизнь, борода?

— Нормально, — ответил Андрей.

— Чем болеешь?

— Бессонница замучила.

— Ну, таких здесь вся палата, — подключился пожилой сосед напротив.

— Да, со сном у нас у всех проблемы, — согласились остальные.

— Белкин Андрей Михайлович, к врачу в шестой кабинет, — заглянула девчонка в белом халате

Андрей быстренько запихнул содержимое портфеля в тумбочку и, препровождаемый девчонкой, пошёл на первый медосмотр. За столом сидел блондин, с большим лягушачьим ртом и строчил историю болезни. Кивнул: «Присаживайтесь». Андрей сел, стараясь развлечься двумя простенькими эстампами на стенах. Наконец, врач поставил точку и пододвинул к себе стопку бумаги. Начавшийся медицинский допрос буквально вывернул Андрея наизнанку. Перебрав заболевания и отклонения от нормы отца и дедов, матери и бабушек, врач начал интересоваться интимной жизнью Андрея, и тут он из чувства неловкости слукавил. Он уже давно не испытывал влечения к жене, которая вечно попрекала его недостатком мужской силы, но на вопрос врача ответил, что всё у него нормально. Да у него и было всё нормально, в чём он удостоверился пару лет назад, поддавшись желанию аспирантки соблазнить его во что бы то ни стало. Вообще-то, он подсознательно ощу-

щал исходящую от врача опасность и, боясь попасть на иглу, старался не очень-то расписывать своё нынешнее состояние. В результате он получил предписание на таблетки, аутотренинг и сеансы психологической помощи.

Знакомство с палатой состоялось быстро. Лежавший справа Морозов, озлобленный на жизнь из-за раннего инфаркта, без конца травил истории, в которых он был непременным победителем и в качестве такового не знал пощады к побеждённым. Когда Андрей пришёл от врача, Морозов рассказывал, как он в доме отдыха уделал одного еврея, местного чемпиона по настольному теннису. А сам никогда до этого не держал ракетку в руках. Худое и жёлтое лицо Морозова изображало крайнюю степень презрения к нерусской игре и нерусскому противнику.

Тот, лысый (звали его Геннадием) подмигнул Андрею и пропел скороговоркой, кося глаз на Морозова: волейбол ты мой, волейбол...

— При чём тут волейбол? — спросил Андрей вполголоса, подходя к окну.

— Притом, что пиздобол! — бормотнул Геннадий.

— Понятно... А ты болеешь чем?

— Ничем. Я пошёл к знакомому врачу, дал десятку и сказал, что хочу отдохнуть.

— А где работаешь?

— Грузчиком на фабрике «Рот-Фронт».

— Сладкая профессия. Хорошо платят?

— Если вертеться, то сотни три в месяц заколотить можно. А ты чем кормишься?

— Да, в одном почтовом ящике аккумуляторы испытываю...

— Для автомашин, что-ли?

— ... Для подводных лодок...

— Уважаю... Но меняться с тобой не стал бы. Люблю свежий воздух.

— И выпивку, — подумал Андрей, но не продолжил, а пошёл сменить цивильный костюм на спортивный.

— Подведём итоги, — размышлял Андрей, улёгшись со всеми заодно на одеяло. — Обстановка вокруг спокойная, люди нор-

мальные, не психи. Посмотрим, чем у них кормят. Запах горячей еды уже сгустился в коридоре и проник в палату. Не торопясь, пациенты направлялись в середину покрытого линолеумом коридора, где располагалась раздаточная. Обедающие управлялись столовыми ложками. Вилки и ножи по распорядку не полагалось. Еда была не обильной, но вполне съедобной. Ещё с пионерского лагеря он любил общепитовские котлеты с картофельным пюре на воде. После обеда все опять вернулись в свои спальни и растянулись на одеялах.

А что это за штука — трудовая терапия? — спросил Андрей у соседа справа. Все наперебой стали рассказывать, что каждая палата по очереди убирает коридоры, протирает полы и мебель, разгребает снег во дворе, ходит с медперсоналом за едой и вообще делают то, что велят медсёстры. В дурдом, который в пятом корпусе, приносят работу с заводов — собирать выключатели. Говорят даже, что немного за это платят. У нас только Вовка (парень напротив) этим занимался, остальные отказались, сказали, что не справятся.

Идти на прогулку в день поступления ему казалось неудобным, а день всё тянулся, и конца ему не было. Кто-то уходил и приходил с занятий, приносил свеженькие новости с воли, а он всё лежал и даже начал тяготиться бездельем, но книжицу по электрохимии не вытаскивал, не хотелось. Потом, наконец, последовал ужин, тоже вполне съедобный. Многие заглядывали в холодильники, стоявшие в коридоре, и брали гостинцы, принесённые из дома. После ужина в столовой включили телевизор, и большинство ушло туда. Он чувствовал себя настолько отдохнувшим, что недоумевал: «Неужели в таком безделье можно провести целых полтора месяца?» Однако по мере приближения ко сну он ощутил некоторую угрюмость окружающих, которая всё сгущалась. Потом вошла дежурная медсестра и пригласила часть больных в кабинет на уколы, остальные также направились в коридор, где на передвижном столике стояли на листочках с фамилиями конические стаканчики с микстурами и таблетками. В половине одиннадцатого люстра погасла и палата погрузилась в полумрак.

Он всегда засыпал с трудом, а на новом месте — в особенности. Он слышал, как постепенно люди погружались в сон, кое-кто уже похрапывал. И вдруг его сосед слева, напротив двери стал давать гастроли. Это даже нельзя было назвать храпом. Это скорее было карканье взбесившейся вороны. Андрей слышал, как заворочались на своих койках остальные обитатели палаты. Кто-то простонал: «О, господи!» Поняв, что Геннадий ещё не спит, Андрей спросил вполголоса, не пытался ли кто унять певца. — Бестолку, — ответил Геннадий. — И поворачивали его, и будили, и свистели... Пока своё не откаркает, не заснёшь. Одна надежда, что на следующей неделе его выпишут. Хотя некоторые уже привыкли и спят под эту музыку. Да и я иногда засыпаю.

Андрей ворочался с боку на бок, клал подушку на ухо — всё было напрасно. Он чувствовал, что храп ввинчивается в его мозг и причиняет ему физические муки. После двух часов попыток он решил, что с утра пойдёт к заведующим и скажет, что вторую такую ночь он не переживёт. Или они уберут это чудовище из палаты, или он подаст заявление о прекращении лечения. Он лежал, злился и придумывал способы заткнуть глотку проклятому храпуну и вдруг вспомнил совместный отдых с семьёй в Клязьминском пансионате. Стояла жара. Ни о каких кондиционерах тогда и слыхом не слыхали. Семейного номера им не досталось, и потому жена ночевала с какой-то сексуально озабоченной дамой, а он с шестилетним сыном и пьянчугой-соседом спал в комнате напротив. Он уложил сына в свою постель, вылез на балкон и пристроился на надувном матрасе, но на свежем воздухе донимали комары, а под простынёй он задышался и обливался потом. В конце концов он выбрал духоту помещения, разделся догола и лёг на матрас, но только сомкнул глаза, как в комнате зазвенел сверчок, да так громко, что ни о каком сне не могло быть и речи. Он включил свет и определил, что добраться до гнусного насекомого нечем, — тот прятался где-то в углу за шкафом. Обречённо вздохнув, он погасил свет и вернулся на матрас. И тут он ощутил, что интенсивность звона сверчка словно удвоилась. Сосед заворочался, просипел: «Ох-х, ззудитт!» и вновь провалил-

ся в пьяный сон, а Андрей снова встал и зажёл свет. И тут он увидел чудо: на стене, на уровне колена сидели два сверчка и выясняли отношения. Тут бы ему прихлопнуть музыкантов, но инстинктивное чувство отвращения к уродливому заставило его искать орудие убийства в виде кеды, и пока он шарил под кроватью, один сверчок скакнул куда-то в сторону, а другой, пятясь, снова уполз за шкаф продолжать концерт-соло. Мелькнувшее воспоминание было последним перед его погружением в сон.

За окном ещё было черным-черно, когда по трансляции зазвучала сладчайшая и примиряющая со страданиями божественная ария Баха из третьей сюиты для оркестра и над головами спящих зажглась ослепительная тысячеваттная люстра. В ту же минуту в палату ворвались медсёстры и стали будить несчастных, сдёргивая с них одеяла и понуждая принять сидячее положение. Больные отмахивались, снова натягивали одеяла на головы, просили дать им ещё хоть пять минут, но сёстры были неумолимы. Андрей открыл глаза с первыми звуками музыки и с удивлением наблюдал картину узаконенного мучительства. Он-то знал, как трудно бывает встать утром после приёма снотворного, а ведь многие получали уколы успокаивающих и тормозящих лекарств.

Утром его решимость говорить с заведующим показалась ему смешной. Он представил, как заведующий спросил бы его: «А куда прикажете перевести больного? Ведь отдельных палат у нас нет!» Тогда он сказал бы: «В таком случае я выписываюсь из больницы, потому что не могу у вас спать ночью», а заведующий ответил бы: «Нет уж, батенька, насильно вас никто сюда не звал, сами пришли. Вот полечим вас, укольчики пропишем, глядишь — через месяц-другой отлично будете спать при любом храпе!» От перспективы получить «укольчики» и тем самым стать кем-то из тех, кто без них жить не может, он разнервничался и уже наперёд знал, что никуда и никогда не пойдёт, а в голове всё прокручивались разные варианты разговоров с заведующим, не сулящие Андрею ничего хорошего. Он очень себя не любил в эти минуты. Эта умственная

жвачка могла возникнуть в мозгу по самому пустячному поводу — кто-то сказал грубое слово, толкнул в транспорте и не извинился, влез перед ним без очереди и прочее, и прочее. Чем сильнее была нанесённая обида, тем дольше, в разнообразных вариантах он мстил своим обидчикам.

Подошедший Геннадий потянул его в столовую. На завтрак дали чуть тёплую манную кашу, крутое яйцо, два куска сахара с прямоугольничком сливочного масла и два ломтя любимого серого хлеба. Кашу он есть не стал, а сразу намазал толстым слоем масло на один из ломтей и вприкуску съел с сахаром, яйцо же положил в ящик тумбочки с тем, чтобы съесть перед сном, если не удастся в течение дня забежать в ближайший магазин за печеньем на вечер.

Через полчаса после завтрака началось распределение на работы. Андрей выбрал работу на улице, надеясь, что ему дадут лопату или метлу убирать двор, но сестра повела его с молодым парнем из другой палаты к сараям, внутри которых хранилась всяческая малярная дребедень. Там нужно было что-то переставлять с места на место в темноте и пыли. Вырвавшееся из рук тяжеленное ведро с сухой краской обдало их с ног до головы ярко-оранжевым порошком, от которого они едва не задохнулись. Сестра, разумеется, при этом стояла на воздухе, придерживая дверь двумя пальчиками. Наконец, они кончили возиться в сарае и вышли отдышаться и почиститься.

— Что же вы не предупредили, что работа будет грязной, — в сердцах воскликнул Андрей, но сестра даже не удостоила его ответом, а сурово приказала: «Так, теперь в клуб!» Они поднялись на третий этаж, где им поручили стаскивать сколоченные по четыре клубные стулья в подвал. Они носили и носили хлопотные сиденьями стулья и казалось, что им конца не будет. Андрей устал и вспотел, но главное, — ему было противно, что он перепачкал в пыли и краске пальто и брюки, а почиститься и привести себя в порядок нет никакой возможности, ведь ему не пришло в голову взять с собой хотя бы платяную щётку. Таская стулья, он опять представлял себе в лицах, как он войдёт в кабинет заведующего отделением и холодно спросит у него,

на каком основании, прикрываясь трудовой терапией, администрация заставляет пациентов выполнять грязные и тяжёлые работы, которые должны выполняться специально нанятыми рабочими. А потом он так же холодно скажет, что в таких условиях он не станет продолжать лечение и требует вернуть ему паспорт и закрыть бюллетень. А заведующий испугается, что он доложит о безобразиях в министерство и о том, что они кладут в карман деньги, заработанные больными на так называемых занятиях трудовой терапией, и назначит ему укол, а он станет отбиваться, и они навалятся на него и скрутят руки полотенцем, и всадят укол, и он очнётся не в клинике неврозов, а в пятом корпусе, где у них сидят шизоиды.

Как только закончились стулья, он быстро поднялся в палату, переоделся, взял мыло и поролоновую губку и, подхватив брюки, пошёл в душевую. Там он тщательно отмыл и отёр брюки, которые до колен были перепачканы краской, и только после этого полез под душ и горячей-горячей водой смыл с себя вместе с потом и солью негодование, бушевавшее в нём. Вернувшись в палату, он положил брюки под матрас (дедовский способ сделать на брюках стрелку без утюга), попросил у соседей щётку и вышел на лестницу отчистить пальто.

До обеда оставалось ещё два с лишним часа. Больные постепенно приходили с разных работ и переодевались. Морозов по-прежнему лежал со злой мордой и скандалил с желающими проветрить палату, потому что у него болело горло. Вошедшая сестра повела Андрея, Геннадия и несколько человек из соседних палат на сеанс аутотренинга. При входе в холодное помещение все оставили свои шлёпанцы и заняли полу кресла вдоль стены. Вошёл тот самый блондин, который пытал Андрея, приказал всем замолчать и закрыть глаза. Принимая первый сеанс аутотренинга, Андрей испытывал острое любопытство, потому что слышал об этом много раз, но ни разу не пробовал. Поэтому старался выполнять все команды:

— Так, все закрыли глаза и устремили их в бесконечность, ослабили нижнюю челюсть, повторяем про себя: «Я в покое»,

— так, представили себе руки и ноги в виде полых пожарных рукавов, в которые поступает горячая вода, повторяем

про себя: «Мои руки тяжёлые и тёплые, мои ноги тяжёлые и тёплые, я в покое»,

— так, сосредоточили своё внимание на солнечном сплетении, повторяем про себя: «Моё солнечное сплетение тёплое, я в покое»,

— так, повторяем про себя: «Моё сердце бьётся ритмично, мне дышится легко и свободно, я в покое», дышим глубоко и спокойно,

— так, внимание на лоб, представляем себе, что свежий майский ветер овевает и холодит лоб, повторяем: «Я в покое»

— так, сидим, отдыхаем, дышим, не разговариваем, глаза не открываем...

Андрей слышал, как врач вышел из комнаты, скрипнув дверью. Конечно, он старался выполнять команды, но пока ещё ничего не ощущал. Он слышал, как кто-то перешёптывается и хихикает, но решил не обращать внимания и не открывать глаз. Прошло, наверное, не менее пятнадцати минут, пока врач вернулся и скомандовал: «Так, все глубоко-глубоко вздохнули, потянулись и открыли глаза. Сеанс окончен». Просовывая ступни в шлёпанцы, Андрей с удивлением обнаружил, что, несмотря на холод в комнате пальцы ног и пятки совершенно тёплые, будто он их недавно парил в тазу.

Геннадий нравился ему всё больше. У этого, может быть, не кончавшего и десятилетки грузчика была на редкость светлая голова и радостно-спокойное восприятие жизни. У него было сильное кряжистое тело на коротковатых ногах, лицо было словно вырублено из дерева твёрдой породы, в котором сверкали весёлым блеском хитрые зелёные глаза. Он тоже, видимо, нравился Геннадию по принципу «от противного», ибо у них не было ничего общего. С весёлым любопытством тот слушал рассуждения Андрея, восхищаясь его словарным запасом. Так, услышав, что Морозов не живёт, а смердит, Геннадий пришёл в восторг от слова «смердит».

В прогулках по двору вокруг корпусов клиники Геннадий рассказал, что взял фамилию жены и стал Усковым, потом по-

лез в боковой карман и достал фото миловидной и моложавой женщины.

— А ну, покажи свою, — потребовал он.

Андрей достал из бумажника маленькое фото жены.

— Что-й-то она у тебя такая старая? Кем работает?

— Химиком в геологическом институте.

— А моя — на фабрике «Свобода». Гляди-ка — у меня, грузчика, жена выглядит моложе твоей! Ты, наверное, плохо за ней ухаживаешь.

— Расскажи-ка мне, как ты деньги делаешь на фабрике.

— Да, очень просто. Идёшь мимо конвейера, шапкой горсть шоколадок прихватываешь, шапку одеваешь — и во двор. Там к знакомому шофёру подходишь, высыпаешь шоколад, он тебе — десятку.

— А дальше?

— А что дальше? Он сгружает товар в киоск по накладной и заодно даёт киоскёру шоколад в свободную продажу. Если не зарываться, то получается под триста рубликов чистыми каждый месяц.

— Слушай, я тут на трудовой терапии так изгваздался, что у них нет занятий почище. Я в этом костюме на работу хожу. У меня ведь тоже триста рубликов, но грязными. С вычетами остаётся двести пятьдесят. Так что костюмы покупаю редко...

— Это тебе не повезло на первый случай. Конечно, лучше всего убирать снег. Но приходится и пылесосить, и за едой ходить, помогать раздатчицам. Не горюй, привыкнешь.

— Слушай, меня этот храпун прямо-таки извёл. Давай его придушим ночью. Я его буду за ноги держать, а ты его подушкой, как Отелло Дездемону.

— Страшный ты человек, Андрей Михайлович. Даром, что фамилия у тебя скромненькая. Тебе бы не Белкиным зваться, а Громобоевым! Если хочешь знать, у меня принцип. Я могу пойти на человека, который мне нарочно подляну кинул. Тут я не промахнусь. Меня весь наш район уважает. И дочка меня тоже уважает, что может спокойно гулять вечерами, и никто её не тронет, все знают, кто у неё отец. Но безвинного никогда пальцем не трону.

Андрей лежал поверх постели и досадовал, что Усков не принял его шутку. Если бы он подначил его вроде: «Нет, я за ноги, а ты будешь душить», то посмеялись бы и дело с концом, а так получалось, что он, Андрей, — нехороший человек. В конце концов, он успокоил себя, подумав, что Усков, как человек без образования и воспитания, не смог понять юмора и впредь следует меньше раскрываться, а больше слушать и поддакивать.

Всё-таки, на общем сером фоне Усков был фигурой яркой и привлекательной. Его рассказы о жизни могли украсить не один юмористический журнал. Вот, к примеру, как он получил двухкомнатную квартиру. Жили они в избе, поделённой на четыре части между четырьмя семьями. Никаких удобств. Однажды днём он сидел дома и смотрел телевизор, выпил бутылку водки, взял чайник, наполнил его керосином, пошёл на чердак и полил его из чайника, потом бросил чайник и поджёг чердак. Потом пошёл и стал досматривать телевизор. Когда чердак запылал в полную силу, свернул шмотки, взял подмышку телевизор и вышел во двор смотреть на пожар. Пока приехали пожарные, тушить уже было нечего. Вскоре им, как погорельцам, предоставили квартиру в Москве. Правда, перед этим пожарный-капитан в присутствии участкового долго его пытал, не он ли поджёг дом. Усков всё спокойно отрицал, твердя: «Сидел, смотрел телевизор, потом заметил, что начало гореть, взял вещи и ушёл. Почему не позвонил? Так неоткуда было звонить. Телефонов у нас нет...»

Наконец, храпун выписался. Андрей ликовал в предвкушении тихой ночи, однако не тут-то было. В палате объявились два преемника ушедшего, хотя до его уровня им было куда как далеко. Андрей подумал, что сиракузская старуха не всегда бывает права — последователи не всегда превосходят предшественников.

Однообразная жизнь с непрекращающейся уборкой территории напоминала ему пионерские лагеря, в которых он провёл почти все летние каникулы с шести до тринадцати лет. Первая часть дня всегда была у него наиболее продуктивной,

он привык в предобеденные часы осмысливать проведённые эксперименты, работать с научной литературой. Поэтому, слушая крикливые приказы старшей сестры, он всегда испытывал лёгкое раздражение. За две недели все истории соседей по палате уже порядком поднадоели. Он брал сказки Уайльда с крошечным англо-русским словариком и выходил в коридор. Но и там не было покоя. Мимо без конца шмыгали медсёстры, проходящие врачи неизменно осведомлялись, что он читает и делали уважительные физиономии, узнав, что он читает на английском. Он попадал в глупое положение, потому что английского по сути не знал, просто стремился расширить свой словарь, но объясняться не хотелось. Единственным развлечением были послеобеденные визиты в букинистический магазин на углу улицы Димитрова, однако покупать там было практически нечего. Продавцы припрятывали дефицитный товар для своих постоянных клиентов. Лишь однажды ему посчастливилось ухватить том речей Марата в издательстве «Академия». Он с нетерпением ждал свободного часа, чтобы погрузиться в книгу. Предисловие Бухарина ему очень понравилось, но сами речи Марата отдавали такой популистской тарбарщиной с непременным призывом к насилию, что его вскоре затошнило от этого, и он стал переживать о потраченных впустую двадцати рублях. Этой суммы хватило бы на пять-шесть килограммов мяса.

Он с успехом освоил аутотренинг (всё-таки врач владел методикой!) и теперь с лёгкостью разогревал руки и ноги, лёжа в постели или сидя в кресле. Усков сказал ему, что врач проводит индивидуальные сеансы гипноза, естественно, за деньги, но Андрей не знал удержу только в тратах на книги. Здоровье, по его мнению, следовало поддерживать с помощью бесплатной медицины. Теперь он с любопытством ждал начала уроков в группе психологического тренинга.

Большинство там составляли женщины. Унылые и бесцветные существа неопределённого возраста, которые всегда молчали, пока врач-психолог их не вызывала, парочка престарелых дам, которым ничего уже в жизни не хотелось, и две женщины, которые заметно выделялись из общей массы. Одна

из них приходила в облегающем чёрном трикотаже, подчёркивающим её небольшую, приятной формы грудь и довольно солидную попку. Она никогда не забывала сделать неуловимо кокетливое движение телом перед тем, как сесть в кресло или подняться и уйти. Вторая приходила при полном параде с неизменным мохеровым пледом на плечах. Мужская часть была представлена двумя студентами, совсем ещё мальчишками, и высоким, под два метра молодым инженером-оптиком. Андрей был намного старше и общаться с ними ему не хотелось. Но самым гвоздём программы была прелестная, как «Весна» Боттичелли, и такая же юная врачиха-психолог, которую звали Леной. Андрей с самого первого мгновения не мог отвести от неё глаз. Она относилась к своим обязанностям очень серьёзно и с корнем вырубала даже малейший намёк на его восхищение и преклонение, так что ему только и оставалось есть её глазами и старательнее всех исполнять её команды. Однако от урока к уроку в ней начал проявляться некий, может быть и профессиональный интерес к Андрею. В отличие от остальных лиц мужского пола он не был зажат, умел увлекательно говорить на разные темы, а уж что касается словаря, то, наверное, он был среди них носителем русского литературного языка. Когда все мучительно старались вспомнить свои увлечения, он просто сказал, что давно уже пишет рассказы и получает от этого неопишное удовольствие. Она тут же спросила, печатается ли он, но он ответил, что пока пишет в стол. Ведь он по профессии электрохимик... Он чувствовал, что легко овладевает вниманием их небольшой аудитории, дама с мохером злилась, потому что сама хотела поболтать, но Лена слушала его и та не смела вмешиваться в разговор.

Зато когда давалось задание на создание образа какого-нибудь объекта или обстановки, та дама в мохере брала верх над всеми. Самые обыденные вещи обрастали немислимым количеством подробностей, и всё обязательно было интенсивно ярким, необыкновенно ароматным, холоднее льда и горячее кипятка. Андрей закрывал глаза и перед его зрачками неслись в вихре картины Кандинского под назойливый грохот собачьего вальса. Потом, когда словоизвержение кончалось,

в воздухе повисала такая благодетельная тишина, что казалось — ещё мгновение и он почувствует дуновение ветерка из прогретого солнцем соснового бора. Он открывал глаза и видел чуть приподнятые в лёгкой улыбке уголки губ Лены. Для неё, наверное, та дама была интереснейшим материалом (Лена упомянула, что работает над диссертацией).

На одном из занятий она дала задание попытаться передать ощущение от воображаемого объекта партнёру. В тот день пациенты составляли нечётное число и Андрей оказался в паре с врачом. Его распирало желание выразить ей хоть как-то своё преклонение, и он старался создать образ котёнка, мягкого, пушистого, с крошечными коготками, который тычется мордочкой в шею Лены. Она молчала, создавала свой мысленный образ. Потом, когда он замолк, она открыла глаза и почти сердито сказала: «Это ж надо! Я наяву почувствовала его острые коготки, которые царапают мне шею!» и полоснула своими безукоризненными ноготками по его руке. До конца дня он прикладывался к лёгким царапинкам губами, как к иконе.

На следующем уроке она придумала новое испытание. Каждый (кто не боится) должен был встать на подоконник и падать с прямой спиной и закрытыми глазами, а остальные должны были его подхватить. Женщины отказались наотрез, а студенты так стеснялись, что Андрей взял на себя миссию первопроходца. Его, правда, здорово смущал его костюм, который давно надо было сдать в химчистку и даже лучше — выкинуть на помойку и купить новый. Он сам, принявшись временами к костюму, улавливал застарелый запах, но никак не мог собраться в магазин. И вот, он стоял, закрыв глаза, и ждал команды Лены. Его подхватили дружно, так что он даже испытал удовольствие, а Лена спросила его с уважением: «И вам совершенно не было страшно?» Он чуть не сморозил: «Мне с вами ничего не страшно!», но вовремя прикусил язык.

Занятия проводились два раза в неделю, у неё было много групп. Он неоднократно подходил к застеклённым дверям комнаты, где они собирались и смотрел на неё издали, боясь, что его окликнут и строго спросят, какого чёрта он здесь ошивается. Однажды женщина в чёрном трико принесла угощенье

по случаю своего дня рождения. Это очень оживило занятие, даже старухи проснулись, и ему пришло в голову тоже устроить маленький праздник, чтобы отвлечь внимание на себя и начать хоть какое-то неформальное общение. Однако режим клиники превращал его, такого умного и обаятельного, в подопытного кролика, и он понимал, что до тех пор, пока он будет пациентом, его шансы в качестве претендента на её дружбу (а, может быть, и на любовь!) практически равны нулю. Выход был один — он должен сбежать из клиники, обязательно захватив с собой арестованный паспорт. На прошлой неделе заведующий отделением милостиво предложил выдать паспорт на один день тем пациентам, которые хотели бы выписать бюллетень за прошедший месяц, чтобы отдать деньги семье. Андрей в числе других съездил к себе на работу, где получил зарплату с тематической премией. Премию он зажал, выдав супруге только зарплату. Как честный советский человек, он вернулся в клинику и снова сдал паспорт Владимиру Ивановичу. Мимолётно он заметил, что тот держит паспорта больных в сейфе. Теперь, обдумывая план побега, он проклинал своё послушание и начал следить за кабинетом заведующего с надеждой незаметно похитить свой паспорт.

Теперь, когда он почувствовал узы заведения, в котором он очутился по собственной воле, каждая мелочь вызывала в нём раздражение. Он злился даже на прекрасную арию Баха, которая будила его по утрам. Включение люстры он считал садистской шуткой над больными, а вбегающих с криками «подъём» сестёр — злыми ведьмами. Он стал внимательно приглядываться к графику работы Владимира Ивановича. Тот приходил к девяти утра, в течение получаса выслушивал доклады врачей и старшей медсестры и по пятницам к десяти уходил с врачами на «конференцию». К сожалению, около десяти начиналась трудовая терапия. У него оставалось всего несколько минут на то, чтобы проникнуть в кабинет открыть сейф, если в замке оставался ключ, найти коробку с паспортами, взять свой, поставить коробку на место и незаметно выскользнуть из кабинета. Он заметил, что Владимир Иванович в тех случаях, когда пользовался сейфом, часто оставлял в нём ключ. В этом

он убедился, приоткрывая дверь после его ухода. Однажды пожилая медсестра заметила Андрея возле двери заведующего и грубо спросила его:

— Вы что, не знаете, что Владимир Иванович на конференции?

Андрей промямлил:

— Я думал, что ещё нет десяти часов.

И надо же было случиться, что она вновь его засекала у кабинета заведующего.

— Вы что стоите у кабинета?— спросила она его весьма неприветливо. — Я ведь вам говорила, что у него всегда с десяти конференция по пятницам!

— Мне показалось, что я оставил у него очки, — промямлил Андрей.

— Очки у вас на носу, вы что — не видите? Странные все какие-то, — бурчала она, удаляясь в сторону процедурной.

Весь день после этого Андрей решал вопрос о бегстве из клиники. Можно было, конечно, собрать вещички и уйти. Паспорт они бы ему сами прислали. Нет у них права держать его паспорт! Можно пойти в милицию и сказать, что паспорт украден. За десять рублей выдадут новый. Но терять десять рублей никак не хотелось. Потом ему пришла в голову мысль пойти к Владимиру Ивановичу и сказать, что им нужно подать документы в связи с получением новой квартиры и, получив паспорт на руки, тут же смыться. Однако какой-то злой черт сидел у него в голове и подначивал выкрасть, именно выкрасть свой собственный паспорт.

В следующую пятницу всё складывалось для него к удаче. Его не услали из корпуса, а дали задание протирать полы шваброй. Пока сестра с соседом Вовкой ходила за шваброй и ведром, он скользнул из коридора в кабинет. Ключ торчал в сейфе. Секунда — и он уже перебирал трясущимися пальцами паспорта. К счастью, его паспорт в тонком кожаном переплёте выделялся от других. Через миг он уже снова стоял в коридоре напротив их палаты. Вдруг он спиной ощутил, что за ним наблюдают. Оглянувшись, он увидел врача-блондина, который почему-то не ушёл со всеми на конференцию.

— Нехорошо, Андрей Михайлович, без разрешения входить в кабинет заведующего отделением. Вы что там делали?

— Знаете, мне срочно нужно было позвонить на работу, всего два слова! — в знак просьбы о помиловании он прижал руки к груди.

— Постарайтесь в будущем не нарушать правил внутреннего распорядка. Помните, что вы — наш пациент, и мы на страже ваших же интересов, — с достоинством произнёс тот и удалился.

— Если он доложит начальнику, я пропал, — подумал Андрей. — Надо бежать и сию секунду.

Вовка застал Андрея в момент, когда он торопливо упикивал свои вещи в портфель.

— Ты куда? — озабоченно спросил Вовка.

— Так, слушай! — ты меня не видел и не знаешь, куда я пошёл. Понял?

— Понял, — ответил Вовка.

— Ну, пока, — Андрей махнул рукой и сбежал с лестницы во двор и оттуда быстрым шагом направился к метро. Во дворе он встретил Ускова и попросил его передать Владимиру Ивановичу, что он закончил свой курс лечения и приступает к работе.

— Когда выйдешь из психушки, позвони, — сказал Андрей на прощанье.

— Позвоню, — хохотнул Усков. — Ай да Белкин! Не ожидал, борода, от тебя такого фортеля.

На работе по Андрею соскучились. На бесконечные ну, как вы, как здоровье он отвечал односложно. Дел накопилось невпроворот и первую неделю он забыл и думать о месте скорби, откуда панически бежал. Потом, придя в себя, он сходил в дорогую парикмахерскую, вытащил и придирчиво осмотрел свой единственный выходной костюм, сшитый вот уже семь лет назад в ателье художников по большому благу, и в среду уже направлялся нарядный и пахнущий хорошим одеколоном с многочисленными пирожными с Кузнецкого моста, шоколадными конфетами и фруктами на прощальное

занятие группы психологического тренинга. Он специально задержался на пять минут, чтобы не вызывать подозрения у шастающего персонала и толкнул застеклённую дверь, когда уже все сидели. Там он скинул куртку и деловито вывалил угощение, подмигнув женщине в чёрном трико — помощи, мол. Она с радостью стала расставлять сласти, другие тоже подключились пока Лена, слегка оторопев, спросила его, по какому случаю столь роскошное пиршество.

— Я хочу попрощаться со всеми, — ответил он, — так как на ваши занятия, Лена, я больше ходить не смогу, к сожалению. Я уже приступил к работе и надеюсь, что вы, оставшиеся, будете поминать меня добром. На этом позвольте закончить мою тронную речь и пригласить всех вас разделить радость от поедания вкусных вещей.

Пока все собравшиеся дружно поглощали угощение, обмениваясь междометиями, он тихо подсел к Лене и, изображая полное смирение и уважение, шёпотом попросил номер её домашнего телефона. Она быстро и остро взглянула на него, подумала секунду и потом решительно написала свой телефон, добавив: «Дома я бываю не раньше девяти вечера».

— Вы на лыжах ходите? — спросил он. — Дело в том, что я живу в Измайлове, рядом с парком. Если у вас будет желание покататься пару часов, я с удовольствием составлю вам компанию.

Она сказала, что ходит на лыжах неважно, но вполне возможно, что примет его приглашение, если позволят домашние дела. Окрылённый, он тут же встал, всем пожелал успешного лечения и отбыл на работу. Он решил не спешить и постепенно сделаться её хорошим знакомым, потом другом, а уж потом попробовать завоевать её сердце. Жена, которую он обожествлял в молодости, а теперь едва терпел, безжалостно тиранила его беспрестанно, выискивая малейшие предлоги, чтобы высказаться о его полной никчёмности в домашних делах и, что особенно было обидно, — в делах интимных.

Через неделю позвонил Усков и сказал, что он закончил лечение и что Владимир Иванович очень просил Андрея прий-

ти за новым бюллетенем. Андрей выбрал день посвободнее и поехал в клинику. Когда он вошёл в кабинет заведующего, Владимир Иванович широко улыбнулся, встал и протянул ему руку, как будто ничего не произошло.

— Как здоровье? Как на работе? — спросил он с участливым интересом и, услышав, что всё в порядке, добавил. Как же так, батенька, получилось, что вы влезли в мой сейф? Это же криминал! Как у вас духу хватило? А если бы вас при этом застукали? Скандал-то какой! Неужели нельзя было подойти ко мне и просто сказать, что вы чувствуете себя хорошо и что просите меня со следующего дня выписать вас на работу? Вы ведь разумный, интеллигентный человек, Андрей Михайлович. И знаете, что я вам скажу — это ваша болезнь вас так разворачивает. Вы сами себя накручиваете, всякие ужасы представляете и тем самым усложняете себе жизнь. Я ведь уже более двадцати лет в психиатрии и скажу вам откровенно: следите за собой, батенька, и если почувствуете, что не можете справиться с собой, приходите к нам. Мы вам дадим хорошего врача, витамины поколем. Вы должны нам доверять. Прежде всего, мы врачи и давали клятву Гиппократу. А то ещё посмотрят американских фильмов, где психиатры-садисты истязают здоровых людей, и нас, соответственно, считают садистами... Ну ладно, вот ваш бюллетенчик. Искренне желаю вам здоровья и благополучия.

Андрей, сильно конфузясь, снова пожал тёплую и мягкую ладонь заведующего и поехал на работу. Вечером он позвонил Ускову. Пошутили, поорали на радостях, а в конце разговора Усков брякнул: «После твоего, борода, побега, заведующий особым распоряжением запретил выдавать паспорта на руки вплоть до выписки на свободу. Понял, что ты наделал, мать твою так и раз-этак?!»

3

Сколько нового может произойти за какой-то месяц отсутствия на работе! Во-первых, грозного директора заменили на начальника Краснодарского отделения П/Я, товарища Скоко-

ва, а Лиренко поместили на восьмой этаж в кабинет с золотой табличкой «Научный консультант». Кончилось его время. Все восемь заместителей в один день присягнули новому владыке. Говорили в народе, что его отец был начальником КГБ огромного Краснодарского края. Вот, кровушки пролил, небось,.. Его сынок не скрывал амбиций, решил приблизиться к Горбачёву. Две недели вызывал на ковёр начальников отделов и требовал показать вживую результаты работ за десять лет — и ничего существенного не увидел. Приносили жалкие штучки-дрючки чуть ли не в карманах, слов было много, а готовых проектов, которые уже завтра можно было бы воплощать в новые цеха и выпускать новые изделия — ни одного!

На общем собрании, куда были допущены и начальники лабораторий, тов. Скоков обратил внимание присутствующих, что при энергичном содействии заместителя тов. Мучника Григория Афроймовича был выстроен испытательный комплекс источников тока для армии и стоил этот комплекс более десяти миллионов рублей. Минобороны отказалось принимать эту игрушку на свой баланс и теперь стоит вопрос, может ли П/Я найти применение огромному зданию или просто отдать под суд товарища Мучника за растрату государственных средств...

Публика в зале веселилась, потому как была объявлена перестройка с ускорением, а что делать — не сказали. Предстояло десять лет форменного бардака с криминальным уклоном. Но Скоков думал не об этом. Он собирался пригласить Горбачёва в П/Я и убедить Его, что нынешний директор достоин руководить страной в числе избранных и приближённых к власти.

Горбачёв прибыл в отвратительном настроении. Однако Скоков был умелым царедворцем и вёл главу государства тщательно выверенным маршрутом, чтобы Тот не видел безобразно-огромную вычислительную машину (БЭСМ-6), от которой на Западе давно не осталось и следа, грязные, тесные помещения лабораторий с убогим инвентарём и, разумеется, ужасные цеха с полупьяными работягами. Нет! Он сразу провёл Горбачёва в новый корпус, где на восьмом этаже собирались установки искусственного лёгкого по французским лека-

лам. Там персонал был одет в новые белые халаты и носил марлевые лицевые повязки, которые было запрещено снимать. Этажом ниже были продемонстрированы работающие кислород-водородные аккумуляторы для подводных лодок и показан фильм по сборке кремниевых и арсенид-галлиевых солнечных батарей. Голос Скокова звучал оптимистически-уверенно, и под влиянием этого голоса лицо Горбачёва немного разгладилось, где-то на десятой минуте он уже слушал докладчика и, придя в себя, словно набравшись от Скокова уверенности, к концу визита протянул ему руку и искренне поблагодарил, перед тем, как сесть в машину.

Личная охрана каким-то образом прозевала отъезд хозяйна. Матерясь, они вывалились на пяточок и сразу, не закрыв толком двери, врубили скорость. Огромный бронированный ЗИЛ, как с азартом рассказывал потом замначальника отдела, на полметра взмыл в воздух, потом плюхнулся на землю и кинулся догонять.

Перевод генерального директора в научные консультанты последнему дураку был понятен, как вечная отставка. Могущество улетучилось, как воздух из лопнувшего шарика. Реальных знаний научных или инженерных никогда не было. Лиренко представлял на совещаниях вверху огромное объединение в том же ключе, как портрет вождей на демонстрации. После праздника портреты членов Политбюро ставили в тёмную комнату до следующего праздника.

Вернувшись из клиники неврозов, Андрей почувствовал явный запах тления. Огромный П/Я умирал. Зарплату ещё платили, но деньги обесценились совершенно. Отдел, где работала Нина, тоже почти развалился. Татьяну Николаевну ушли на пенсию. А что стадо без пастыря?

— Я ухожу в патентный отдел, — сказала Нина. — Сейчас надо пересидеть в тихом месте пару лет, а потом, глядишь, ..

— Россия вспрянет ото сна? — вдруг спросил Андрей.

Нина печально улыбнулась.

— А я неожиданно стал в цене, — похвастался Андрей. — Отдел №64 купил четыре года назад в Японии за два миллио-

на долларов автоматическую линию по производству литиевых элементов. Представляете — только сейчас на фоне хозяйственного бардака вспомнили об этой линии. А специалистов по контролю электролита нету!!! А чёртов электролит — вроде химического оружия, что-то вроде фосгена. Короче, пригласили меня наладить методику контроля. Я к ним зашёл... Это в самом конце нашей территории серое кирпичное здание. Все сидят за своими столами, протирают штаны, пьют чай и говорят на производственные темы. Знаний — ноль! «Где собираетесь собирать батарейки?» — спрашиваю. Назвали какой-то Мухосранск и решили меня послать для ознакомления с автоматической линией. Я им говорю: «Нет, господа! Контроль электролита я организую здесь при вашем участии, а таскаться смотреть линию — это не по моей части».

А про мой побег из психушки я вам рассказывал?

— Рассказывал. Уже два раза. Какой вы всё-таки странный, Андрюша... В столовую перестали ходить...

— Перешёл на автономное питание. Меня ведь перевезли на первый этаж главного корпуса. Комната нужна для цеха сборки искусственного лёгкого. Слава Богу, приборы целы. Спрятался за высоченными шкафами, поставил сейф, на него электроплитку, дистиллятор работает, пью очищенную воду с хорошим индийским чаем. У меня запас чая лет на пять. В кастрюльке варю супчик из пакетика.

Я тут изобрёл шикарное пирожное к чаю. Большой кусок чёрного «Обдирного» хлеба грею в терм шкафу, а тем временем развожу детское питание, куда добавляю ложку порошка какао. Это — шоколадный крем. Затем вынимаю хлеб и намазываю толстым слоем крема. Вкус — «спесифический», приходите — посидим повспоминаем... А как там Валя?

— Валя растит дочку, преподаёт в вечерней школе. Счастлива безумно. Кажется, скоро снова выйдет замуж.

— А я тут мельком видел Диму. Он так постарел... Мне кажется, что он серьёзно болен... Мне его очень жаль. А вас в новом отделе не обижают?

— Ну что вы, Андрюша. Мы знаем друг друга по двадцать пять лет. Кстати, с нами работает Лина, с которой вы были

знакомы на первом курсе... Ну, хорошо. Рада была вас повидать.

Они расстались легко и не подозревали, что никогда больше не увидятся. Даже когда Андрей через три года зашёл в патентный отдел подписать разрешение на защиту докторской диссертации, они не встретились.

Прошёл ещё год. Андрей увлёкся женщиной, которая работала помощником учёного секретаря Известного химического ВУЗа. Он только-только сделал доклад на кафедре физической химии и получил благословение одного из маститых профессоров на защиту. Пока страна корчилась в демократических родах, не представляя, что будет с народом, её населяющим, Андрей гнал плакаты, писал текст диссертационного доклада и ухаживал за прелестной подругой, у которой жизнь сложилась не лучшим образом. П/Я к этому времени совершенно обезлюдел. Начальство сдавало огромные помещения разным мастерским, новым фирмам и фирмочкам, давала пристанище наворованным автобусам и грузовикам.

Все, кто ещё не покинул П/Я в поисках лучшей доли, стремились любым способом заработать на стороне. Скоков ещё числился генеральным, но теперь в связи с фактической отставкой Горбачёва, он сделал ставку на захват качающейся власти. В пару он взял популярнейшего генерала Лебеда, который предотвратил гражданскую войну в Молдавии. И вот два кандидата на пост президента всё чаще и чаще стали мелькать на экранах телевизоров. Коммунисты тоже подтянулись. Партайгеноссе Зюганов имел большой шанс убрать законно избранного Ельцина.

Получив листочек с красной печатью, где он объявлялся доктором химических наук, Андрей понял, что это не прибавило к его заработку ни гроша. Надо было срочно куда-то литься. Но куда?.. Лаборатория разбежалась. Та самая лаборатория, которую он любовно растил годами, отсеивая человеческий мусор и паразитов-бездельников. Единственным его бизнесом, разумеется, криминальным была незаконная

продажа лицам армянской национальности четырёх десятков переменных сопротивлений, содержащих около грамма чистого золота каждое. Он при этом вспоминал, как был недоволен своим инженером по электронике, который заказал эти сопротивления на складе. Оказывается, пригодились!!!

Симпатичный малый из соседнего отдела, который вёл разработку отечественных магнитометров, тоже участвовал в этом бизнесе.

А всё дело было в том, что любезная супруга с группой сотрудниц из академического института отбыла в Турцию за дешёвыми вещами с целью перепродажи на московских рынках. Долларов в семье не было, но обменные пункты открывались тут и там. Набрав пятнадцать тысяч долгу, жена уехала и вернулась с массой неопишуемой дряни, поскольку ничего не понимала в торговле и признавала это без стыда, но зато считала себя знатоком всемирной литературы.

— Значит, ты теперь у нас челнок? — ядовито спросил Андрей у жены. — В сухой реке пустой челнок плывёт... Это не о тебе, случайно?

Надо было отдать долги и быстро. Так Андрей и сделал. Он подошёл к тому парню и сказал:

— У меня есть около сорока граммов золота высшей пробы, помоги продать, выручи!

— Надо только удостовериться, что оно там есть, — ответил парень.

Андрей выудил из кармана резистор и протянул ему. К счастью, армяне не обманули и взяли весь запас. Оценили в тринадцать тысяч.

— А можешь ты сделать мне милость и дать деньги сейчас? — спросил Андрей. — Мне долги надо уплатить.

Парень кивнул и, не поморщившись, достал толстенную пачку купюр, отсчитал тринадцать тысяч и протянул Андрею.

— Господи, как я тебе благодарен! — воскликнул Андрей.

— Да чего там, мы уж сколько лет знакомы! — сказал парень. — Рад был помочь...

Скоков поставил не на ту лошадь. Горбачёва просто выперли, как слабака. Лебедя убрали, устроив авиакатастрофу. Вокруг Ельцина новоявленные воры и банкиры сделали оцепление. И Скоков сделал правильный выбор. Он послал на три буквы сгнивший П/Я и ушёл заведовать Всероссийским фондом ветеранов. Поскольку большую часть своей «мирной» истории СССР и за ним Россия воевали, ветеранов в стране было около половины населения. Это и был вечный источник денег и привилегий. И никакой ответственности! Кто посягнёт на ветеранов?!

Андрей знал кое-какие подробности от приятеля своего сына, который был внуком известного генерала и работал над распределением финансов в фонде.

Что касается Андрея, он ещё пытался подрабатывать в кооперативе, куда принёс секреты изготовления инфракрасных поляризаторов, не чурался и обычной черновой работы, вроде перепечатки дипломной работы или перевода финансового документа с немецкого или английского, и ждал...

И вот, в один прекрасный вечер к ним зашла поболтать соседка Зина со второго этажа и среди бабской болтовни вдруг спросила, нет ли на примете человечка, который пошёл бы химиком-аналитиком в институт Газпрома, в котором она тоже работает.

— Этот человек есть! — мгновенно отреагировал Андрей.

С утра он уже звонил завлабу Ивану Зыбину и договаривался о встрече. Когда-то вместе с Вишневым (который кончал Физтех) он готовил для ВДНХ экспонат. Это был незатейливый прибор, который показывал на шкале милливольтметра разность потенциалов между электродами в растворе. За этот прибор замминистра премировал группу разработчиков бронзовыми медалями ВДНХ.

После выставки Лиренко распорядился все экспонаты перенести в институт на тринадцатый (директорский) этаж. Ценой немислимых интриг и откровенного вранья Андрею удалось утащить свой анализатор ионов и спрятать в сейфе до времени. И вот, это время наступило!

Искомый Институт занимал обычное школьное здание на краю Измайлова. В обычных классных комнатах, разделённых перегородками, располагались специалисты по хранению нефтепродуктов под землёй. Хранить их следовало в залежах каменной соли, которых в нашей богатой и счастливой стране немислимое количество. Специалисты получали керн из разных месторождений и определяли, соответствует ли каменная соль требованиям на прочность и по химическому составу.

Андрей явился к Зыбину в полном параде — в костюме, сшитом в ателье Внешторга и с элегантным чемоданчиком, выдавленным из алюминиевого листа и покрытым солидной серо-стальной краской.

— Вы кандидат наук? — спросил Зыбин.

— Разумеется, — ответил Андрей. — Вот, кстати, я принёс свой действующий макет прибора для измерения ионного состава рассолов и растворов. Я могу оставить анализатор у ваших сотрудников, обучить их пользоваться им и обеспечить необходимыми электродами.

Они зашли в узкую и длинную комнату, где сидели две немолодые женщины с приветливыми лицами. Ещё одна, помоложе, стояла возле химического стола с мензуркой и колбой в руках.

— Вот, Зина Сониная рекомендовала нам сотрудника в лабораторию. Мне кажется, он нам подойдёт, — начал Зыбин.

— Это замечательно, что теперь у нас будет двое мужчин, — сказала та, которую потом Андрей называл Валентиной Николаевной. Много лет назад он взял себе за правило всегда обращаться к сотрудникам на работе только на «вы» и по имени-отчеству.

— Это всего лишь российская форма вежливости, — говорил он при случае. Я боюсь, что если некто говорит вам «ты», то в момент раздражения он может сказать «а пошёл ты!..» и тогда либо ты, либо он действительно должны уйти и далеко, чтобы никогда более не встречаться.

4

Андрей попал в П/Я после одиннадцати лет служения музе науки. Странно, что для неё у греков не нашлось места хотя бы рядом с Клио или Уранией. Я бы дал ей имя Эврика. Наверное, это были действительно лучшие годы в его жизни ещё и потому, что он рос разумом и умением среди великолепных людей. Всё познаётся в сравнении, это ещё древние заметили. Так вот, если позволительно такое сравнение — после кафедры физики у него возникло ощущение, что он попал из прекрасного сада на скотный двор, где никто никогда не прибирался. В этих Авгиевых конюшнях он провёл двадцать лет ради презренных денег, а потом воспользовался услугами Фортуны и бежал на крошечный остров в огромной империи Газпрома, где снова встретил нормальных людей и вполне нормальные, с точки зрения этики, отношения.

Как в преферансе бывает ощущение, что идёт карта, так в те незабвенные восемь лет ему казалось, что он напал на жилу. Всё ему удавалось. Вместе с Зыбиным он оживил микроскоп из ГДР и занялся изучением микроструктуры каменной соли, придумал несколько методик и выпустил несколько статей в совершенно новой для него области. Он не был технологом. Ведь часто технология содержит в себе некие правила, секреты, без знания которых желаемый результат не получишь. Скажем, реакция, которая прекрасно идёт в колбе, не идёт в объёме пять кубометров на заводской установке, потому что изменился отвод тепла из реактора. И можно убить год жизни и более, пока придумаешь, как заставить установку выдавать качественный продукт.

Поэтому он занимался чисто научными проблемами. А начальство ох как любит публиковаться в авторитетных научных журналах, да ещё в начале списка авторов! Тут Булгаков прав и не прав: люди могут оставаться людьми, даже если их испортил квартирный вопрос. А ведь Булгаков знал, что способен сделать Сатана с людьми, но предпочёл не портить настроение читателям.

Он не порывал окончательно с П/Я. Там в результате перетряски руководства появилась новая учёный секретарь, очаровательная женщина, с которой он однажды сделал статью по воздействию лазерного излучения на структуру полимеров. Она позвонила ему и попросила приехать посидеть на докторском совете. Кто-то, несмотря на разброд и шатание в стране, решил защищаться. Андрей одел свой парадный костюм и отправился в П/Я. Учёный совет собрался в комнате бывшего комитета комсомола. Учёный секретарь встретила его ослепительной улыбкой. Некоторых из членов совета он видел раньше, но знаком не был, других вообще не видел никогда. Лиренко, естественно, председатель совета, пришёл последним. Хозяйским взглядом окинул бывших лакеев и вдруг заметил Андрея. Казалось бы, он мог сказать учёному секретарю:

— Мария Сергеевна, представьте нас.

Но ничего подобного не произошло. Как настоящий пахан банды, он стал вполголоса выпытывать у соседей, что это за фраер появился в его владениях. Однако никто не смог дать ему вразумительного ответа. Андрей не поворачивался, хотя чувствовал себя отвратительно и даже думал слинять под благовидным предлогом. Но предлога не было, и пришлось терпеть добрых два часа, пока не закончилось голосование.

...Была ещё и личная проблема. Женщина, которая его любила, решила оторвать его от семьи. Она считала, что жена его недостойна, что она ему ставит рога и этим бахвалится. А он, хотя давно разлюбил боевую подругу, не хотел, ввиду приближающейся старости, менять свой уклад жизни. Он был счастлив и обеспечен. И глуп, как многие, кто считал, что Россия воспрянет ото сна, и в этой новой России у него будет спокойная и полная глубоких размышлений старость.

Жена, скорее всего, всё знала и спокойно ждала, пока он перебесится. Насколько женщины пронизательнее мужчин! Им достаточно порой одного намёка, чтобы безошибочно оценить ситуацию.

Любимая женщина не смогла осуществить свою мечту, потому что умерла от скоротечного рака. Андрей вышел

с кладбища с пустотой в сердце. Идти было некуда, кроме как домой. В огромной квартире, откуда семь лет назад выехал в Болгарию его сын, женившийся на тощей, длинноносой болгарке, его ждала женщина, которую он когда-то обожал. Боже! Как давно это было! Почти сорок лет назад.

Приближался дефолт 1998 года. В Москве было беспокойно. Глава государства пил, как сапожник, а партайгеноссе Зюганов кричал в телевизоре:

— Какой он президент?! Он же больной! Он не может исполнять обязанности президента!

Почему у людей такая короткая память, особенно когда они сбиваются в стадо, пока никто не смог объяснить. Как быстро все забыли недавний путч, попытку оппозиции в союзе с черносотенцами и бандитами захватить власть, расстрел Белого Дома, который так недавно спасали безоружные демократы... Идиотская война в Чечне...

Сын позвонил из Варны:

— Моя жена выиграла *green card*. У вас мало времени. Идите в посольство США и получайте документы на въезд. Квартиру продавайте. Отец не хочет ехать? Интересы семьи ему по барабану? Нам нужна ваша помощь, пока мы найдём работу. У вас растут два внука!

Прошёл год. С документами на выезд Андрей с женой сидели в проданной квартире и перебирали старые фото. Из одного конверта выпало два фото недавно ушедшей любимой женщины.

Жена улыбнулась, спросила

— Это та, которая помогала тебе с защитой докторской?

— Она работала помощником учёного секретаря института, это входило в круг её обязанностей.

— Я заметила, что некоторых моих недоброжелателей как-то очень вовремя уносит ангел смерти. Отчего бы это? Наверное, потому что тебе нужна я, а не кто-нибудь другой. Вот и цени меня и мою тебе верность. Сейчас вот, в минуту опасности я спасаю тебя, вывозя из этой жуткой страны...

— Из страны, где мы прожили всю жизнь и где лежат кости наших предков!

— Кончай эту газетную демагогию. Надо реализовать право на нормальную старость и воссоединение семьи. Если ты до пенсионного возраста не смог реализовать себя, как крупный учёный, то дело в тебе. Постарайся теперь помочь детям начать нормальную жизнь в цивилизованной стране. И помни, что ничего особенного в тебе нет.

Достоинств мало, а недостатков — выше крыши...

III

ИВАНОВ–ПЕТРОВ–СИДОРОВ...–СЕРГЕЕВ...

1

Сергеев Костя уже выходил с работы, когда услышал, что его окликнули. Оглянувшись, он тотчас узнал Вову Иванова, который покинул их институт Резины в 65-м году, когда его отправили в Лондон закупать для СССР натуральный каучук. Сколько лет прошло! Тринадцать лет! По внешнему виду сразу можно было понять, кто из них сделал карьеру. Хотя Костя был оставлен при кафедре в очной аспирантуре и защитился через четыре года, а потом быстро получил должность старшего научного сотрудника с месячным окладом 250 рублей, любому жителю нашей страны было заметно преимущество фунта стерлингов перед нашими деревянными, на которых было написано, что они гарантированы всем имуществом СССР. Поневоле возникал вопрос: может быть у нас имущества меньше, чем у британцев?

Несколько слов о внешности Вовы. В студентах он напоминал знаменитый портрет молодого Максима Горького кисти Валентина Серова. Волнистые волосы, большое и открытое лицо. Всё в лице было крупным, значительным. Природа не пожалела материала. Ростом он был сто девяносто два сантиметра. Мощные руки с огромными кистями и длинными пальцами. Как выяснилось на первом курсе, в таких ладонях было легко прятать шпаргалки на экзаменах. Я тогда перешёл в группу Сергеева и Иванова и очень хотел подружиться с Вовой, но у того уже была своя компания. Вова ко всем был одинаково дружелюбен, что нередко встречается у физически

сильных людей. Было человек пять-шесть, ради которых я перешёл в эту группу, но у меня не было никаких достоинств, я ничего не умел делать, а учился просто отвратительно. Девчонки вообще не обращали на меня внимания, да и никто из них мне не нравился.

Для нынешних студентов совершенно непонятна наша жизнь второй половины 50-х. Подавляющее большинство моей группы составляли москвичи, дети инженеров или врачей, учителей, небольших начальников. Почти все жили в коммуналках, мыли кастрюли мочалкой с хозяйственным мылом, горячей воды на кухнях не было, мыться ходили в баню. Мы понятия не имели о дезодорантах. Пацаны ходили годами в тяжёлой обуви на микропорке, ноги потели, чистые носки, надетые после бани, скоро начинали вонять сквозь обувь. Девчонки старались отбить свои запахи одеколонами или самыми дешёвыми духами. Когда позже, лет через десять после окончания ВУЗа, мы услышали от нашей власти: «В СССР секса нет!», мы смеялись над глупой властью, а ведь она была права. От студентов требовали хорошей учёбы, которая поощрялась крошечной стипендией, и обязательного участия в общественной жизни. Мы ходили на все политические мероприятия и непременно орали патриотические песни. Радио, которое почти не выключалось, непрерывно совало в наш незрелый мозг винегрет из партийной учёбы и песен. Вот так мы все и жили... очень долго и однообразно жили и гордились Гагариным и нашим уникальным балетом. Высоцкий был абсолютно прав.

Наши власти, правда, гордились взорванной водородной бомбой на Новой Земле, но вскоре американцы повторили это достижение с помощью Яна Теллера, венгерского еврея, а у нас своих, отечественных хватало. А будущий академик А.С. писал бумагу в ЦК КПСС, что у него есть проект, как уничтожить США сверхмощной водородной бомбой. Это потом он стал диссидентом номер один и писал, как нам соединить наш социализм с их капитализмом. ЦК тогда очень на него обиделся, даже хотел лишить звания академика, но на заседании председатель спросил уважаемых действительных членов, был ли в истории прецедент с таким решением — и знамени-

тый академик Пётр Капица подтвердил, что такое было при Гитлере. После этой ремарки, темперамент у членов упал до нуля, и до голосования даже не дошло.

Впрочем, мы отвлеклись. В нашей группе Иванов был звездой. Так случилось, что мы должны были сдавать зачёт по плаванию. Целый год мы сдавали зачёты на кафедре физкультуры. Нас пригнали на стадион в Лужниках, велели помыться в душе и пройти медосмотр. Всё правильно! Бассейн большой, но ведь не море же! Плавки велели всем снять. В довольно большой раздевалке толклись и другие люди. И вдруг все посмотрели на Вову Иванова, возвышавшегося как Казбек среди гор Кавказа. Его инструмент был отменно велик. Неведомо откуда к Воле подошёл человек кавказского типа и восхищённо посмотрев на Вову хрипло спросил:

— Сколько сантиметров в твоём красавце?

— Двадцать три с половиной, — застенчиво и тихо ответил Вова.

— Вай, маладец, женщины будут в восторге! — закричал кавказец. — У минэ на два сантиметра меньше и минэ грустна.

При этом армянин сделал плавный ход правой рукой по кругу, как бы приглашая всех восхититься чудом природы. Мы все, кто стоял голяком, прикрывая иногда священное место ладонями, испытывали гордость от знакомства с таким необыкновенным парнем, как Вова.

Тут нас всех пригласили в медицинскую комнатку при бассейне, где зачем-то велели каждому встать на весы и затем подойти к медсестре на предмет контроля кожных заболеваний. Вова вразвалочку подошёл к медсестричке, вызывающе нагло смотря ей в глаза. Та торопливым взглядом прошла по его животу и ступням и осмотрела сзади.

— Следующий! — пискнула она, словно мышь, придавленная кратким курсом ВКП(б).

Наша группа дружно расхохоталась.

— Все могут надеть плавки! — раздался очередной писк, с последующим вновь взрывом хохота.

Для тех, кто увидел свет лет через двадцать, покажется забавной конструкция плавков, где одна нога продевалась в дыру,

а вокруг второй ноги висели четыре шнурка, которые связывались попарно и образовывали вторую дыру. О купальных трусах для мужчин мы тогда не слышали. На пляжах от Невы и до Чёрного моря все мужики плавали либо в таких плавках, либо в чёрных сатиновых трусах до колен. Почему-то остряки называли их семейными или яйцевидными (по понятной причине).

Если бы Вова обладал только огромным прибором, не стоило бы и рассказ начинать. Главное — у Вовы был великолепный драматический тенор, и он учился параллельно с нашим химическом ВУЗом ещё и в знаменитом институте братьев Гнесиных на вечернем отделении. Да, так бывает! В скромной, далеко не богатой семье советских интеллигентов родился вполне одарённый мальчик. Я узнал о его даре на студенческом вечере, устроенном комитетом ВЛКСМ при поддержке Райкомовского начальства в клубе «Каучук».

Вова вышел в белоснежной рубашке с синей бабочкой и чёрном приталенном пиджаке. Он спел что-то из «Тоски» и пару классических романсов. Лицо его сильно покраснелось, особенно возле рта. Я никогда не думал, что пение на публику требует таких усилий.

Сразу оговорюсь, что райком поставил в соответствующей графе «птичку» и потому больше никаких студенческих концертов у нас не было.

Наша группа жила тихой неприметной жизнью, сдавала зачёты, экзамены, учила пять или шесть разных химий. Вова учился первые два курса так же скверно, как я — с тройки на четвёрку. Мы с ним почти не общались. Он крепко подружился с Колей Резчиком, которому я, поумнев к четвёртому курсу, помогал усвоить основы теплотехники. Коля был отличным парнем, мы сильно сблизились в военных лагерях. Он меня называл «Рядовой Кот-и-Повар», потому что фамилия у меня была Котляр. Все пацаны в моей группе называли меня Котом. При чём здесь Повар? Коля объяснил, что рядовой «Кот-и-Повар» претендует на двойную порцию второго в столовой. Вскоре после окончания института Коля стал начальником

лаборатории в нашем профильном институте Резины, потому что его мама работала в министерстве на видной должности. Сергеев даже после защиты диссертации остался подчинённым у Коли. В связи с этим вспомнилась студенческая шутка: «Надо же! Такой маленький — и уже сын губернатора!»

Во время одного из практикумов по физике мы оказались рядом с Вовой. Лениво болтали о чепухе, хотелось спать — практикум начинался в восемь утра. Я что-то запел вполголоса из «Кармен». Вова тут же отреагировал:

— Кот, ты лучше свисти!

Ну прямо сцена из Моцарта и Сальери: «Мне не смешно, когда маляр негодный Мне пачкает Мадонну Рафаэля,..»

Ко мне и моей компании Вова был вежливо равнодушен. Большая часть из нас два сезона отмахала на целине, получив весьма скромные деньги и медальку с изречением Никиты Хрущёва. Вова предпочёл остаться в Москве. Он предложил свои услуги организаторам Всемирного фестиваля молодёжи в качестве певца и был принят в одну из концертных групп. Ну, а с нами повторилась ситуация, как с работягой, который пришёл наниматься на завод:

— Что умеешь делать? — спросили его в отделе кадров

— Могу копать...

— А ещё что умеешь?

После долгого размышления:

— Могу не копать...

Наше владение основами естественных наук не было востребовано. Стране нужен был хлеб и чтобы он был как можно дешевле. А желающих повеселиться на фестивале и так было выше крыши. Сейчас, по прошествии 65 лет, мне представляется, что Вова сделал правильный выбор. Его заметили люди из «конторы». Может быть, это мне кажется, но дальнейший рассказ о его карьере в некоторой степени подтверждает мою версию.

На третьем курсе я неожиданно получил повышенную стипендию. Это было как нельзя кстати. Мне удалось отмазать

часть денег, потому что мама считала, что я тоже должен участвовать в семейном бюджете. Это означало, что я приношу домой стипендию, а мама выдаёт мне рубль на два дня: двадцать копеек на метро туда и обратно и восемьдесят копеек на второе блюдо в студенческой столовой. А тут оказалось, что у меня целых восемь рублей, которые я могу истратить, на что хочу! Первым делом я пригласил Светку Б. на прогулку после занятий. Мы дошли до станции Смоленская, а там рядом стоит огромный гастроном с буфетом. И тут я царским жестом угостил её бутербродом с чёрной икрой и стаканом яблочного сока, а себе взял стакан томатного. Я очень люблю густой томатный сок, который сначала посолишь, потом немного поперчишь и пьёшь неторопливо, смакуя каждый глоток.

Отвлёкся. Прошу меня простить. Тогда, на третьем курсе мы сильно подружились с Костей Сергеевым. Он с мамашей переехал в Измайлово, на самый край у окружной дороги, потому что их домик в центре Арбата приглянулся некоему партийному боссу. Мы с Костей каждое воскресенье отправлялись в окрестные леса то на лыжах, то пешком, говорили, смеялись. Однажды он сказал:

— Вы все на первых курсах не вылезали из троек, потому что не могли осилить фундаментальные науки — физику, математику, сопромат. Сейчас стало легче усваивать материал, началась техника и технология.

— А что же тогда говорить про Вову Иванова с компанией?

— Ну, эти вообще безнадёжны, — махнул рукой Костя. — Я видел, как он сдаёт экзамены: проносит разодранный учебник или шпаргалки, списывает текст, потом читает его под носом у преподавателя, в результате получает свои незаконные три балла и уходит со спокойной совестью.

— Знаешь, что я слышал из разговоров на заводе: «Забудьте всё, чему вас учили в институте. Здесь вы получите настоящее инженерное образование». Вот так.

С Вовой Ивановым моя компания почти не контактировала, хотя стояли «плечом к плечу» за лабораторными столами каждый рабочий день. Чтобы украсить тяжёлую жизнь, травили

байки. Вова иногда рассказывал, как они «погуляли». Неважно где, но нередко прогулка оканчивалась мордобоем с местными после выпивки. Меня всё подмывало спросить, как у него идёт учёба в «Гнесинке», но я чувствовал стеснение. Какого чёрта я полезу в его личные дела! Коля Резчик, с которым я общался куда чаще, никогда про Вову не говорил. Правда, однажды я не удержался и спросил Вову, не повредит ли ему столь частое потребление спиртного? Вова тут же усадил меня за канцелярский стол, приставил напротив стул и предложил посоревноваться в реслинге. Чего скрывать — шесть раз он меня пережимал с лёгкостью, хотя я был достаточно силён.

— Лет на двадцать мне силы хватит, а там посмотрим. Может, стану большим начальником, заведу охрану. Пусть за меня кулаками машут. А пока я молод — гуляю и веселюсь. Не то, что вы! Тратите лучшие годы на сидение с книжками. Что-то я не слышал, чтобы кому-то интегралы помогли в жизни.

Дальше пошёл разбор полёта. Вова с компанией решили отметить 22 апреля в ближайшем Подмосковье в лесочке и чтобы был свежий воздух, и простор полей чтоб просматривался. Вышли на станции Апрелевка и двинулись с рюкзаками вчетвером.

— Были, значит, я, потом Вакуленко, знаешь такого? Крепкий мужик, вместе на овощной базе по путёвке комсомола всегда в паре работаем, ещё были Большой с приятелем с другого факультета. Идём, водочка в рюкзаке булькает, солнце пригревает. Благодать. В километре от станции какой-то лесок. Мы туда. Кстати заметили, что сельпо открыто. Большой прихватил с собой приёмничек «Турист». Музыкачка какая-то пищит. Идём в повышенном настроении. Короче, было у нас две бутылки на четверых. Развели костёр, я, как всегда, сделал всякие растяжки, отжался пятьдесят раз, попрыгал, Вакуленко нашёл ветку дуба над землёй, тоже пятьдесят раз с перерывом подтянулся, потом ребята покурили и за «стол». Вскоре оказалось, что двести пятьдесят на рыло — ужасно мало. Пошли в сельпо, там очередь, продавщица еле ползает. А у нас хмель проходит, нам срочно надо добавить. Только до нас дошла очередь, подваливают трое и сразу к продавщице:

Нинка, нам три пол-литра, хлеб и банку килек в томате.

А на нас — ноль внимания.

Вакуленко у нас заводной:

— Постойте, мужики, — говорит. Вроде бы мы здесь стоим, сперва мы своё получим, а дальше — как хотите.

Тут на нас они так нехорошо посмотрели, и один из них спрашивает густым басом:

— А вы откель здесья нарисовались? Я чтой-то раньше таких в наших местах не встречал!

Я говорю вполне по-дружески, что приехали из Москвы по случаю дня рождения Ленина подышать свежим воздухом, а второй нам отвечает, что этот Факт нам надо обсудить во дворе за магазином. В общем, мы вышли и один с нами в виде охраны (чтобы не сбежали) и ведёт за магазин. Через две минуты появляются его друзья, аккуратненько ставят три бутылки к стене и идут к нам. А тот первый без объявления войны вдруг бьёт нашего Вакуленка в морду. Наш взревел, как тигр, и первому попавшемуся вцепил в глаз со страшной силой. Тот с катушек. Оставшиеся двое встали спина к спине и машут кулаками, а тот, который валялся, идёт к забору и выламывает жердь. Вижу я, что дело заваривается не на шутку.

— Стойте, мужики, — кричу я всем. — Зачем такой хороший день портить? Пошли вместе туда, на пригорок, у нас закуски навалом и две бутылки сейчас взяли. Посидим, как добрые соседи!.. Чего нам делить под солнцем?.. И знаете — сработало. Пришли, расселись, разлили в стаканы, закуска у нас отменная! Через пять минут все друг друга любят, чуть ли не целоваться лезут. Пьём не из горла, а из наших стаканов по очереди. Я без смеха не могу смотреть на Вакуленка, у него подбородок стал вдвое длиннее после удара. А у того, кого он свалил, правый глаз совсем заплыл. Он, оказывается, трактористом работает. Кулаки у него больше, чем у меня раза в полтора! Он показывает свою кувалду и говорит Вакуленко:

— Повезло тебе, Мишка. Если бы я тебе попал в пятак, ты бы и сейчас лежал за магазином.

Я свою норму знаю, поэтому смекнул, что надо разговор в другую сторону сворачивать, пока снова не начался мордобой.

— Мужики, — говорю я всем, давайте лучше вместе споём про Стеньку Разина и начинаю, а они прислушались и присоединились. Вот что делает с людьми искусство!

Лично мне Вовины пьяные похождения были глубоко противны. Может быть ещё и потому, что через пару часов после трёх рюмок я шёл блевать. К водке я привык только годам к тридцати...

Слава Богу, институт мы закончили без потерь. Вова благополучно защитил типовой проект и сразу после этого женился на дочке полковника Фёдорова. Этот мерзкий тип числился преподавателем по строевой подготовке на военной кафедре. Он ненавидел евреев и плохо это скрывал. Однажды, ещё на первом курсе, сорвался и перед нашей группой крикнул Сашке Вассерману:

— Вассерман, вы что, плохо слышите меня? Мне к вам на израильском языке обращаться?

Сашка стал возникать по этому поводу, а Фёдоров стал красным как рак от смущения, что проболтался.

Что было, то сплыло. А сейчас мы, молодые инженеры по специальности «Технология Резины», набились в общий вагон, который тащил нас до городка Кинешма, где располагалась химическая воинская часть. Там нам предстояло пройти подготовку в должности помкомвзвода, после чего предстояло сдать экзамен на звание младшего лейтенанта.

Так вот, сидим мы у окошка с Сергеевым, и я смотрю, как по проходу движется Вова Иванов в шикарной чёрной майке, явно заграничной, и его бицепсы, трицепсы и другие плечевые мышцы играют марш «Прощание Славянки».

— Здорово, Владимир, — говорю я ему. — Ты сейчас очень похож рельефом мышц на Шварценеггера, чтоб мне сыром подавиться!

Услыхав мой комплимент, Вова аж засветился от удовольствия и присел на секунду, чтобы рассказать, как он добился такой красоты и силы. Дорогим читателям скажу по секрету, что красота и сила требует упорного труда без отлыниваний не менее пары годков. Не каждый обладает такой настойчи-

востью. Под завязку Вова предложил нам попробовать наши возможности в реслинге. Сергеев помощнее меня, но ему Вовины достижения до лампочки. Он, кстати, уже получил предложение от профессора Кошелева на очную аспирантуру. Научным руководителем у него будет академик Р. Мне жребий выпал ехать в г. Красноярск на Красноярский шинный завод. Поскольку я был глуп, как бабий пуп, я нисколько не тревожился, потому что знал на все сто, что туда я не поеду, даже если мне не выдадут диплом. Короче, — я выступил первым и был положен три раза левой и три раза правой. Сергеев же стал отнекиваться, говорить, что ему это неинтересно... Но я его убедил не отказываться. С кислым выражением лица он сел против Вовы и спокойно дал себя уложить тоже по три раза. Вова весело с нами попрощался и двинул к «своим» дальше по проходу.

Через три года Сергеев закончил работу, перешёл в институт Резины в лабораторию Коли Резчика и стал готовиться к защите, а Вова Иванов, который тоже числился в лаборатории Коли Резчика в том же институте, получил назначение в город Лондон, чтобы покупать для нашей страны натуральный каучук. На всей огромной территории СССР не желало расти то самое, волшебное дерево Гевея, из которого добывался тот клейкий млечный сок, который застывал в виде каучука. Плантации Гевеи охватывали колоссальные площади в разных тропических странах, бывших колониями или доминионами несокрушимой Британской империи. Натуральный каучук прибывал в нашу счастливую страну в виде громадных, тяжёлых кубов со стороной около 28–32 дюймов. От них очень приятно пахло дымом копчения, да они и назывались «Smoked Sheets». СССР расплачивался за него золотом. На нашем Московском заводе «Красный Богатырь» я проходил преддипломную практику в подготовительном цехе, где мы развешивали ингредиенты будущей резиновой смеси, и наблюдал, как три симпатичные женщины распиливали на куски кубы каучука двуручной пилой без зубцов, причём третья женщина непрерывно поливала разрез распила и оттягивала крючком пласт каучука, потому что материал всё время старался приклеиться к пиле.

Прямо признаем, что наши синтетические каучуки по сравнению с натуральным — жуткое дерьмо. Шины из них служат вдвое меньше, а на такое тонкое дело, как изготовление презервативов, они вообще непригодны. Читатель должен знать, что шины для самолётов делаются только из резин с натуральным каучуком, особенно для военных. Так что Вова был послан с ответственной миссией. Выходит, что пока мы ковырялись в науке, Вова прошёл обучение английскому языку. Вот какой он был способный.

Я его совершенно потерял из виду, Сергеев жил в семье известного адвоката, родил сына, конфликтовал с женой Ирой, приезжал ко мне в Измайлово. По старой памяти мы с ним ходили в леса за кольцевой дорогой. Вскоре адвокат помер от опухоли мозга, источник денег мгновенно высох, в семье начались ужасные дразги. Тёща стала требовать две тысячи, которые адвокат подарил молодой семье на кооператив. Сергеев не отдавал. Тогда она подала на него в суд, а знакомый по мужу адвокат помог выиграть тяжбу. Сергеев после развода ходил мрачный, забрал свой тощий чемодан и вернулся в Измайлово к матери. Мы тогда стали видеться еженедельно. Он с издёвкой описывал внутреннюю жизнь своего НИИ, бессмысленную беготню женщин с документами, квартальные отчёты, в которых перепевались одни и те же испытания резин с протоколами, подписанными заказчиками... Всё вызывало его раздражение. Он приходил в НИИ, за полчаса составлял однообразные письма: «На ваш № ЖПУ-3107 от 18/10/68 сообщаем...» и скрывался в библиотеке, где занимался решением задач. Дело в том, что он поступил на вечернее отделение мехмата в нашем знаменитом МГУ. Эта программа была рассчитана на инженерный состав, который уже был знаком с основами «высшей математики», как тогда говорили, имея в виду дифференциальное и интегральное исчисление.

Я тоже пытался повысить свой потенциал и к концу 60-х защитил диссертацию. Через полгода шеф провёл меня через учёный совет, и я тоже, как Сергеев, стал старшим научным сотрудником с зарплатой 250 рублей. Это значительно повысило мой статус в семье, и моя тёща стала со мной более обхо-

дительно. Теперь мы с женой стали планировать отделение от родителей, потому что совместное проживание даже с самыми деликатными людьми непрерывно рождает микро конфликты, особенно при наличии единственного туалета, ванной и газовой плиты. О приглашении друзей на ужин или обед и говорить не приходится. Если вы можете спокойно жевать, производить тосты и рассказывать анекдоты и смеяться, в то время как за закрытой дверью сидят тихо, как мыши, тесть с тещей, я вам искренне завидую.

Незаметно прошло десять лет после окончания института. Бывшая группа решила собраться в ресторане «Метрополь», что в паре сотен метров от Красной площади. Сергеев решительно отказался, сказав мне, что он почти половину нашей группы видит каждый день, но мне было любопытно посмотреть на всех. Оказалось, что Иванов тоже придёт, он по делам прибыл из Лондона.

Пока мы стояли у входа и ждали остальных, я общался с Разгоном и Гутманом. Гутман был единственный из группы, кто пошёл на завод резинотехнических изделий «Красный Пролетарий» и уже дослужился до должности начальника цеха. Я рискнул рассказать анекдот:

— Вечерняя переключка в тюрьме: Иванов! — я! Петров! — я! Сидоров! — молчание. Сидоров! — молчание. Сидоров! Так твою мать! — Ну, я... Конечно ты! Куда ты денешься?!

— Куда ты нах.. денешься? — поправил меня Разгон, посмеиваясь. — А ты, Гутман, вступил в партию?

— А вы разве нет?

— Мы пока ещё только готовимся, — ушёл я от прямого ответа. Я понимал, что беспартийному еврею занять должность начальника цеха необычайно трудно.

— У меня тоже есть анекдот, — сказал Гутман. — Приходит баба к врачу и жалуется, что у неё спина в синяках. Врач её осматривает, рекомендует смазывать синяки йодом и выпроваживает. Она приходит домой и говорит мужу, что это у неё на нервной почве. Муж страшно забеспокоился и побежал к этому врачу: «Доктор, это правда, что у моей жены синяки

на спине на нервной почве?» Доктор отвечает: «Твоя жена нет только блядь, но и глухая! Я ей сказал: „На неровной почве!“»

— Типичный заводской анекдот, — шепнул Разгон мне на ухо.

Наконец появились девчонки, потом Коля Резчик. Пора было занимать стол в ресторане. Коля сказал, что он подождёт Иванова. Они появились минут через пятнадцать.

Вначале чувствовалась какая-то искусственность в проявлении радости и удивления: вот, мол, как мало ты изменилась! А ты возмужал, похорошел!... Девчонки пили сухое вино, а мы нашу незаменимую водочку «Столичную». После второй рюмки наступил миг «расслабухи», речи стали более откровенными и неприятные паузы, когда говорить не о чём, кроме работы, почти прекратились. Я сидел рядом с Танькой И., с которой на четвёртом курсе амурился, а в летнем спортивном лагере спал в одной палатке и пробовал залезть к ней в трусы. Тогда меня с негодованием отвергли. Наверное, потому, что рядом спали (или притворялись спящими) Гутман и Разгон. Как вы понимаете, такие вещи вспоминать за общим столом не принято.

Потом кто-то из девчонок спросил:

— А кто уже стал кандидатом? Встаньте, покажитесь!

Тут мы с Сашкой Вассерманом поднялись и упомянули Сергеева, который не пришёл.

— Ваш Сергеев совершенно несносный тип, — сказала Стелла Аркина. Всё время говорит разные гадости.

Я не стал спорить с женщиной, хотя Сергеев стал самым близким моим другом. Ресторан — не то место, где обсуждают личные претензии, да ещё кто-то из великих сказал: «Не спорь с женщиной». Кажется, царь Соломон. Кстати, об евреях — наш стол был истинно интернациональным. Половину собравшихся составляли евреи.

Вова Иванов деловито опустошил поллитровку «Столичной» при нашем слабом участии и его потянуло на подвиги. Внезапно он обратил внимание на Таньку И. и обратился к ней:

— *You're a miserable chicken who doesn't even understand how to dress decently. You came to the restaurant dressed as a cleaner.*

You've never been anywhere in your life, because you always stood in lines.

Наверное, он говорил на хорошем английском. Танька смущалась и хихикала, не понимая ни слова, то же можно было сказать и про нас. Потом он вполне дружественно взглянул на меня и предложил потягаться в реслинге. Легко победив меня по три раза левой и правой рукой, он зевнул и сказал, что был очень рад повидаться со всеми и всем желает счастливо добраться до дома. Огромный и элегантный, он вылез из-за стола и, не оборачиваясь, пошёл к выходу. На дворе стоял март 1972 года.

И вот, через шесть лет Иванов столкнулся с Сергеевым возле проходной института резины. У Вовы, кажется, было отличное настроение.

— Как поживаешь? — спросил Вова.

— Обыкновенно, — односложно ответил Сергеев.

— А что ж не поищешь местечка повеселее?

— Протекция нужна.

— Так у тебя же диплом кандидата наук!.. — в голосе Вовы послышалась издёвка.

— Значит, одного диплома недостаточно. Нужны связи.

— А не пойти ли нам в кафешку, посидеть полчаса. Я рассказал бы тебе, как живу без кандидатского диплома.

— Извини, но дома дел накопилось.

Видно, Иванову страсть как хотелось поделиться успехами в личной жизни и пока они шли к метро «Фрунзенская», он сообщил Сергееву, что у него «Волга», которую он без очереди купил за чеки, двадцать пять тысяч на книжке и кооперативная трёхкомнатная на проспекте Вернадского.

— А тебе-то что? — спросил я Сергеева. — Человек схватил Фортуна за одно место, значит сумел. А мы с тобой с весны до осени в лес ходим, грибы-ягоды собираем. На пол-литра у нас тоже есть... Ты спросил бы, закончил он своё музыкальное образование или планирует его закончить после увольнения из конторы?

— Знаешь, мне так осточертел наш резиновый институт, что я бы ушёл рабочим на стройку, лишь бы не видеть эти рожи.

2

Наконец, Фортуна бросила мимоходом косою взгляд и на Сергеева. Окончание курса в университете совпало с выгодным предложением: его приглашали заведовать сектором в НИИ хлебной промышленности. Некий мудрец экономии ради задумал смазывать формы для выпечки хлеба не натуральным маслом, а кремний-органикой. Нужен был специалист по кремний-органике с кандидатским дипломом. Им оказался Сергеев. Ему дали деньги на приобретение приборов, и он, впервые ощутив свободу действий, начал творить. Под его началом оказалось несколько женщин, которые желали только одного — чтобы с них не спрашивали работу.

— Вы руководите своим сектором, не давайте им сидеть, — посоветовал его прямой начальник.

— Так они же ничего не умеют, — ответил Сергеев.

— А вы учите. У вас теперь сектор.

— Да я сам работаю, как сектор.

— Я вижу, — сказал начальник, — но вашей обязанностью является ещё обучение и воспитание подчинённых.

«Обучение!», «Воспитание!» Когда я вспоминаю слово «воспитание», меня начинает трясти. В это милое и полезное понятие наша бывшая власть вложила самую изошрённую форму издевательства. Благодаря «воспитанию» в нас выработалась всеобщая тупая покорность к предписанным свыше духовным пыткам. В результате семидесятипятилетней борьбы с личностью власти убили личность. Газетные штампы по сей день сидят в нас как штаммы вирусов и погибли только вместе с нами... Сейчас, правда, газеты заменили на телевизионный экран и механика оболванивания стала куда более изошрённой.

Сергеев мыкался-мыкался со своими подопечными, и, в конце концов, они зашевелились. Наиболее способные стали

тыкать пальцами в машинку и даже включать и выключать секундомеры. Он же тем временем закупил венгерские приборы и собрался проделать массу работы в новом направлении. Давно я не видел его таким окрылённым.

Ему приходилось бывать на хлебопекарных предприятиях. От него я узнал, что им поступают, кроме муки, соли и дрожжей, в больших количествах сахар, масло и яйца. Всё это потихоньку крали рабочие заводов, и начальство не зевало. И вот, однажды одна из рабочих вышла с рацпредложением: смешивать предварительно перед внесением в миксер соль и сахар. Дирекция была в восторге, потому что сахар крали без стеснения, выплатили женщине аж целых пятьдесят рублей. Но обзлётные коллеги решили ей отомстить. Несколько раз ей на голову пытались сбросить двадцатикилограммовый мешок с сахаром. От греха подальше в срочном порядке её перевели на другой завод.

Неожиданно я узнал, что бывшая жена Ира ищет с Костей встречи. Не прошло и месяца, как Сергеев по случаю дня рождения Иры пригласил меня и Колю Резчика. Едва я вошёл, Ира подставила мне толстую щёчку для поцелуя и промурлыкала что-то вроде: «Ну вот, мы опять все вместе». Но мы были не все. Моя бывшая жена категорически отказалась встречаться с «этой монстрой», и, как выяснилось вскоре, была совершенно права.

За столом вспоминали студенческие годы, вспомнили и Вову Иванова. Резчик поддерживал с ним отношения, они виделись во время его визитов в Москву. Когда я сказал, что Иванов типичный «милый друг» и пустышка, Коля стал его защищать и вспомнил, что за три года его пребывания в институте резины Вова подал несколько заявок на изобретения, правда, авторское свидетельство было выдано только на одну...

Спустя короткое время, Сергееву осточертело неряшество и лень бывшей супруги. Они вновь расстались. Прошло ещё около года. Ира сошлась с неким музыковедом и стала гото-

виться к отъезду за границу. Однако она колебалась, кого лучше выбрать в спутники. Сергеев с его способностями казался ей более перспективным. Она позвонила ему и напрямую предложила ехать вместе. Костя отказался. Тогда она попросила дать разрешение на отъезд сына, и он вновь отказал. Обнаглев, она предложила пять тысяч за разрешение. Сергеев швырнул трубку.

Но Ира не сдалась. Она повела осаду по всем правилам. Были собраны свидетели, которые должны были на суде показать, что Костя — плохой отец и потому должен быть лишён родительских прав. Сын под диктовку написал послание, в котором обращался к отцу на вы и упрекал в отсутствии родительских чувств. И вот последовал вызов в суд. На сей раз Сергеев взял защитника. Суд шёл бурно. Ира двигалась к цели, не выбирая средств. Я не стал дожидаться решения суда и ушёл, уверенный в её победе. Но победил Костя! Мы все, присутствующие в зале, не обратили внимания на совсем молодую девушку-прокурора, которая сидела поодаль у окна. Оказалось, что она — главное действующее лицо и от неё зависит развязка разыгранного спектакля. Обжалование постановления в высших инстанциях не принесло Ире успеха. Тогда она задумала блистательную авантюру.

Сергеев был по-прежнему увлечён работой. И вдруг однажды начальник вызвал его и сказал, что сотрудники недовольны его руководством, да и начальство начинает сожалеть о сделанном выборе. Надо было, мол, своих сотрудников выдвигать, а не брать со стороны. На фоне явных успехов сектора всё сказанное выглядело просто нелепым. Мой друг вспыхнул и сказал, что готов тут же написать заявление об уходе. Сказано — сделано. Начальник буквально выхватил из его рук заявление и побежал к директору. Подпись была поставлена тут же. Спустя несколько дней Сергеев понял, что погорячился зря. Он пошёл к директору и попросил заявление назад.

— Я не советую вам этого делать, — отеческим тоном сказал директор. — Мы созовём учёный совет, и он проголосует об отстранении вас от должности. Мы всё равно добьёмся своего, а вы попортите себе нервы.

— Да в чём же моя вина? — спросил Сергеев.

— Вы плохо руководите сектором.

— Ну, так оставьте меня старшим научным сотрудником. Я ведь столько уже сделал полезного...

— Старших научных сотрудников у меня и так предостаточно, — ответил директор, с трудом когда-то получивший высшее образование в заочном институте. — Единственное, что могу предложить, учитывая лично моё хорошее отношение к вам — двухмесячную отсрочку, пока вы подыщете себе другую работу.

Оказалось, что найти работу по специальности в должности старшего научного сотрудника практически невозможно. Никто не брал «человека с улицы». Истекли два месяца, и его стали выталкивать с работы. С трудом он упробил руководство оставить его ещё на два месяца в должности младшего научного сотрудника. Потом кончились и эти два месяца, а он все ещё не прибилсн ни к какому берегу. Мы, его друзья, слишком мелко плавали, чтобы реально ему помочь. Наконец, он вышел на своего бывшего дипломника, и тот помог ему устроиться старшим научным в тот самый злополучный «ящик», откуда его выпихнули через восемь лет на улицу с резолюцией «уволнен из-за низкой квалификации».

Много позже выяснилось, что Ира дала взятку, те самые пять тысяч, Костиному начальнику, чтобы тот под любым предлогом выгнал Сергеева с работы. Она сама со злорадством написала родственникам об этом, находясь уже в Австралии. Пока Костя болтался в поисках места, они потихоньку выехали из страны, подделав документы о согласии отца на отъезд сына.

Началась работа в «почтовом ящике». Помню, перед распределением мы более всего боялись попасть в «ящик». Тогда ещё мы не знали, чем это плохо. Судьба распорядилась так, что один мой знакомый, Сергеев и я в разное время поступили на работу в подобные заведения. Вы можете спросить: «Да чем же плоха закрытая организация?» Ответу: вседозволенностью и безнаказанностью руководителей, прикрытых завесой се-

кретности. За этой завесой подчас вершатся дела, которые на жаргоне называются «беспределом».

Костя приступил к работе так же, как в своё время и я — не имея рабочего места, без тематики и без подчинённых. Я работал к тому моменту уже шестой год в «ящике», и рассказы моего друга оживляли мои собственные первые впечатления. Вначале большинство сотрудников казалось мне просто придурками. Они изнывали от безделья и скуки и любой ценой стремились удрать на улицу. Но удрать просто так было невозможно. Не пускала охрана. Нужен был клочок бумаги с печатью, который назывался «увольнительной». Увольнительную можно было подделать, украсть, купить за спирт в типографии. Человек, выдающий увольнительные, был благодетелем. С ним старались поддерживать самые приятные отношения. В «ящиках», как нигде более, сотни людей обременены составлением бесконечных инструкций, отношений, запретов, заявок, планов на год, на пятилетку, на двадцать лет, до двухтысячного года... Сколько прекрасного ватмана уходило на идиотскую стенную печать, на листки «народного контроля», который ничего не контролирует, на объявления «комсомольского прожектора», который ничего не освещает, на стенды дурацких социалистических обязательств, на графики дежурств! Нигде гнёт КПСС и её фальшивой идеологии не ощущался так болезненно-остро, как в «почтовых ящиках». Первый вопрос, который задавал генеральный директор проходящему по конкурсу на должность начальника лаборатории, был: «Вы член партии?» — «Нет, к сожалению» («к сожалению» рекомендуется добавлять). — «Как же вы, не будучи членом партии, можете руководить коллективом? Чему вы их сможете научить?» — и так далее. Непонятно, за что в «ящиках» платили квартальные премии. Наверное, за горы изгаженной бумаги. Видели бы вы этих особей обоего пола, которые носились по коридорам с листочками, на которых от виз разносортных начальников рябило в глазах! Несчастливым жизненно необходимо было получить визу какого-нибудь восьмого заместителя директора, как доказательство, что план квартала (или года) выполнен в срок, и тогда все-все получают через три меся-

ца большую премию за отчёт. Видели бы вы эти «отчёты»! Они состояли из титульного листа, списка исполнителей (на отдельном листе), реферата в три строчки (на отдельном листе), введения в десять строчек (на отдельном листе) и нескольких жалких по содержанию страничек, включая убогий список научной литературы двадцатилетней давности. Этот хлам вскоре получал соответствующий номер и, переплетённый в дрянной серо-жёлтый картон, занимал место рядом с сотнями таких же псевдо отчётов о псевдоработе.

Когда существует решётка, возникает стремление удрать. Под любым предлогом. Отгулы брали за всё: за дежурства в добровольной народной дружине, за работу на овощной базе, за командировку в подшефный совхоз и так далее, и так далее. Причём брали как на войне — два дня отгула за день «дежурства». Отгулы копили к праздникам. Отгулы — это и есть подлинная жизнь в «ящике». А внутри него — смертное томление. Самое святое в «ящике» — время обеда. Подавляющее большинство сотрудников в этот час жили интенсивной жизнью: играли в шахматы, стучали с азартом в домино, резались в настольный теннис. Играли с необыкновенным жаром, вкладывая нерастраченные силы в игру. Обедать шли после часа развлечений. Начальство время от времени издавало грозные приказы, карающие за нарушение трудовой дисциплины. Комитет комсомола отряжал десятка два-три парнишек для дежурства у входа в столовую и буфеты. Молодые люди с красными повязками на руках ревностно исполняли приказ. Но глупо приплюсовывать к охране ещё три десятка инженеров. Это даже дирекция понимает. И вот, спустя короткое время, восстанавливается *status quo*.

Начальство в этой жизни, как правило, не участвует и компенсирует многочасовое сидение в кабинете пьянками после работы. Некоторые сочетают это удовольствие сражениями в спортзале с последующей сауной и девочками. Девочки всегда найдутся. Всё, естественно, происходит внутри «избы», из которой сор не выносятся десятилетиями.

Ради чего же существовали и существуют эти монстры на теле государства? Они же себя не оправдывают. Нет, вопрос

намного, намного сложнее. Во-первых, почти в каждом из таких заведений и сейчас найдётся с десяток-другой специалистов экстра-класса. Их все знают. Их продукция показывается проверяющим органам. Это очень крепкие ребята, многие известны во всём мире. Как правило, они командуют сравнительно небольшими подразделениями и сами наводят там порядок. Их, разумеется, никуда раньше не пускали, но держали на хорошей зарплате и премиях, к ним не придирались по пустякам и даже прощали мелкие грешки по нарушению режима. Во-вторых, этот человеческий муравейник давал возможность кое-как жить и кормиться огромному числу людей, вовсе непригодных к инженерному труду. Пользы от них от всех почти никакой, но и деньги, потраченные на них — очень небольшие.

Если человек, не относящийся к элите, начинает что-то мастерить — и не для дома, не для семьи, а для науки, то все незанятое поголовье, вся свора бездельников настораживается. Что ему, больше всех надо?

Обуреваемый жаждой деятельности Сергеев добился постепенно целого канцелярского стола и начал калибровать термопары. К нему тут же присосался некий субъект, который все-все подробно разузнавал и тут же нёс информацию начальству. Кстати, начальство в «ящиках» никогда никуда не ходит и не смотрит, чем занимаются подчинённые. Единственный способ общения с начальством — вызов в кабинет или получение разрешения зайти в кабинет. Так вот, моему другу прогнать бы того подонка взащей, но Костя этого не сделал.

Через некоторое время подонок дошёл до ушей начальства, что Сергеев мастерит какую-то штуку и собирается получать на ней новые интересные результаты. Начальство вызвало Костю и, нахмурив брови, спросило, чем он занимается. Тот спокойно ответил, что, не получая никаких заданий сверху, он, в силу своей должности, вынужден был проявить инициативу и вот он собрал с большими трудностями установку, которая позволит получить интересные данные по... Тут его начальство прервало и сказала, что эта установка ему не нужна.

— Что же мне делать? — спросил Сергеев.

— У нашего предприятия большие трудности с утилизацией отходов. Этой проблемой давно занимается сотрудник Шатрова. Подключайтесь к ней.

— Хорошо, подключусь, — ответил Костя.

Его покладистость сослужила ему плохую службу. Сколько бы раз его ни посылали на овощную базу или в совхоз, или на стройку, он всегда соглашался. Он боялся, что к нему прицепятся, и ему вновь придётся менять работу. Дремлющий в человеке инстинкт зверя тайным путём подсказывает, кто его боится. Боящихся клюют и преследуют. Костя быстро превратился в коллективе в ту самую курицу, которую зоологи помечают буквой омега.

Товарищ Шатрова была неопрятной старухой пенсионного возраста, она обожала кулинарию местной столовой, обжиралась и долго сопела и пыхла от распиравшей её пищи. Застать её на рабочем месте было весьма и весьма сложно. В послеобеденный час она дремала, положив голову в ладони. В нашем заведении тоже было полно таких старух и стариков. Один такой «доходяга» сидел много лет напротив моей комнаты. Когда-то он был шофёром на войне. Где он ездил и кого возил, я не знаю. Знаю только, что много лет он ничего не делал, только без конца тормозил ребят, чтобы шли с ним в коридор курить и болтать. Товарищ Шатрова занимала со своей установкой тёмную полуподвальную комнату. Костю она встретила неприветливо. Она считала себя монополисткой в проблеме утилизации, поскольку в институте уже много лет за ней сохранялась эта тема.

Костя, по своему обыкновению, засел в библиотеке и стал готовиться к новому поприщу. Поработав месяц с литературой, он стал задавать Шатровой вопросы, которые приводили её в неистовство. Шатрова начала бегать к начальству и кляузничать. Начальство вызвало Сергеева и сурово потребовало наладить нормальные рабочие отношения с Шатровой. Костя простодушно ответил, что лично к ней ничего не имеет, что просто не может понять, чем она занимается. Установка у неё всё время стоит. Она не замеряет ни единого

параметра. Какая же это работа? Зря он это сказал. Начальство тут же вызвало Шатрову и напрямик спросило, правду ли говорит Сергеев. С Шатровой началась истерика. Что пришлось Косте выслушать, невозможно передать. Оказалось, что он — грязный интриган, который пришёл на готовенькое и хочет занять её, Шатровой место. Шатрова поклялась, что дойдёт до директора, но горько пожалеть о своих словах Сергеева заставит. Она вылетела подобно грозной фурии из кабинета, а начальство долго и укоризненно смотрело на «грязного интригана», вздыхало и затем изрекло: «Ну ладно, идите, Сергеев».

В рутине прошло несколько лет, но однажды к Косте подошёл подонок и, хихикая, сообщил, что, по слухам, «ящик» переходит на «карповскую систему», будут срезать оклады. Костя сказал, что ему наплевать, но насторожился. Процедура готовилась медленно, сведения просачивались из-за директорских дверей самые противоречивые, но мой друг начал ощущать тревогу. На всякий случай он решил написать директору докладную с перечислением выполненных работ и перспективами исследований и с просьбой помочь и разобраться в ситуации. Зря он это сделал. Он нарушил первую заповедь — не высвечивайся! О директоре говорили, что он — потомственный химик, профессор и сын профессора, интеллигент. От посторонних через много лет я узнал случайно, что он был человеком безвольным, и группировки, воюющие между собой в «ящике», вертели им, как хотели.

...Сплошь и рядом, если мы жалуемся на кого-либо высшему начальству, оно, это начальство, пускает вниз резолюцию, отдающую нас нашему же обидчику. Обидчик должен с нами расправиться и доложить наверх, что всё в порядке. Я сам не раз сталкивался с нашей своеобразной системой отношений. К примеру, долгие годы мы жили на первом этаже, над установкой, подкачивающей горячую воду в соседний дом. Сколько раз мы писали в санитарно-эпидемиологическую станцию, газету, исполком, что жизнь наша невыносима. Ну, ответили бы нам, что таких, мол, как вы, много. Запишитесь в очередь, к такому-то году сделаем ремонт, поменяем вашу

квартиру, а пока потерпите, постараемся помочь... Чёрта с два! Кончалось всё тем, что домоуправление договаривалось со станцией о замере шума и проводило срочный ремонт. По окончании ремонта приезжали со станции, замеряли шум и говорили нам, что всё в пределах нормы. Я сначала думал, что меня не понимают и пытался объяснить, что их обманывают, что они уедут, а через два-три дня двигатель разболтается и вновь начнутся наши мучения. Я просил их приехать по моему вызову, но оказалось, что частное лицо не имеет права вызывать их на дом. Я спрашивал, где же логика? Но они смотрели сквозь меня, словно я был стеклянным. Так бы и мучиться мне с семьёй над рычащим двигателем до конца дней, кабы не сыскалось крохотное знакомство кого-то из начальников сестры моей жены с маленьким начальником из исполкома. Только тогда дело со скрипом, с вымогательствами на всех уровнях стало двигаться...

Костина записка с резолюцией «разобраться» попала, в полном соответствии с универсальной схемой, на стол его непосредственного начальника. Начальник был оскорблён в лучших чувствах и начал методически мстить. Сергеев не вылезал из овощных баз. Статьи, которые он подготовил к печати, начальник вернул, сказав, что ему сейчас некогда их смотреть.

Началась аттестация по «карповской системе». Сергеев пытался сделать доклад о выполненных работах, но это уже не имело смысла. Заранее было решено, кому дать пряник, а кому кнута. Его понизили сразу на четверть оклада. Справедливости ради стоит сказать, что старуху Шатрову от работы отстранили и сунули в первую попавшуюся щель, где её ожидала та же зарплата, что и раньше.

Когда я встретился с моим другом, он ещё хорохорился. «Главное, что я могу продолжать работу», — говорил он. Он так увлёкся проблемой утилизации отходов, что готов был, кажется, работать вообще бесплатно. Начальство же рассчитывало, что он подаст заявление об уходе. Несколько раз к нему подкатывались с «лестными» предложениями занять должность старшего научного сотрудника в других организациях. Ему,

мол, уже и местечко подготовили... Но он всех отшивал, говоря, что ему нравится тематика. Увидев, что он по-прежнему корпит над утилизационной установкой, его стали выживать более грубыми способами. На него ополчился «коллектив», то есть та свора идиотов и бездельников, которой он служил несколько лет неммым укором. У него стали отнимать дефицитные узлы, которые он одалживал у разных лиц, чтобы проводить опыты. Особенно он тяжело переживал, когда потребовали вернуть два платиновых тигелька. Как он ни унижался, как ни упрашивал, хозяин тигельков был неумолим. С треском захлопнулся сейф, и Костя остался без работы. Неделю-другую он жил одной мыслью — воскресить омертвевшие останки установки. Он потерял аппетит, истерзал своих домашних... Потом понял: работать ему уже не дадут. В последнем порыве он засел в библиотеке и за два месяца сделал обзор по ключевой проблеме. Он мне сказал при встрече, что доволен своим обзором. «Из него вытекает, что реакция на заводских установках может идти при соблюдении определённых условий на несколько сотен градусов ниже, чем сейчас. Представляешь, какая это экономия топлива?» — в его голосе я услышал торжество.

Просидев неделю за пишущей машинкой, Сергеев передал обзор через секретаря директору и стал ждать. Директор, естественно, читать обзор не стал, а направил своему заму. Зам кинул его вниз по служебной лестнице и, наконец, Костин труд оказался в руках какого-то новоиспечённого младшего научного сотрудника, со скрипом защитившего кандидатскую диссертацию. Этот мальчишка просто вздулся от гордости, что ему доверили рецензировать столь объёмистый труд. Поэтому он в течение двух месяцев делал вид, что страшно занят и не может выкроить время для прочтения. То, что спустя два месяца Сергеев прочёл в отзыве, блистало двумя качествами — природной глупостью и безграмотностью. Взбешённый Костя направил директору записку, в которой извещал, что посылает свой обзор в Президиум Академии наук для объективного рассмотрения, а на него, директора, будет жаловаться в высшие инстанции.

Вот этого делать ему совсем не следовало. Нам, теснящимся внизу и живущим на одну зарплату, следует быть осторожными и скромными, терпеливыми и терпимыми. Это начальство может себе позволить и позволяет говорить нам «ты» вместо «вы», нецензурно выражаться в нашем присутствии, проявлять нервозность и нетерпение. Я вспоминаю, что бывший мой начальник Березников, важно именуя себя функционером, с восторгом рассказывал мне, как проходят совещания у генерального директора. Наш директор, такой же безграмотный, как его холуй, интеллигентом себя не считал и этим бравировал. Он расширил своё заведение до невероятных размеров и давно перестал понимать, чем занимаются у него люди и за что они получают зарплату. Он окружил себя подонками, подобными моему начальнику, и обращался с ними, как со скотами.

— Идёт совещание, — начал Березников. — Все девять замов и основные начальники в сборе. Выяснилось, что сорвана программа по солнечным элементам. Вина виноватых нет. Все кивают друг на друга. Генеральный накаляется докрасна, вылезает из-за стола и, стоя, начинает поливать всех матом. Все сидят нахохлившись, никто глаз не подымет, сладко посмеиваясь, говорит мне мой начальник, ждут, когда главный наорётся. Ну, хорошо. Положим, Костин директор был совсем другим человеком. Внешне. Но внутренне «наш» советский директор не мог быть иным. Он тоже должен был пройти школу рабства и унижений, прежде чем достиг высокого поста. Кстати: знаете, почему Костин обзор пустили вниз? Ответ прост: они все там, сидящие наверху, совершенно некомпетентны, чудовищно безграмотны. Они нахватываются по верхам наукообразных фраз и пускают мыльные пузыри. Они даже логарифм взять не в состоянии. А для того, чтобы никто не уличил их в мизерности, эти карлики изображают страшную занятость. Они сидят в кабинетах и без конца трещат по телефонам, у них нет времени выслушать, потому что, выслушав, они должны что-то ответить.

Короче — над Костиной головой собрались тучи. Он не послушал советов друзей, никуда не перешёл и услал в «Изве-

ствия» длиннущее письмо с изложением безобразий, творящихся в «ящике». Он вынес сор из избы! Глупее поступка не придумаешь. На что он надеялся, на что рассчитывал? На то, что директор пригласит его в помощники для борьбы со злоупотреблениями?

Газета сделала запрос. Районный комитет партии вызвал для открытого обсуждения директора и Костю. В райкоме директора спросили, правда ли то, что изложено в письме. Угадайте, что он ответил. Правда? Ложь? Клевета? Ничего подобного. Он сказал только: «Сергеева я буду увольнять». И всё. А райкому зачем этот, к тому же беспартийный Сергеев? Их тысячи, пишущих о безобразиях. Из этих тысяч есть десяток-другой дураков, которые пишут и подписываются. Костя вошёл в этот почётный десяток. Действительно, ну что может дать эта бесконечная писанина? Ведь она — следствие заблуждения, что сознательность части граждан способна что-то исправить в хаосе непрерывных мелких и крупных преступлений, начиная с кражи конфетки и кончая гибелью Байкала. В России и сейчас те же функционеры у власти. Они прекрасно были осведомлены в процессе «перестройки», где у нас ещё заваялось кое-какое добро и, как только была дана команда «хватай!», они оказались в нужном месте первыми.

Зашёл ко мне однажды мой знакомый Л. Сидим, немного выпиваем, болтаем.

— Знаешь пять заповедей интеллигента? — спрашивает меня.

— Не знаю.

— Первая заповедь: не думай! Если не можешь не думать, то вторая: не говори!

Если не можешь молчать, то третья: не пиши! Если не можешь не писать, то четвёртая: не подписывай! Если подписал, то пятая: пеняй на себя!

Лично я всегда чувствовал, что наше общество безнадёжно. Никакие лекарства не помогут. Только хирургическая операция. Если прав Бисмарк, то за безответственность политиков-крикунов мы должны будем вскоре заплатить своей свободой

диктатору,* но эта диктатура, скорее всего, не будет пользоваться идеологией коммунизма. Другого пути, к сожалению, нет. А что же останется нам, обездоленным? Нам останется тепло воспоминаний. Что ж, может быть, и это что-нибудь да значит в жизни. А она проходит, проходит...

3

Поскольку я был куда менее талантлив, чем Сергеев, мне было легче ужиться с коллективом. За двадцать лет работы в «почтовом ящике» я настолько обучился искусству мимики, что меня просто стало незаметно в толпе бездарей и лентяев. Я держался на плаву благодаря шести первым годам работы и аспирантуры в академических институтах, с которыми долгие годы поддерживал связь.

Сергеев, в отличие от меня, не умел приспособиться. Помыкавшись без работы, он пошёл рабочим на Электроламповый завод по протекции его второй жены. Дело в том, что в давние времена Лида пришла в институт резины после окончания техникума. Там разведённый Сергеев её заметил и довольно быстро позвал замуж. Зная бессмысленность и потому вредность пребывания в стенах отраслевого института, Костя настоял на переходе Лиды на службу почтальоном в ближайшем почтовом отделении. Правда, ей пришлось ежедневно вставать в пять утра, но к семи-восьми она уже возвращалась и занималась хозяйством, потом спала и выходила на работу уже к двенадцати. С появлением малыша она оценила совет мужа. Его зарплата казалась ей огромной, потому что её родители были потомственными рабочими на маленьких предприятиях, отец порядочно пил, якшался со всякой швалью, мать готовить не любила, на столе в обед обычно стояла большая сковорода с жареными на подсолнечном масле макаронами с варёной колбасой, нарезанной длинными шнурками. Украшением к столу служили квёлые солёные огурцы или кислая капуста из ближайшего овощного магазина. Несмотря на

* Этот текст был сочинён до 1985 года

скудный быт, денег в доме не было. Да и вообще было серо, скучно, книги отсутствовали, черно-белый телевизор с крошечным экраном стоял на тумбочке. Все вечера родители проводили перед ним, почти не общались.

Лида не только сделала «карьеру» на почте. Сама Фортуна помогла ей — её выдвинули в депутаты Районного Совета и теперь она сидела на заседаниях в Исполкоме, послушно голосовала за принятие очередных решений в области хозяйственной политики партии. Компенсацией за эту процедуру были специальные наборы продуктов, включающих такие дефицитные товары, как баночки с красной икрой и копчёную колбасу.

Когда Костина карьера стремительно пошла вниз, Лида не стала устраивать сцены мужу, а подставила своё верное плечо. На заседаниях в Райсовете она познакомилась с полезными людьми и, в принципе, могла пристроить мужа на вполне приличную должность. Так, начальник цеха электролампового завода, посмотрев трудовую книжку Сергеева, тут же предложил ему должность старшего инженера, но в психике Кости явно произошёл сбой. Он не хотел никем управлять, его душа хотела только покоя, тишины и покоя.

Так прошло несколько лет. Мы по-прежнему часто встречались по субботам или воскресеньям. Ведь интеллектуальный потенциал моего друга ничуть не был ослаблен изменившимися условиями работы. А работа была вредной, трёхсменной, в атмосфере цеха присутствовали газовые примеси, минеральные частицы и пары вредных соединений вольфрама и других металлов. У Кости даже изменился цвет лица, под глазами образовались зеленовато-жёлтые мешки. Лида настояла, чтобы он пошёл к заводскому врачу. Тот осмотрел Сергеева и посоветовал сменить работу. Костя написал заявление об увольнении по собственному желанию.

Неважное самочувствие ухудшило его характер, он стал очень раздражительным в семье. Он решил пойти работать грузчиком в ближайший продовольственный магазин, чтобы подольше бывать на свежем воздухе. Возвращался домой,

принимал душ и садился решать математические задачи повышенной сложности. Так прошло ещё два года.

В стране назрел экономический и политический кризис. На шее народа висела очередная преступная война в Афганистане, которая по замыслу КГБ и политбюро КПСС должна была вызвать прилив патриотизма. Однако они и здесь просчитались. Война сопровождалась немыслимым воровством командирского звена в армии, продающего оружие афганцам, и широким распространением вглубь страны торговли наркотиками.

С приходом к власти Михаила Горбачёва у наших демократов затеплилась надежда на изменение политического курса, на решительную борьбу с коррупцией и реформы.

Косте это было, как говорят в народе, по барабану. Он, оказывается, решил изменить свою жизнь переездом в Израиль. Да-да, он имел право, потому что его мама была чистокровной еврейкой. О его решении я ничего не знал, а он готовился, ходил на курсы иврита, читал информационные материалы. Билеты на отъезд были куплены на август 1989 года. Где-то в середине августа мы с ним поехали в ГУМ за какими-то хозяйскими мелочами и неожиданно столкнулись с Вовой Ивановым.

Вначале я его даже не узнал. Это был огромный мужик в неопрятном костюме, с большими залысинами и злыми и наглыми глазами. Окраска его носа свидетельствовала о частом употреблении алкоголя. Подумать только, прошло всего двадцать семь лет после окончания нашего факультета технологии резины, нам всем было пятьдесят, но я, к примеру, чувствовал себя вполне молодым и здоровым, ни один сустав не болел, сердце выдерживало ссоры с женой и выпивку на работе по случаю революционных праздников. Я успел решить проблему с отдельной квартирой, так как мой добрый тесть поторопился на тот свет, и мы съехались с тещей.

— Здорово, Вова! — крикнул я сквозь пространство, наполненное людьми, безуспешно пытающимися найти товары, не наличествующие в продаже.

— Хо! И Сергеев тут нарисовался! — словно не замечая меня, ответил Иванов. — А я-то думал, что он уже академик.

— Ну что? Всё на «Волгах» разъезжаешь? — спросил я с некоторым апломбом. Ведь я был начальником лаборатории и зарабатывал до пятисот рубликов, не считая ещё нескольких сотен, которые мне обеспечивало участие в некоем комсомольском кооперативе. Машины у меня не было никакой, да мне она была и не нужна, поскольку я жил в четырёхкомнатной квартире в шести минутах от метро «Семёновская».

— Какая нах*р «Волга»? Я её кавказцам загнал и на ней ещё десять тыщ наварил. У меня сейчас почти новенький «Опель»! Не в том вопрос жизни. Ваш грёбанный Горби мне всю жизнь испортил. Деньги ни хрена не стоят! Затеял экономическую реформу, колхозник ссанный! Наши из-за него сократили представительство в Лондоне, и я кормлюсь подачками из Министерства внешней торговли. Знаешь разницу между клерком в Лондоне и экономическим советником второго разряда в Moscow City? — Вова махнул рукой. — Чего тебе объяснять? Ты же в загранке никогда не был.

— А я через две недели туда отправляюсь, — неожиданно признался Костя, — и надеюсь дожить там до глубокой обеспеченной старости.

— Это интересно, интересно! Куда же наши доценты с кандидатами собрались?

— В Израиль.

— А я всегда подозревал, товарищ Сергеев, что вы не совсем Сергеев... — Тут Иванов вытащил из внутреннего кармана пиджака плоскую бутылку коньяка и сделал порядочный глоток. — Значит, драпаешь! Сначала помогали развалить страну, а теперь драпаете.

— А Брежнев и его собутыльники не разваливали? — взорвался я. — Афганскую войну мы с Сергеевым начали? А ты лично, Вова, в этом не участвовал?

— Я лично — нет! Я закупал необходимый для страны натуральный каучук, чтобы наши самолёты могли летать, куда им прикажут...

— Ладно, поговорили, — прервал Сергеев. — Счастливо оставаться.

— Попутного ветра пониже спинки,... — Иванов плыл в потоке покупателей подобно ледоколу через тонкий лёд.

Прошёл почти год с тех пор, как мой дорогой друг улетел в Израиль. И вот, я получил от него весточку из Страны Обетованной, куда он решил убежать от самого себя. Но от себя не убежишь.

...Прошёл год, как мы с сыном в Израиле. Начался второй год. Теперь можно оглянуться назад: ведь у нас здесь уже есть прошлое! С чего же начать? Начну с себя. О здоровье: хвастаться нечем в пятьдесят два года. Болит то, что и раньше болело. Настроение: очень мрачное и унылое, но, пожалуйста, не связывайте это с Израилем. Остальные аспекты, связанные с работой и моим положением: здесь мне можно рассчитывать только на „никай ом“ — так в Израиле называется уборка улиц, помещений и т.п. И опять-таки это не связано с Израилем. Я и в России не слишком „светился“. Здесь же мои претензии на работу осложняются возрастом, отсутствием конкретной научной специализации, отсутствием рабочей профессии, хотя я последние пять лет работал рабочим, а также плохим знанием разговорного английского языка.

О сыне. В Союзе очень много говорили, что дети — привилегированный класс. В Израиле об этом не говорят — это сделали для детей и особенно для детей эмигрантов. Олег закончил учебный год в интернате с общей оценкой „хорошо“. Настроение у него тоже нормальное и в Россию (а этот вопрос ему неоднократно задавали) не хочет и даже не хочет слышать об этом. Жизнь в интернате, на мой взгляд, поставлена отлично и даже с каким-то коммунистическим шиком. Олег получает всё бесплатно. Пришло письмо из интерната, что он освобождён от платы и на следующий год. Но

пора юности скоро кончится, и как там всё сложится дальше...

Наше материальное положение. Учтём при этом, что выехали мы из России совершенно нищими. За это время, очень сильно ограничивая себя и отказывая себе во многом (снова подчёркиваю, что Израиль тут ни при чём), удалось накопить за год денег на переезд в караван и покупку домашних предметов первой необходимости, да ещё осталось немного.

Следующий вопрос. Моё впечатление об Израиле. Отвечу кратко: в Израиле нет ничего. Ни земли, ни воды, ни полезных ископаемых, и в то же время есть всё — калейдоскоп, фейерверк и водопад фруктов, овощей, продуктов, товаров, вещей самого разного назначения и услуг. Причём этот поток продуктов государство всё время сдерживает, чтобы не сбивать цену на еду: уничтожают яйца, забивают коров, дающих слишком много молока и т.п. Я хочу ещё сказать, что все продукты на рынке стоят дёшево, так как их цена соизмерима со стоимостью билета на автобус внутри города (то есть стоят от нескольких долей билета до нескольких билетов), и в то же время все продукты стоят дорого, так как за билет на автобус нужно заплатить около одного доллара.

Недавно по радио сообщили, что Израиль во всех международных статистиках считается „европейской“ страной и занимает по уровню жизни девятнадцатое место в мире (Россия — восемьдесят седьмое). Это видно во всём, но в то же время девятнадцатое место не исключает и отрицательных явлений. Можно видеть нищих (правда, их немного), развалины, трущобы, множество мелких и крупных свалок. Страна находится в тисках экологического кризиса. В автобусах можно видеть изрезанные и исписанные сиденья. Но в общем страна тихая и спокойная, несмотря на случающиеся время от времени террористические акты. Внешняя политика сведена к арабо-израильскому конфликту.

На мой взгляд, идёт торговля за обладание какими-то клочками территории, да здесь всё состоит из клочков и всё ограничено, то есть границы проходят рядом.*

Сергеев когда-то окончил курс английского языка, который открылся для желающих по инициативе ГОРОНО. Он полагал, что упрямая память всплывёт, когда он вступит на землю отцов, но реальность оказалась куда суровой. Такой необходимый при устройстве на работу английский язык никак не хотел вспоминаться. Иврит пока оставался на кухонном уровне. Тем не менее, Костя решил пойти, не имея протекции, прямо в Университет, и предложить свои услуги в качестве специалиста по термостойким резинам. Увы, у него не было опубликовано даже десятка статей двадцатилетней давности, было лишь три авторских свидетельства по двадцать рублей штука, которые никто не собирался внедрять на предприятиях. Человек, который владел русским языком, спустился к нему в вестибюль и был так любезен, что поговорил с ним минут пятнадцать и посоветовал акклиматизироваться, подучить английский и написать curriculum vitae очень подробно со ссылками на опубликованные работы на английском языке, отпечатать не менее двадцати копий и разослать во все ведущие научные центры и предприятия. Было бы крайне полезно заручиться поддержкой известного специалиста, на мнение которого можно было бы сослаться в разговоре с работодателем...

Костя не учёл одной важной вещи: наука и технология не стоят на месте. Если ты не карабкаешься вверх, ты начинаешь отставать, падать со всё увеличивающейся скоростью. Через пять лет ты уже не специалист, а через десять лет ты вообще никто.

Вскоре Сергеев понял, что надо опять наняться рабочим на какую-нибудь фирму. Тут ему повезло. Его взяли уборщиком. Он должен был в шесть утра пройти с пылесосом и тряпкой несколько комнат в офисе с тем, чтобы в половине девятого

* Этому письму более 30 лет

сотрудники без помех могли начать работать. Лида тоже пошла уборщицей в медицинский офис. Жизнь стала налаживаться в материальном плане. Спустя год, Сергеев поступил грузчиком в фармацевтическую фирму. Я получил письмом его фото с группой сотрудников. Хорошая, чистая работа.

Сын рос и делал успехи в программировании. Его будущее, как говорили у нас в СССР, было светло и прекрасно. Прямо по Чернышевскому. Он презирал отца и величал «наш академик».

Я его всегда считал его намного талантливей и умней меня. Ему просто не повезло в жизни. Ведь мы никогда не можем знать, как она сложится. Не зря говорится, что если хочешь рассмешить Бога, расскажи Ему о своих планах.

Сейчас, когда Израиль ведёт войну, конца которой не предвидится, потому что никогда со времён второй мировой войны человечество не стояло так близко от самоуничтожения, я испытываю жалость ко всем *homo sapiens'am*, включая Вову Иванова (если он ещё жив), а также Петрову, Сидорову и миллионам других, к несчастным нашим детям и внукам, которые могут погибнуть в пламени ядерной войны, развязанной кучкой негодяев из КГБ против всего мира.

IV

НАШ ЧЕЛОВЕК В ООН

Сейчас, как никогда раньше, последнему обывателю из обывателей стало ясно, что нечто, именуемое как Организация Объединённых Наций, есть по сути дела немислимая куча отвратительных чиновников, которые занимаются чем угодно, только не укреплением мира на планете и не помощью слаборазвитым странам.

1

Март месяц для Олега Семёновича Зайчика стал поворотным в его слабо окрашенной эмоциями жизни. Он легко защитил диссертацию (потому что все очень уважали его шефа) и теперь с нетерпением ждал, когда его вызовут в кабинет академика Алимарина для вручения диплома. Оказалось, что для того, чтобы нарисовать корявым почерком с претензией на каллиграфию ФИО будущего кандидата химических наук, требуется два с половиной месяца. Мастер, исполнявший выкрутасы над Буквами О, С, З, позабыл почистить перо и вместо Института вlepил жирное Институти, а потом, наверное, подумал: «Да кто такой этот Зайчик! И так съест!»

Правда, благодаря задержке, ему выплатили прибавку со дня защиты. Почти двести рубликов плюс аванс. Такой суммы Олег никогда в руках не держал. Чувствовал себя богачом. Шеф сидел после лекции, отдыхал и пил кофий. Увидел Олега с деньгами в руках и спросил: «Что собираетесь делать с такой кучей денег?» У Олега слова часто вылетали так быстро, что он

не успевал их толком обдумать. Вот и сейчас он довольно грубо спросил: «А вы сами куда их тратите?» Шеф в это время зарабатывал почти 800 рубликов, что против Зайчиковых 175 выглядело как Казбек против Воробьёвых гор... Шеф не обиделся и ответил простецки: «Ума не приложу, куда они уходят».

В ожидании диплома и денег Олег работал на кафедре у шефа и ездил по поручениям в Институт. При всей пышности названия и участия в недавно закончившейся лунной программе, валюты в Институте явно не хватало, и сотрудники работали на старых приборах отечественного производства.

А что же умел делать младший научный сотрудник Зайчик? Да ничего он толком делать не умел. И химию он не знал. В лаборатории прежнего шефа он подучился за три года обращаться с вакуумной техникой, готовить образцы для японского электронного микроскопа и получать инфракрасные спектры опять же на японском приборе. Теперь, спустя шесть лет, он самонадеянно считал себя специалистом в инфракрасной спектроскопии. Да, его обучили разбираться в цифрах, которые закладывали в программу расчёта спектров, и он даже был в этом успешен. Опубликовал с шефом пяток статей в серьёзных журналах. В те годы появление статьи с расчётом спектра большой молекулы считалось чуть ли не передовым краем науки.

Был у Зайчика талант приспосабливаться к обстановке и к людям. Поэтому он легко вписывался в коллектив и считался своим. Однажды он заглянул в кабинет заведующей лабораторией Карякина. Тот отсутствовал, но его аспирантка Мурадова из Таджикистана очень любила поболтать с Зайчиком, тем более что она тоже собиралась выйти с диссертацией на Совет, но ужасно боялась, что шеф Олега найдёт какую-нибудь ошибку и провалит её. Муж её служил в КГБ лейтенантом и пытался перед защитой жены по-хорошему переговорить с шефом и даже соблазнить его полезным контактом с вездесущей организацией. Когда Олег с шефом вечером возвращались домой с кафедры, шеф рассказал, посмеиваясь, как лейтенант пытался в изысканно-топорных предложениях показать ему, как выгодно быть в хороших отношениях с конторой.

— Слушай Зайчик, — сказала Мурадова, — не хочешь ли заработать денег, как кандидат наук? Тут у Карякина есть клиент из института Фармации, который полный мудака, но любит науку и хочет сделать несколько статей по применению инфракрасной спектроскопии для своих лекарств...

Деньги — это сильнейший наркотик. Умение зарабатывать деньги — это искусство и потому быть миллионером — это талант плюс огромная энергия. Большинство людей, живущих на заработанные деньги, ничего в них не понимают. Для них жизнь, скажем, огромной Семьи Ротшильдов, обитающих в своих родовых замках, летающих на собственных лайнерах или плывущих на изысканных яхтах, совершенно непонятна, словно те — существа с другой планеты. Зайчик задумывался иногда, сколько Семье приходится тратить на охранников и агентов, чтобы спокойно путешествовать по всему миру и потреблять изысканные деликатесы, которые могут быть отравлены их завистниками и врагами.

Перспектива заработать полсотни или даже сотню рубликов была очень заманчивой, и Зайчик уже на следующий день связался с Юрием Михайловичем Шиловым, любезно пригласившим его в недавно отстроенный институт Фармации.

— Когда не имеешь ничего лучшего, используй наилучшим образом то, что имеешь, — вспомнил Олег английскую поговорку. — И вообще деньги лишними не бывают. Ротшильды могут это подтвердить.

Встретились, пожали руки. По возрасту, как отец. Голос низкий, слегка заикается. Одна девчонка, которая крутилась на кафедре, оказывается, была послана в разведку от Шилова. Олег её сразу запомнил по фамилии — Зайцева. Зайчик и Зайцева.

— Вы когда-нибудь слышали о строфанте? — спросил Шилов.

— Нет, не приходилось.

— Сок этого растения индейцы Южной Америки используют на охоте, вымачивая в нём стрелы. При попадании в животного у того быстро происходит паралич сердца...

— ...

— В нашей лесной полосе растёт всем известный ландыш, который обладает ещё более сильным воздействием. Ваша

бабушка, наверняка, пользовала это популярнейшее лекарство: настойка валерианы с ландышем. Там сока ландыша — несколько капель на бутылку.

— Это любопытно...

— Я хотел бы предложить вам участие в исследовании свойств сердечных гликозидов путём изучения их инфракрасных спектров. Прибор *UR-20* у меня есть. Пойдёмте, посмотрим...

В просторной комнате стояло всего два канцелярских стола и величественно возвышался прибор Германской Демократической Республики, называемый «*Ultra Rot — 20*», или сокращённо — *UR-20*. В отличие от лёгких современных японских или шведских приборов, которые насчитывались в Москве единицами, он представлял собой нечто фундаментальное, килограммов на триста. Он охватывал огромный инфракрасный диапазон от 1,0 до 25,0 микрометров, внутри него помещались огромные сверкающие плоскостями призмы из оптического стекла, хлорида натрия и бромиды калия. Весь призмный стол вращался на мягких подшипниках, но прибор в работе всё равно вызывал ассоциацию с вращающейся башней танка. Электроника также вполне соответствовала стандарту 45–50 года. Результаты этот гигант выдавал на узкой бордовой ленте, покрытой тонким слоем воска, который соскабливался «самописцем», отчего всегда инфракрасные спектры были бордовыми. Вообще-то, немцы правильно сделали с бумагой. Мы с нашими вечно засыхающими чернильницами, которые надо было всё время прочищать, как бабушкин примус, половину дня регистрировали один спектр.

Кстати, знают ли читатели, что такое спектр. Это не русское слово, а латинское, и оно, ***spectrum***, означало привидение, дух. И действительно — берёшь 2 миллиграмма вещества, облучаешь ярко-красным светом — и вдруг после призмы появляется какой-то узор на бумаге. Дух сидел в этих 2-х миллиграммах и сожрал часть излучения.

Зайцеву, Таню Шилов назначил помощницей Олега. Эта маленькая черноволосая девчонка напоминала озабоченную муху. Непрерывно жужжала. Уже к концу второго приезда

в институт фармации Олег знал всю биографию и стратиграфию Шилова. Юрий Михайлович был ветераном войны, был контужен, отчего немного заикался, прихрамывал на левую ногу. Собирался занять должность замдиректора по науке, но не повезло. Директором института прислали жену замминистра, которая сразу невзлюбила Шилова и в заместители выбрала себе подружку, жуткую стерву. И вдвоём они стали выклёвывать у Шилова печень и пить его кровь. Слава Богу, оставили ему хоть лабораторию...

Работа началась с передачи в руки Олега шести коробочек с порошками гликозидов, после чего он отправился читать научную литературу, а Шилов уверил, что пробыёт деньги через бухгалтерию. Оказалось, что Олега оформили почасовиком и больше 25 рубликов в месяц ему никак не заработать, но с паршивой овцы хоть шерсти клок и плюс 25 лучше, чем минус 25.

Чего там рассусоливать и копать в мелочах?! Зайчик понял, что все сердечные гликозиды построены похоже, у них могут различаться сахарные хвосты. Но сахар, он и есть сахар. Сладкий. Вот, свекольный просто сладкий, потому как сахароза. А если разрезать его пополам на глюкозу и фруктозу, так фруктоза слаще и, главное, её можно есть даже диабетикам. А не взять ли быка за рога и не поставить ли вопрос, почему гликозид ландыша в 1,5 раза активнее, чём тот же строфант? Это уже на лягушках и кошках проверено. Это что же, люди добрые, получается? — вводят раствор того же строфанта бедным животным и считают секунды, пока они сдохнут. И потом определяют активность яда в лягушачьих и кошачьих единицах: 500ЛЕД или 1500КЕД. Нет, мир устроен несправедливо.

Для того, чтобы записать спектры всех шести гликозидов, достаточно одного дня. А дальше что? Зайчик думал, думал и предложил Шилову начать строить модели молекул. Все, кто учился в советских школах, видели на уроках химии и в учебниках кристаллические решётки графита и алмаза. Ну, а тут придётся поработать конструктором пространственных моделей. Потом мы их сфотографируем и начнём сравнивать...

Шилов был очень доволен. Сам поехал по коллекторам, где продавались по безналичному расчёту всякие штуки для обеспечения учебного процесса в школах, оплатил и привёз коробок двадцать с разноцветными шариками и железными палочками.

Олег приезжал в институт к Шилову, появлялась Таня Зайцева, и они садились прямо на пол и собирали огромные молекулы с торчащими во все стороны атомами кислорода и водорода. Углеродные атомы при этом образовывали шестиугольники в виде кресла-качалки, в которых когда-то спали в старинных романах престарелые тётушки или дядюшки, обладатели лакомого состояния, за которым охотились жадные до денег племянники и племянницы.

Научная работа напоминает сложную игру, где обычный человек с умеренными способностями часто не знает, каков будет результат его усилий. Государство, наверное, мудро поступило, когда назначило научным сотрудникам жалкое содержание до поры, пока они не докажут на учёном совете, что достойны диплома кандидата или доктора наук... Инженеру на заводе проще: гони продукцию и следи, чтобы все станки и устройства работали, и чтоб работяги в обеденный перерыв и в рабочее время не напивались...

Зайчик с Зайцевой крутил-вертел модели молекул гликозидов, всё пытался нащупать, в чём разница, почему одни активнее других в разы. В те годы биохимики только начали понимать, как сложно, не напрямую работают в организме ферменты, как они используют клеточную мембрану, чтобы пропускать через неё поочерёдно калий и натрий в противоположных направлениях. Этот эффект стали называть «калий-натриевый насос». Ещё изумляла изощрённость природы, когда для каждого активного соединения (лекарства) в белковых телах существовали специальные ниши. Эти комплексы стали называться «ключ-замок», потому что для каждого белкового замка подходил только свой фермент-ключик или лекарство.

— Возьми такой момент, — говорил Олег Зайцевой, — поела ты селёдку. Значит, в кровь поступил избыток ионов натрия. Организм даёт тебе сигнал — появилась жажда, ты идёшь

и с жадностью пьёшь воду, разбавляешь кровь водой, вымываешь натрий и идёшь потом в туалет. Или, скажем, идёт операция. Калий из кровяных телец поступает в плазму крови, пациент начинает помирать на столе. Если ты даёшь ему выпить раствор хлорида калия, — это ему ничего не даст, потому что работает специальный механизм. Врачи это знают и вводят пациенту в кровь бета-блокаторы.

Кстати, ты обратила внимание, что у всех наших моделей одно и то же стероидное ядро и то же самое у кортизона и тестостерона, но они могут работать в водных растворах (кровь ведь тоже водный раствор!) только если к ним подвесить гидроксил (ОН-группу). А в сердечных гликозидах этих групп навалом, потому как это всё сахара! Вот и получается, что активность этих лекарств или ядов (что одно и то же!) связана со строением сахаров. Эврика!!!

Когда знаешь ответ в задачнике, решить задачу куда легче! Завистники скажут, что подогнал ответ. Наплевать. Пусть злобствуют! Когда Шилов услышал про «открытие» Олега, он восхитился и тотчас же предупредил их молчать и срочно готовить статью в фармацевтический журнал.

Дней через десять Шилов пригласил Олега к себе домой. Подвёз на своей «Волге». Жил он в трёхкомнатной квартире на первом этаже. Еды дома никакой не было, но хозяин, видно, не был избалован жизнью. Наскрёб из кастрюльки усохшей гречки на сковородку, долил воды и поставил на газ размягчить. Поели гречку ни с чем, потом запили водянистым чаем и Шилов притащил из маленькой комнаты-кабинета огромную импортную папку-скоросшиватель, внутри которой был спрятан план будущей докторской диссертации из семи глав.

Зайчик тут же вспомнил популярный анекдот про Чапаева, который с Петькой переправляется вплавь через Яик:

— Василий Иванович, брось чемодан, утонешь! — кричит Петька.

— Не могу Петька, у меня там план разгрома Колчака!

— Утонешь ведь!

Доплывают до берега, Чапаев открывает чемодан, там груды картошки:

— Смотри, Петька, вот тут мы, тут Колчак (расставляет картофелины), а это я впереди на белом коне!

Олег чуть не улыбнулся. Вовремя спохватился, изобразил озабоченность.

— Олег Семёнович, я хочу вам доверить одну мою важную вещь. — Шилов развернулся на стуле и посмотрел внимательно в глаза Зайчику. — Дело в том, что я собираюсь в ближайшие три месяца отбыть в Женеву на два года. Там мне предстоит работать в качестве эксперта и специалиста в центре всемирного здоровья.

Мне очень бы хотелось, чтобы работа над темой диссертации продолжалась. Я со своей стороны буду всячески содействовать. Мы будем переписываться. Я не исключаю, что смогу опубликовать наши будущие статьи в каком-нибудь международном журнале... Можете не сомневаться в моей благодарности. В конце года выйдет наша с вами статья по интерпретации инфракрасных спектров сердечных гликозидов. Так сказать, первая ласточка. Потом вы говорили, что подали заявку на доклад в Биоцентре Академии Наук по корреляции строения сахаров с биологической активностью гликозидов...

— Да, в сентябре. Нашу заявку приняли.

— Это замечательно. Вы перешлите тезисы на мой домашний адрес. Дочка заберёт, сделает копию и отправит мне в Женеву.

Шилов расчувствовался, стал сильнее заикаться. Потом зашёл в кабинет и вернулся с учебником по общей химии для медицинских техникумов. Расписался на обложке: Дорогому Олегу Семёновичу на добрую память и в благодарность за участие в совместной работе от автора.

Зайчик шёл к остановке трамвая, раздумывая, как это люди устраиваются в жизни. Самый обыкновенный человек получает возможность уехать на два года в Швейцарию. Будет получать чеки и отовариваться в «Берёзке». Небось, по всей Европе

будет разъезжать. Зарплаты там ого-го, не то, что у нас! Подфартило Шилову с анкетой: русский, участник войны, раненый, с наградами, член КПСС с тысяча девятьсот лохматого года... А у меня что? — Отец партийный еврей, а я беспартийный, медаль за освоение целины, обычный кандидат наук в 30 лет, шеф обещал сделать старшим научным, буду получать двести пятьдесят, потом через пять лет дорасту до трёхсот... Тоска. Так и жизнь пройдёт, как *прошли Азорские острова*...

Шилов уехал, оставив «в наследство» Таню. Она была из тех натур, у которых большая часть энергии пара уходит в свисток. Когда бы Олег ни позвонил, Таня отчитывалась, что у неё очень много времени уходит на общественную работу. В конце концов, он перестал звонить. Перед Шиловым было неудобно. В журнале «Фармация» попался рецензент, полный невежда в спектральных методах анализа. Требовал привести данные о «разрешающей способности» инфракрасной спектроскопии. Олег растёр безграмотного рецензента в порошок, но в редакции сидели такие же «мыслители». Олег устал от бесполовой переписки и с помощью шефа послал статью в «Прикладную Спектроскопию».

Шилов с женой Леной вернулся в ноябре ровно через 11 месяцев. Оба они помолодели лет на десять. Шилов в элегантном костюме из сияющей стальной материи, Лена в платье из тяжёлого бархатистого материала с белым кружевным воротничком, словно гимназистка из семейного альбома. Принесли подарки в семью в большом синтетическом пакете — десять мотков синтетической пряжи небесно-голубого цвета. Олегу — конверт с марками ООН.

Надо сказать, что Олег с ранних школьных лет впадал в марочное безумие и болел им долгие годы. Потом как-то это состояние проходило, может быть, потому, что очень жалко было денег, да и выбор марок был весьма убогим. Иностранские марки можно было приобрести только в клубе филателистов или у спекулянтов, копошащихся у марочных магазинов. Свои марки не интересовали — они изображали одно и то же — бес-

конечные успехи советского народа в строительстве коммунизма. Настоящим филателистом он так и не стал. Сломался он в очередной раз, когда увидел, как один из фанатов покупает за 25 рубликов у спекулянта квартблок марок, изображающих дом, в котором когда-то недолго жил Ленин. Каким-то образом дознались, что Ленин в этом доме вообще не жил. Сразу из-за этого события возник дефицит. Для незнающих: самый желанный приз филателиста — найти забракованную издательством марку или из-за перевёрнутого изображения, или из-за неверной надпечатки и так далее. Шилов привёз в конверте всего 4 марки, выпущенные ООН в помощь беженцам с надписями на 4 языках вокруг изображения семейной пары.

— Я за прошедший год посмотрелся на этих беженцев, — сказал Шилов. — Жалкое зрелище. Сидят на пособиях. Живут там, куда приткнули. Никогда не видел на улице, чтобы улыбались... И вообще жизнь за границей на нашу совсем не похожа. В кино без конца крутят порнографию. Сидишь в зале и как последний идиот, созерцаешь чью-то голую задницу (простите за выражение). Правда, в магазинах есть всё, что душа пожелает. Но нашему человеку трудно разобраться, потому что всё упаковано в красивые коробочки, всё сияет... Так что привыкнуть надо, как говорят, адаптироваться...

Ещё одна особенность — в общении. Все друг друга зовут только по именам. Да, и ещё — часто устраивают в коллективе на день рождения коллеги «Party», то есть, праздники. Именинник приносит пару коробочек с разным печеньем, литровый баллон со сладкой водой и бумажные стаканчики. Двадцать минут шутят, кричат «Happy Birthday», смеются — и за работу.

— А вы, Юрий Михайлович, чем там занимаетесь? И вообще, чем люди в ООН занимаются?

— Я заранее знал, что буду работать в лаборатории по проверке и стандартизации лекарств. Я там отвечаю за некоторые методы анализа. К нам приезжают на стажировку из слаборазвитых стран, подготовка у них недостаточная. Ну, я по своей части стараюсь доступно объяснить, в чем сущность метода. Стандартные образцы мы получаем из самых известных фирм

(Мерк, Байер) и сравниваем с продукцией разных изготовителей — в Индии, Индонезии, Мексике и прочих странах.

— И в СССР тоже? — вопрос задала Зайцева, которая весь вечер сидела молча у стола, разглядывая собравшихся. Олег решил пригласить её тоже, как участницу исследований.

Шилов предпочёл не услышать вопрос, и Олег пришёл ему на помощь, подняв бокал с «Цинандали»: За нашу встречу!

Человек, которого знаешь по работе, остаётся чаще всего вне круга друзей. Особенно, когда переживаешь общительный щенячий возраст. Олегу нестерпимо хотелось, чтобы его послали в загран-командировку, но для этого надо было либо обладать очевидным всякому талантом, либо иметь связи-знакомства с чиновниками, до которых ему было никогда не достучаться. Как ни слаба была приманка, он попытался заинтересовать Шилова настолько, чтобы тот поговорил с кем надо о возможности хотя бы короткой командировки. В качестве наживки он приготовил идею, которая очень была в тему сегодняшней встречи.

Взяв бокал, он жестом пригласил Шилова пересесть в кресла для профессионального разговора. Дамы, включая жену Олега, остались судачить за столом о том, как живут капиталисты.

— Как вы, Юрий Михайлович, объясняете студентам основы хроматографии?

— Я им предлагаю представить двух бегунов по песку. Один лёгкий, подвижный, а другой тяжёлый, неповоротливый. Со временем расстояние между ними будет увеличиваться. Так же и на специально обработанной бумаге: одно вещество имеет большой молекулярный вес, его трудно тащить вверх с помощью растворителя, а другое лёгкое, оно быстро поднимается по бумаге...

— Я потому задал вам вопрос, что у меня возникла, на мой взгляд, конструктивная идея связать биологическую активность гликозидов со скоростью их движения по бумаге. Более того, можно расщепить специальными методами их огромные молекулы на стероидное ядро и сахарный остаток и сравнить скорости движения этих частей для разных гликозидов. Тут

вам, как говорится, и карты в руки. Наверняка, в вашей лаборатории можно провести такие эксперименты и результатом будет целая глава в будущей диссертации. Вы сможете ответить на важный вопрос, чем определяется различие в биологической активности сердечных гликозидов.

Шилов, как показалось Олегу, был впечатлён. Наверное, он продумывал варианты, как организовать эту перспективную работу. И заинтересовать начальство. Люди везде остаются людьми, что здесь, что там...

Олег дал ему подумать минут пять, а потом послал ему свою взлелеянную мысль:

— Если бы мне с вашей помощью удалось пробить командировку месяца на три, я постарался бы сделать эту работу.

Шилов оживился.

— А вы, Олег Семёнович, раньше бывали за границей?

— Увы, ни разу.

— Это усложняет процесс. Всё, как говорится, придётся начинать с нуля. Вы беспартийный?

— К сожалению, да...

— Знаете, я завтра же начну выяснять наши возможности. Хочу предупредить сразу, что обстановка у нас там, в советской части персонала очень специфическая. Приходится выполнять отдельные поручения нашего руководства и обязательно вести общественную работу. Вы на кафедре ведёте общественную работу?

— Приходится.

— Да... Общественная работа должна быть. Обязательно. Мне надо будет связаться с иностранным отделом в нашем министерстве...

Затянувшаяся пауза была прервана приглашением к чаю. Ещё полчаса прошли в разговорах ни о чем, и гости поднялись. Шилов с супругой, солнечно улыбаясь, откланялись, прихватив Зайцеву с собой.

Пока жена рассматривала подарки, Олег включил канал «Культура» и предался маниловским мечтам. Обстановка на кафедре за последний год стала невыносимой. В беспартий-

ный коллектив руководство внедрило партийную бабу для усиления идеологического контроля. Шеф, разумеется, дорожил кафедрой и решил отделаться малой кровью, согласился. Для оправдания это соглашение называлось соблюдением правил игры. Однако эта зловонная партийная муха заразила ещё двух преподавательниц, и они тоже стали партайгеноссе. От бесконечных общественных поручений Зайчик сходил с ума. Как только баба с гнусной улыбочкой появлялась в комнате НИСа, он срывался и убегал под любым предлогом. Тогда она стала оставлять ему записочки, которые всегда начинались Многоуважаемый Олег Семёнович... В очередную кампанию по выборам в Верховный совет он сорвался, наорал на неё в присутствии свидетелей. Шефу пришлось собирать кафедру, где ему вlepили выговор за нетактичное поведение и приказали публично принести извинения. Он ушёл, хлопнув дверью. На следующее утро он положил заявление об уходе на стол шефа. Тот тоже был не в настроении и сразу молча подписал...

К счастью, Олег быстро нашёл работу в почтовом ящике с помощью одной девчонки, которая стажировалась у них на кафедре. Денег в семье стало ощутимо больше, но П/Я был настоящим террариумом, или попросту — гадюшником...

Так прошёл год. Шилов не приехал. Вездесущая Зайцева сообщила, что ему продлили пребывание в Женеве ещё на три года. Ну, кто же будет отказываться от такой удачи! Теперь Шилов регулярно, раз в два месяца звонил Олегу домой, однако ни разу не обмолвился о возможности научной командировки. Олег тоже вопросов не задавал. С тематическими и квартальными премиями у него выходило почти 500 рубликов в месяц. Ему пришлось освоить новый для него метод анализа — ионометрию. Отдел, в который его взяли, полностью перешёл на гражданскую тематику — создание автоматической системы контроля состояния пациента по данным анализов биожидкостей и состава выдыхаемого воздуха. К нему в лабораторию поступил способный парень из МГУ, Марат Сулейманов, физиолог, который вместе с сотрудником, выпускником славного

Физтеха, стали разрабатывать модели микро-электродов для измерения в крови пациентов ионов калия и натрия.

Тут как раз наклюнулась идея добавлять растворы гликозидов в кровь и следить, как они влияют на выброс ионов калия из эритроцитов. Договорились с мясокомбинатом и стали регулярно брать кровь свиней. Как известно, для очистки крови пациентов часто применяют дроблёную свиную печень, да и состав свиной крови очень близок к человеческой...

Вот тут и пришла мысль, которую Олег обсудил с Маратом. Каждый человек, по сути, является отдельной химической лабораторией, поэтому и лекарства, в том числе и сердечные, влияют на организм людей по-разному. К примеру, 30 капель валерианы с ландышем для одного никак не сказывается на ритме работы сердца, а для другого даёт существенное снижение частоты пульса. И главное — с помощью калиевого электрода быстро можно установить по реакции крови пациента, какова должна быть для него оптимальная доза гликозида...

Результаты работы послали в солидный академический журнал, первым автором поставили Шилова. Копию статьи Олег взял домой, чтобы вручить ему при свидании. Встретились через полтора года. Уже и статья вышла и оттиски прислали. Шилов с женой опять пришли с разной ерундой, которую покупали в дешёвых универсамах. Зайцеву Олег не хотел видеть, надоела. Толку от неё никакого, одна болтовня. Шилов привёз бутылку итальянского вермута. Жена Олега достала бокалы и положила в бокалы лёд. Чокнулись, выпили. Олег не стал спрашивать о работе, ждал. Рот открыла его жена, которая тоном капризного ребёнка сказала:

— Вот скоро пять лет, как я слышу от мужа о диссертации. Когда же вы, наконец, с Юрой её закончите?

— Уважаемая Лена, докторская диссертация — это действительно очень трудоёмкая штука, и её следует делать каждый день, тщательно строя, как строители возводят высотные дома. Я, со своей стороны, делаю всё возможное, чтобы Юрий Михайлович мог её написать и представить на своём учёном

совете. В каком состоянии она сейчас, я не знаю, и мы должны её вместе посмотреть...

Шилов выглядел несколько смущённым. У Олега закралось подозрение, что тот ничего существенного не добавил в ту огромную жёсткую папку с кольцами для дыр, пробитых дыроколом. За прошедшие пять лет Зайчик поумнел в житейском плане, понял, что люди должны иметь стимул к работе, иначе бессмысленно от них требовать результатов. Шилов предложил встретиться у него дома в будни с утра.

— Мы с Леной приобрели новую квартиру недалеко от метро «Ленинский проспект». Что если я за вами заеду, а день мы согласуем по телефону? А старую квартиру мы оставляем дочери и пока ночуем у неё...

— Хорошо, я отпрошусь у начальства на определённый день и позвоню вам. У нас ведь пропускная система, всё должно быть согласовано.

— Встретились без особой радости и расстались без печали, — констатировала жена Олега после ухода гостей.

Шилов подъехал на новой «Волге». По дороге Олег осторожно стал выяснять, куда делась старая модель, про которую один знаток с восторгом говорил ему, что это просто чудо техники, это танк, который может служить двадцать лет, нет, даже тридцать лет.

— Я пока не решил, что с ней делать, — ответил Шилов. Сейчас брат жены её водит.

— А не могли бы вы продать её мне?

Шилов помолчал, пожевал губами и пообещал подумать, спросив на всякий случай, действительно ли Олег согласен приобрести старую машину.

Когда поднялись в новую квартиру, Шилов извинился за беспорядок, в комнаты не провёл. Сразу прошли на кухню. Оказалось, что хозяин интенсивно вьёт семейное гнёздышко. Стены кухни он обивал деревянными панелями. Стал рассказывать, как обжигает деревянные рейки, потом покрывает их

лаком и прибивает к несущим рейкам, уже прикреплённым надёжно к стене специальными винтами. Видно, это занятие было хозяину очень по душе.

Минут через пять Шилов ушёл за заветной папкой, поставив на стол пару чашек с жидким чаем и печеньем «Юбилейное». Затем хозяин раскрыл скоросшиватель и начал перелистывать и переключивать содержимое, не выпуская его из рук. Сначала Олег пытался рассмотреть, что же там находится, но быстро понял, что показывать Шилову попросту нечего. Всё, что находилось внутри, было результатом труда Олега и его сотрудников. Полчаса Шилов пытался объяснить, как он старается расширить материал и связать его с современными фармацевтическими задачами. Олег равнодушно кивал, как лошадь, которая тащится с грузом по улице и мечтает о времени, когда её распрягут. Наконец, Шилов закончил «отчёт о работе». Олег тут же демонстративно взглянул на часы и сказал, что его к трём часам вызывают к замдиректора по науке, и он должен ещё подготовиться.

— Как часто в младости своей мы очарованы мечтами, — пропел Зайчик, окончательно осознав, что на него ставили, как на тёмную лошадку, пару рубликов с надеждой, что она, то есть лошадка, придёт первой и принесёт пять тысяч.

Прошёл месяц. Шилов не звонил. Зайцева, которая ещё надеялась, что Олег поможет ей слепить диссертацию, позвонила и сказала, что Шилову продлили командировку ещё на пять лет. Тут Олег не выдержал и грубо сказал в трубку:

— Скатертью дорога!

— А как же со мною? — спросила Зайцева.

— Если вы отнесётесь к своей будущей защите серьёзно и перестанете мне рассказывать о своей общественной нагрузке, которая меня совершенно не интересует, я обещаю поговорить с шефом, чтобы зачислить вас в заочную аспирантуру. Я буду вашим вторым руководителем, поскольку у меня нет докторской степени. Учтите, вам придётся очень серьёзно потрудиться. Я не собираюсь за вас ставить эксперименты и писать статьи, хотя всё чаще я вижу примеры, когда ответственные лица нанимают рабов, готовых за гроши ломать спину.

Олег только потом осознал, что семь лет назад он сам предложил себя в качестве такого раба.

2

Прошло без малого ещё десять лет. Зайчик Олег Семёнович ушёл из почтового ящика, который впал в состояние «Перестройки с Ускорением». Семья — престарелые родители, пожилая жена и балбес сын решили для начала свалить в Израиль, а потом видно будет. Слава Господу, у Олега была лишь третья форма секретности. Поэтому его мурыжили всего один год.

Как я уже говорил в начале повествования, Олег Семёнович не отличался особыми умственными способностями, а о предвидении событий вообще речь не шла. Перестройка просто упала ему в руки, как подарок советской власти. Как готовиться к непростой жизни в капиталистической стране, которая с симпатией относилась к эмигрантам даже со следами еврейской крови, Олег понятия не имел. У него был личный план: прибыть в Израиль, осмотреться, найти знакомых и свалить в Америку с женой при первой же возможности. Если бы не опасение, что он может заболеть на чужбине, он полетел бы один...

Иврит он не хотел учить, а научные журналы на английском переводил легко, почти не пользуясь словарём. Для тренировки он завёл двести карточек с наиболее употребительными глаголами, которые почти каждый день повторял. Как это ни странно, но двести глаголов никак не желали укладываться в голову. Наверное, не хватало стимула. Жена когда-то заканчивала курсы при РОНО и отменно знала знаменитый двухтомник Бонка в том смысле, что скрупулёзно проделала все-все упражнения. Что же касается живого языка, то кто его мог слышать сквозь писк и треск ГБ-шных глушилок?

Как Зайчик и ожидал, по приезде их разместили в вагончике и назначили пособие, тут же определили на курсы иврита, где преподавали выходцы из СССР. Окружающие сообщили, что надо начинать искать работу с первого дня и соглашаться сразу, а кандидатский диплом засунуть «туда» и поглубже,

потому что здесь каждый второй имеет такой диплом. Нужны строители, сантехники, водители общественного транспорта, ...агрономы... Когда Олег поинтересовался, как насчёт специалистов по строению молекул, собеседники стали хохотать и сказали, что скорее всего такой специалист уже есть в университете, а второму там делать нечего. Потом какой-то еврейский остряк спросил:

— А что, молекулы действительно существуют и вы их видели?

Зайчик мог ответить, что да, видел под электронным микроскопом фирмы Хитачи, хотя по правде — не он, а доктор наук Киселёв, который как раз и получил свою научную степень за снимки ДНК в 1967 году.

Короче, со всем своим образованием Олег пристроился грузчиком в одну фармацевтическую фирму, где и проработал полтора года без всякой надежды на повышение в должности. Так, наверное, наш специалист по строению молекул и трудился бы до пенсии, если бы не двоюродный брат по отцовской линии, который был диссидентом и которого выгнали из СССР десять лет назад. В те годы советские диссиденты были в фаворе в Америке. Брат получил гражданство и занимался политической антисоветской работой на радио. Что-то там читал из наиболее острых рассказов об идиотизмах совковой власти, был знаком с Коржавиным...

Брат Лёва был настолько любезен, что встретил их в Нью-Йорке и привёз в маленький городок-спутник Большого Бостона, где снял им квартиру за сумасшедшие 700 долларов в месяц. Когда Олег относил месячную ренту помощнице управляющего, у него всегда тряслись руки, так было жалко денег. Слава Богу, сын подружился в Хайфе с одной девицей и решил остаться с нею. Ему всё-всё в Израиле нравилось. И девица, которая работала в косметическом салоне, тоже.

Мир не без добрых людей. Так говорится в одной русской пословице. Зайчик с женой поступили в местный колледж на бесплатные курсы английского языка (English as Second Language), которые в основном учили чтению и письму. Тут наши эмигранты всегда были в первых рядах. Предполагалось,

что живой-разговорный английский учащиеся должны осваивать на последних курсах. Сидевшие рядом латиноамериканцы и чернокожие свободно болтали на английском и всё или почти всё понимали.

Вот с чтением и осмыслением текста у них дело совершенно не шло. У них не было никакого представления о грамматике и о нормальной логике.

Жена Зайчика, когда училка к ней обращалась, краснела, заикалась и несла заплетающимся языком ахиною. При этом она, правда, успевала крепко поругаться с «русскими», которые стремились ей помочь. Вообще русская **community** в колледже вызывала у Олега отвращение своими местечковыми манерами и еврейским акцентом великого и могучего. Особенно его злило, как эти хаверим следят, кто и сколько получает в конце семестра. Это были совершенно непонятные деньги, тем более, что у всех они были разные.

По совету одного симпатичного парня из Минска Олег стал студентом по двум дисциплинам — математике и общей химии. Это давало возможность устроиться на работу «Work-Study», то есть, как учащемуся, ему разрешалось за деньги помогать отстающим. Жизнь налаживалась.

Кто-то из русских выяснил, что существует некий американец по имени Боб, который ведёт группы английского за очень скромную цену: двадцать долларов за четыре занятия. Естественно, прогул приходилось оплачивать тоже. Занимались либо на квартире, либо в библиотеке. Языковая практика страдала тем же изъяном, что и в колледже — отлично говорил по-английски только один человек, то есть преподаватель. Что несли наши и как они при этом ухитрялись понимать друг друга, остаётся загадкой.

Поскольку группы не смешивались, все постепенно привыкли друг к другу, стали даже устраивать время от времени небольшие праздники с умеренными возлияниями.

Так прошло несколько лет. Зайчик с женой получили небольшую пенсию по старости и возможность жить в доме для людей с ограниченным доходом. Деньги стали накапли-

ваться, но их нельзя было класть на счёт в банке. Социальная служба зорко следила, чтобы «бедные» не богатели. К ресторанам наши люди не привыкли. Они привыкли покупать, что подешевле, и готовить так, чтобы было вкусно. Продукты буквально валялись везде, причём отменные свежие продукты. Их раздавали разные фонды, церкви по определённым дням выдавали огромные мешки с овощами, фруктами, замороженным мясом или рыбным филе, хлебом, тортами, сухофруктами, крупами всех видов, консервами.

Бывшие совки стали ездить туристами по всему миру. Олег терпеть не мог толпу и принципиально никуда не ездил. Он опять заболел марочным безумием, но в отличие от советского периода, здесь, в Америке действительно существовала страна «Филателия». Здесь было всё к услугам коллекционеров. Марки можно было купить по каталогу, по объявлению, по компьютеру и даже на блошиных рынках и ярд-сэйлах. Вскоре Олег обнаружил, что стал обладателем огромной (по советским масштабам) коллекции. Но что самое замечательное в филателии? — Правильно. Возможность меняться, покупать и продавать. Вот с этим как раз дело обстояло неважно. Зачем собирать марки, когда можно собирать чашки, покупать книжки на распродажах в библиотеках или опять же на ярд-сэйлах? А какие шикарные альбомы по искусству! Огромные, каждый по пуду весит — и стоит десять-двадцать долларов!!! Как вспомнишь свою библиотеку с репродукциями, где все цвета навраны... Советское — значит отличное! Хорошо сказано, но не до конца: отличное от чего?

Однажды подружка жены проболталась, что Боб активно собирает марки и даже приносил большой альбом на занятия группы. Как понял Олег, тёткам коллекция была по барабану, но сам сделал «стойку». Он вычислил, когда Боб будет давать урок в его бывшей квартире, и как только кончилось занятие, протянул Бобу один из своих кляссеров, сказав, что тот может взять себе любые марки, которые понравятся и предложить обмен. К слову сказать, к этому времени Олег уже жил отдельно и назывался «separated», чему был очень рад и даже счастлив.

Марочные отношения с Бобом, начавшись случайно, успешно продолжались. Олег восхищался тем, что он, совершенно не понимая «уличный» английский, отлично общался с Бобом и даже улавливал толику английского юмора. Боб превосходил Олега во всём. Он владел семью языками, был профессором социальной антропологии, почти 20 лет преподавал в Австралии, был путешественником, а не кабинетным учёным, при этом опубликовал несколько книг по специальности и книгу остроумных рассказов о своих путешествиях.

Им обоим нравились разговоры о марках, поездки на марочные ярмарки, недолгие сидения за парой рюмок водки с классической русской закуской — селёдка с отварной картошкой... Боб обладал огромной коллекцией марок и в отличие от Олега, получал от них интереснейшую информацию историко-географического и даже политологического плана. Тут немалую роль играло его знание языков. Как-то в разговоре Боб сказал, что изучение языков всегда было для него приоритетным занятием, потому что каждый новый язык — это окно в неизведанный мир.

Однажды жена Боба уехала домой в Индию на два месяца и «приятели» собрались пообщаться и выпить не спеша пару стопок.

Предались воспоминаниям. Зайчик сказал:

— Представляете? В тридцать лет я был полный идиот, ничего не понимающий в жизни!

—??

— У меня был знакомый по фамилии Шилов, который нанял меня делать ему диссертацию, а сам поехал работать в ООН экспертом. И я однажды попросил его порекомендовать меня в качестве исследователя лекарственных средств в ту же контору, где он работал...

— Почему же идиот?

— Потому что я еврей по отцу и не член партии. И ненавижу общественную работу. Знаете, что это такое?..

Боб явно не понял, как национальность может препятствовать приёму на работу и, кивнув, сказал, что с юности мечтал работать в ЮНЕСКО:

— Некоторые хотели стать врачами, пилотами, медсёстрами, учителями, или ковбоями, кто-то хотел стать профессиональным наездником, но моей мечтой было работать в ЮНЕСКО (Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры).

Я стремился к этой необычной цели, потому что был уверен, что люди, работавшие в ООН, встречались с людьми из других стран и, возможно, даже могли путешествовать. Это была вершина моих желаний в детстве и юности. Мне почему-то казалось также, что человек, работающий там, будет помогать другим людям, делая мир лучше. Когда меня спрашивали о моих планах, я всегда говорил: «Работать на ЮНЕСКО».

Как можно попасть в ЮНЕСКО?.. Я понятия не имел и никогда не встречал никого, кто мог бы мне рассказать. Обычно, когда я рассказывал взрослым о своей мечте, они странно так на меня смотрели и меняли тему. Когда я стал старше, я научился скрывать свои истинные планы и давать более «социально приемлемый» ответ, такой, который люди могли бы понять.

Взрослые любили спрашивать: «Чем ты хочешь заниматься, когда вырастешь?», а затем отмечать: «О, это хорошо. У экономистов, биологов, подводников... много возможностей».

На какое-то время музыка затмила ЮНЕСКО, и у меня были мечты о гобое, но трудности моих старших однокурсников, которые бросили среднюю школу с планами войти в мир музыки, открыли мне глаза на реальность, и я уже знал, что мой «учитель музыки в средней школе» обычно представляется, как «гобоист в Бостонском симфоническом оркестре».

— Я всегда думал, что наших чиновников для ООН готовит МГИМО, то есть институт международных отношений. Конкурс туда был ужасающий, но в основном принимали по благу, по звонку, то есть детей высших чиновников или партийных бонз, — сказал Олег

— Корнельский университет открывал грандиозные перспективы мира, — продолжал Боб, — и я прыгал от одной карьерной идеи к другой, никогда не изменяя своей мечте об ЮНЕСКО. До меня лишь доходили слухи об удивительной жизни там, но я всё не знал, как туда попасть.

Я посещал и интересные, и скучные курсы, выучил японский, влюбился, и при этом непрерывно читал. Профессора напоминали актёров, декламирующих на сцене, если смотреть с третьего балкона. Я никогда не разговаривал ни с кем из них вне занятий, кроме своих учителей японского языка. Короче — я так не получил совета, как попасть в ЮНЕСКО. Мой отец знал только мир бизнеса, и его постоянно беспокоило, как я буду зарабатывать деньги. Он не знал, как сделать карьеру в ЮНЕСКО, да у нас вообще было мало общения.

Волны океана жизни без конца разбивались о мой берег, и я кувыркался, как кусок дерева в прибое. Мой отец мог похвастаться перед своими деловыми знакомыми, что я преуспеваю в университете Лиги Плюща, и я чувствовал его зависть (он не учился в университете), и его презрение (я не умел зарабатывать деньги). Его беспокоило отсутствие у меня достаточного честолюбия.

Идея моей матери, напротив, всегда заключалась в том, чтобы оставить меня в покое, чтобы я мог найти свой собственный путь, а я стремился в ЮНЕСКО и думал, что надо знать иностранные языки и какую-либо гуманитарную науку типа антропологии. Я всё ещё понятия не имел, как туда попасть.

Я очень ясно видел окружающий меня мир: других студентов, мою прекрасную девушку, деревья, холмы, озеро, скалы и ущелья ландшафта Итаки, маленькие бары и рестораны, кишашие тараканами квартиры ветхих, перегретых домов Колледжауна, но своего будущего вообще не видел. Я надеялся, что предстоящие годы будут включать в себя множество поездок в далёкие места, и чем дальше от Итаки, тем лучше. Надежда была всем, что у меня оставалось.

Когда я решил поехать в Индию в составе Корпуса Мира, мои родители посоветовались со своим близким другом из Индии, учёным, который позже стал профессором экономической истории в Университете Миссисипи.

Однажды он привёл к моим родителям мистера Чабру, человека, который работал в Организации Объединённых Наций в Нью-Йорке и тот твёрдо посоветовал родителям запретить

мне вступать в Корпус Мира, потому что это не принесёт пользы моей карьере. И всё же, я настоял на поездке, несмотря на совет «профессионала», потому что карьерные амбиции никогда не играли роли в моей жизни, и путешествия для меня значили больше, чем карьера.

Признаюсь, что во мне всегда горела жажда странствий! Как оказалось, Корпус Мира был для меня наилучшим выбором.

Когда я вернулся из Индии, я определённо решил изучать Индию в аспирантуре и сосредоточиться на социальной антропологии. Меня интересовало, как институты общества изменялись в своём развитии. Какая работа будет ждать меня в конце, так и осталось загадкой. Мои первые встречи с ООН произошли в Индии, и они не произвели на меня приятного впечатления. Я-то представлял себя в ЮНЕСКО, работающим с местными жителями, как это было на самом деле, когда я был волонтером Корпуса Мира: изучать их язык, есть их еду, в некоторой степени разделять их жизнь...

Однако каждый человек из ООН жил в столице Индии Нью-Дели. Ещё более разочаровывало то, что у них были огромные роскошные дома или квартиры с англоговорящей прислугой, они ездили на больших чёрных машинах и ничего не знали о 99,999% индийцев, которые не жили такой роскошной жизнью, и знать не хотели! Они никогда не говорили на хинди, и у них не было времени учиться. Они вечно копались в бумажках.

Когда я, наконец, получил докторскую степень, я думал, что это приближает меня к ЮНЕСКО. Я сразу подал заявку. И получил очень короткий ответ письмом от мелкого чиновника, что у меня недостаточно опыта.

Конечно, я мог бы работать на правительство США, но мои политические взгляды (на Вьетнам, на наше общее империалистическое поведение, на эксплуататорский, расистский характер нашей экономической системы) не позволяли мне подать заявку.

Я прошёл через множество дверей и в ходе этого процесса начал понимать, чего НЕ хочу делать. Я определённо не хотел

заниматься офисной работой или администрированием. После более чем года безработицы я устроился на преподавательскую работу в Чикагском университете. Это положило начало моей академической карьере, которая никогда не была моей целью. Я ещё думал (когда думал о своей карьере), что побуду немного преподавателем, а потом всё же перейду в ЮНЕСКО.

— В отличие от вас, — сказал Олег, — я домосед. Муза дальних странствий меня никогда не звала за собой. Я люблю копаться в микроскопических объектах, хотя даже в этом деле я не преуспел. Слава Богу, меня взяли в наш колледж, где я заново за два года прошёл курс химии и стал многое понимать из того, что проскочил в студенческой спешке.

Боб кивнул и продолжал:

— После пары лет, проведённых в Австралии, куда я уехал преподавать в университете в Мельбурне, я вернулся ненадолго домой. Тогда-то я и посетил офис ЮНЕСКО в Нью-Йорке, и откровенно поговорил с дружелюбным голландцем лет тридцати. Я помню, что он носил твидовый пиджак и зелёный галстук, был худым и лысеющим. Когда я рассказал ему причину, по которой меня не устраивала работа на правительство США, он очень обрадовался и, глядя мне в лицо, сказал:

— Если бы я мог нанять вас, я бы это сделал, потому что вы именно тот человек, которого я хотел бы видеть работающим у нас. Но в настоящее время мы не берём американцев, потому что в организации уже работает слишком много ваших сограждан. Вот, если бы вы были из Бирмы или Парагвая, я мог бы нанять вас буквально за минуту. Он печально рассмеялся.

В Мельбурне, я встретил профессора, который только что вернулся после трёх лет работы в ЮНЕСКО в Нигерии. Наши офисы находились в одном коридоре, и я постоянно с ним сталкивался. Это был ужасающий тип. Ленивый, склонный к манипуляциям, хитрый алкоголик, он знал нужных людей и пил с ними, он говорил о правильных вещах, носил правильную одежду — бледно-голубые защитные костюмы — и, что самое важное, он знал не больше, чем люди, которые его наняли. К тому же он был родом из очень маленькой страны (не из

Австралии). Он оставался моим коллегой в течение 13 лет и никогда ничем не занимался, кроме игры в политику, покупки паба и заведения виноградника. Однако он всегда сохранял вид эксперта. Я узнал, что ЮНЕСКО наняла его и даже наградила, и подумал:

— Очевидно, я не рождён для работы в этой системе. Я потерял интерес. На протяжении многих лет все сотрудники этого заведения, с которыми я встречался, те, кто работал в этой организации или работал в ней ранее, производили впечатление бюрократов, оплакивающих своих исчезнувших превосходных слуг и критикующих невозможных бюрократов других стран (никогда не подвергающих сомнению своё собственное поведение). Один мерзкий тип даже хвастался мне, как он провалил несколько десятков проектов в Бангладеш из-за того, что его начальник намекнул ему, что хочет увеличить поддержку другой страны, где у него есть любовница...

— Есть время очаровываться и есть время освободиться от иллюзий, — заключил Олег с некоторым пафосом. — На мой непросвещённый взгляд, ООН — одна из самых мерзких бюрократических организаций, в создание которой приложил свою кровавую руку Сталин. О, этот гений зла отлично знал, что делал! Он подарил своим последышам право **veto**, чтобы гробить все конструктивные идеи. Я не помню ни одного серьёзного проекта, который бы воплотила ООН. Это организация кишит российскими агентами КГБ. Её вооружённые силы — ряженые на ярмарке, они не остановили ни одной войны, её медицинские службы не предотвратили ни одной пандемии. Транжируют огромные денежные ресурсы. Сколько стран имеют право **veto** сегодня? Пять? Или уже больше?

— Вы, пожалуй, правы, — согласился Боб. — Особенно, говоря о Сталине. Он протасил колониальный Китай в Совет Безопасности в октябре 1945 года, усадил его среди стран победительниц фашизма и наделил его правом **veto**. Сейчас, как никогда раньше, последнему обывателю из обывателей стало ясно, что нечто, именуемое как Организация Объединённых Наций, есть по сути дела немислимая куча отвратительных чиновников, которые занимаются чем угодно, только

не укреплением мира на планете и не помощью слаборазвитым странам.

Поговорили ещё о марках, о намечающейся ярмарке в М., потом Боб поднялся, протянул свою небольшую, «нетрудовую» руку и ушёл. Зайчик сидел и размышлял, как непохоже складывается жизнь у людей разных стран. Вот Боб — чистокровный еврей. Его дед в конце XIX века приехал в Штаты из Литвы. Бобу* никогда бы не пришло в голову, что его могут не принять на работу в ЮНЕСКО из-за пятой графы в анкете. Он... да чего там говорить! Другая страна. Другие люди.

* В повести частично использован текст одного из рассказов Боба Ньюмана из новой книги «Messages from Afar and Other Stories», Boston, 2023

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

THE MAN WHO FULFILLED HIS DREAMS («Messages from Afar...» by Robert S. Newman. Boston 2023, M·GRAPHICS, 291 p.)

Messages from Afar. I begin my article from this story because it is the key story for understanding the life of the author Robert S. Newman.

This story resembles a scientific report of some research project that continued for many years and was carried out in the field of social anthropology. This conclusion would be true if the author didn't add a very human touch of narration at the end which turns the text into an artistic one. And similarly — the author is surprised and full of wonder when he meets neighbors from his home town in distant places — many thousands of miles from Massachusetts. For him this is a miracle... and is it for you, dear readers?

His stories are like photos without the photo-shopping process and this is their real value. And his declaration that the truth is extremely slippery and subject to interpretation is very important for all people including readers.

An Idaho Connection. How small and tight is our space on Earth! I could add to this very short story.

On Gossamer Wings. This is a story about a woman who was nothing but a good person and with no adventures in her very long life. But the author made a piece of art from her biography. The humanistic position of R. S. Newman due to his literary skill forces the readers to read this story until the very end with a feeling of sympathy.

A Lifetime Collection. After reading this tale, some of us may think over such a situation when the head of family is obsessed by wish — to collect stamps — and spends all their spare money to

satisfy his passion. This is a real drama. Its main point is that all his asceticism winds up with the enrichment of a rascal, a mean, greedy dealer.

Gambling Up a Storm. The author possesses a talent — to be surprised by unexpected things. It's typical of children. At the same time, it's typical of talented people. The readers will understand me when they finish this story.

New York Vignettes. There is a simple idea that everybody who creates stories or novels, writes very often about himself. It may be in form of reminiscences or special views held by the author or the main hero of narration. It's a special pleasure when these ideas are close to the readers. As an example — a short fragment of the text: «New York is not like any other place in America, or in the world. It's unique. But I like moderation, I don't like exhibitionism, I don't like displays of naked ambition...»

Eating. The second part of book begins like a scientific report of social anthropology too. It devoted to the theme «How and what the people in different countries have for their meals. There is some cognitive interest in it, especially in comparison to our domestic food, but I think that it's impossible to give the readers the smell, taste and different tints of unknown seeds, fruits, spices...»

Urk. As an appendix to the previous story, this short travel note says that Uruguay is a dull country. We can't imagine what kind of meals are eaten by its population, but in the small restaurant of a small town the author was amused by Rabelaisian pieces of different meats. So, he called Uruguay «the country that is the Everest of meat-eating».

In addition, I would say — if you eat in the restaurants only, you hardly can recognize what people eat at home in different countries.

Epitaphs. These notes are filled with a light humor. What kind of person are you as imprinted in people's memory? Their memory seems to be very fanciful at times. The author and his readers can't hold back a few smiles.

Speaking Japanese. «Long ago I realized that when you can speak a foreign language, another window on the world opens for you.» This is a valuable idea. What a pity for us — emigrants — that

we, in our sixties or more found all the windows were closed for us! Then the author gives us an example, how being Jewish saved him in Japan. This is funny and sad at the same moment. Those who came from Russia can understand me, because to be a Jew is dangerous in Russia until now. In contrast to most Russians (I insist) – Japanese are a very dynamic, talented and diligent people. Now they conduct business in many countries. So, the author made a good choice in the beginning of his career.

Jarijari Dreaming. Besides his profession the author shows his talents in photographic imagery and a poetic-artistic perception of Australian nature, and a gloomy reflection of those people who lived in this country thousands of years ago up to the 19th century, then disappeared forever with their legends and their language...And then we read a philosophical final...

The Indians Meet. Let's remember: In youth the author realized that people differ in foods, music and what they think of meaningful activities in life. Now he states that difference of people is not an inner but an outward feature (!). Then the reader begins to travel through Panama in search of a smaller area where the Guna live today. The style of story reminds me of the novel «Robinson Crusoe» and you really do find his name at the page 172.

The Whorehouse of P'ungsan. Alas! Dear readers, this story has another theme. Not what you expect. The author gives us a blessed place where we can see something like a Garden of Eden. Maybe it is the Earthly Paradise as it was dreamed of by Hieronymus Bosch... and then we read of a very sad incident that took place with one of the people, a math teacher, that the author met by accident during his travels in South Korea.

Karma. «The only Jew I saw was in the mirror» – this phrase... In short – here is one more of the gay and sarcastic stories in this book. But the main flow is devoted to Czech beer and restaurants. «The amazing thing was the Vietnamese who sold the cheap clothing, electronics and so on. Their German customers rolled across the border in buses every day!» I like a New England flea market. You can ask me: What was the reason to name this story «Karma»? The reason is very personal, intimate. It's very important to read this story to the very end.

Children of the Mountain Eagle. When we look back at our early years, we wonder often how by chance our life selected our actual way among all the others. Perhaps, it's because the Lord decided to make our world more amusing. Why is one of us obsessed by a very small country — Albania? Who knows? As for me, Albania is a very unhappy country that was ruled by the bloody dictator Enver Hoxha 40 years or more... Here in the USA, I have met many Albanians bearing the burden of heavy former lives. But this is not a new story of mine, but by the author.

Ambition x 2. This story takes a special place in the long list of stories in this book. It has a distinct social character. If the readers keep smiling while looking through the first part, the second part is a real tragedy of a talented guy. The readers can feel how cruel and unjust our human world is!

Filmstar Fantasies. This story is very personal but many of us feel concerned because we love the dreams of our childhood and youth. We really try to hold onto them in spite of the fact that grown up life destroys them with no pity. I think this kind of prose speaks very openly about the author himself.

Well, You Might Bump Into Them. Throughout all his grownup life the author travelled. He visited many countries and met many people including his compatriots and even neighbors. These meetings are similar to miracles. Most of us, emigrants from Russia are working in the same cities dozens of years and don't like to change our place and our friends and relatives whom we know from our tender years because we live in the big cities. And the style of our life isn't similar to Americans.

The Middle of Nowhere. When you are reading the last story of travel, about Mongolia, you can't fail to notice that the author's style resembles the descriptions of Marco Polo. The author is right! Nothing changed over the last centuries: sandstorms, a deep gorge with piles of ice in mid-June, huge pink dunes, lines of camels trudging across the endless steppes, giant cairns of stones lined with blue cloth. «At last, I'd reached the middle of nowhere...» The last paragraph is of value to convince you that you chose correctly when you began this book.

О РОМАНЕ ВАЛЕРИЯ БОЧКОВА «РИСУНОК ПЕПЛОМ»

Итак, несколько слов об очень серьёзном тексте — о романе В. Бочкова «Рисунок Пеплом». Уже начало романа открывается для читателя суровым испытанием психики — подробной биографией садиста «доктора» Менгеле. Самое ужасное в подобных биографиях — обыкновенность преступления против человечности, которая была как раз впору в те самые ужасные века, когда папская инквизиция пытала в своих подвалах свои жертвы. Обыкновенность посредственности. И никакого возмездия за смертельные грехи.

Далее, как в лабораторном журнале, идёт описание методик экспериментов, сводящихся к уничтожению живых мыслящих существ так, как это происходит ежедневно на крупном мясокомбинате.

Для большинства немцев, притом, что за десять лет после обидного поражения в 1918, страна практически восстановила свою экономику, война казалась незаконченной партией в шахматы. Такой талантливый и усердный игрок не мог смириться с поражением и мечтал о реванше. Матч-реванше. И вот, он состоялся.

Отличается ли большой этнос с глубокой историей от другого этноса? Безусловно. При всём однообразии физиологических процессов. Чем отличаются немцы от французов и особенно от русских? Ещё Ремарк отмечал немецкую педантичность и добросовестность не только в обыденной жизни, но и в военное время. Служащий в крематории выполнял свои должностные инструкции и до войны, и во время войны. Разница в количестве сожжённых его не смущала. Он выполнял свою работу согласно распоряжениям начальства. После окончания войны он и подобные ему в других областях преступной деятельности спокойно переодели фартуки и спецодежду и возвратились к мирному труду.

Автор романа отлично знает предмет своего исследования. Выбранная им форма повествования вызывает необыкновенный интерес к событиям 80-летней давности. Фашизм, как идеология, стал очень привлекательным для массы народа, состоящего, как и все народы в основном из посредственностей, людей не имеющих своего чёткого мнения о человеческом долге по отношению не только к ближнему, но и дальнему. Десять лет талантливой пропаганды Геббельса вполне хватило, чтобы изменить психологию толпы (см. Густава Ле Бона). Благодаря умению автора смотреть вглубь истории, мы то и дело ловим себя на мысли — да ведь то же происходит сейчас на наших глазах. Русские превратились за десять лет в орду и пошли грабить и убивать своего брата по крови, практически с одной и той же системой ценностей.

Вступление в ряды партии для многих немцев открыло новые возможности и, пожалуй, даже в большей степени, чем вступление в ряды ВКП(б). Многие немцы сделали карьеру, предоставив ответственность за содеянное Гитлеру. Адольф был прекрасным психологом. К нему тянулись в первую очередь те, кто был ничем, и те, кто испытал на себе гнёт семьи, круга знакомых или хозяев. Вот так главная героиня романа находит себя после надругательства над нею и становится хозяйкой жизни в Освенциме.

Появление на сцене главного героя романа, одного из толпы, задумано автором с особой изощрённостью. Этот мотив уже известен читателям и почитателям творчества В. Бочкова. В более раннем романе этот тип героя, обделённого простым человеческим счастьем подростка — счастьем дружбы, материнской любви, элементарного достатка в семье. Несмотря на повторение ситуации, эта часть романа читается с особенным вниманием и восхищением. Женщина, вступающая в связь с подростком, становится предметом его безмерного поклонения, смыслом жизни, потому что сочетает в себе источник блаженства и теплоту и нежность матери. Что тут скажешь? — очень многие мужчины в связи с женщиной испытывают и сыновние чувства. И главное, они реализуют свою нежность, которая не могла быть реализо-

вана никаким иным путём, ибо это есть потаённая и драгоценная часть нашей души.

Развитие личности героя автору хорошо известно, потому что во многих его романах это путь через его, автора, alter ego. Писательское ремесло, которое даёт смысл жизни герою, его «странствие» в мире в поисках утраченной и незабвенной любви. Как всегда — неожиданный и роскошный финал! И нельзя сказать, что этот приём не был использован в литературе ранее, но как доброе вино, он вовремя!

Роман «Рисунок Пеплом» заканчивается блестящим эссе на тему творчества вообще и связи его с жизнью. Эта связь настолько крепка, что у истинных творцов, исследователей человеческого поведения, я бы сказал, этологии человека в сообществе и наедине, в войне и мире, в болезни и в благоденствии... у творцов, повторяю, путь, процесс становится тайным смыслом всей жизни. С одним лишь утверждением в эссе я не согласен. О страхе. Страх дан человеку и всякой твари во спасение жизни своей и своих близких. Если он не превращается в панику. Паника — самый быстрый путь к смерти.

АВТОР ЗАСЛУЖИВАЕТ КРАСНОГО НОБЕЛЯ

Сама красавица-книжка с этим названием — словно подарок ко дню рождения. Хочется смотреть и получать положительные эмоции. Это ещё до чтения. Валерий Бочков исполняет роль Кассандры и Палача одновременно. Счёт предъявлен не только бесчеловечной системе «управления» страной, но и всему народу, который не желает посмотреть в зеркало и увидеть, насколько он безобразен в своём раболепии, лакействе, тугодумстве. Фактически мы снова проходим по тем же дорогам, что и в знаменитой трилогии Бочкова. Он и не скрывает этого, называя «свой» роман именем Каина. Это весь российский народ взял на себя тяжкую ношу быть насильником, убийцей, предателем всего лучшего, что было в истории русской цивилизации. Вопрос в том, а был ли мальчик? Может быть, россияне всегда были такими, предавая и казня друг друга ещё со времён Монгольского нашествия?

Пятидесятилетний писатель Игорь Каракозов (однофамилец террориста) сталкивается на пике своей популярности с немотивированной злостью русскоязычных: «Его настораживала ярость звонивших на радио: незнакомые люди оскорбляли его страстно, в их злобе было столько энергии, столько пыла. Удивительная ненависть к незнакомому человеку». Скажем так — это инфекция, социальная инфекция, которая заложена в каждого человека, она как крошечные шарики туберкулёза в вершине лёгких, существует и ждёт, когда иммунитет ослабнет. Тогда шарик лопнет, и бактерии Коха уйдут в кровь...

Отчего масса так ненавидит одиночек? «Ненависть сближает крепче любви», — отвечает автор. Признаемся, что попытка Христа объединить народ любовью потерпела сокрушительное поражение, и это внутри народа! Что же говорить о соседних народах! Они вообще недостойны жить! Вот мы и пришли к фашизму. Тут, разумеется, масса оттенков. Славянский фашизм не двойник немецкого, а просто близкий родственник. На каких китах стоит эта новая структура? По мнению

В. Бочкова — на тщеславии и беспредельной жестокости. Кроме того, мы не понимаем, что «мир устроен гораздо логичней, чем мы хотим видеть», но движение истории таково, что «платить придётся всем и за всё».

Как и в предыдущих текстах, читатель находит жемчужины явных и скрытых смыслов — итог интенсивной мыслительной работы В. Бочкова: «Приключение — это неожиданное и непредсказуемое стечение обстоятельств», «Жизнь может быть пыткой, а смерть благодатным избавлением»... и так далее, и так далее...

Зоркость и талант воедино создают узнаваемые картины «благообразного» русского мира. Каракозов прилетает в Москву и отправляется в конец огромной очереди с паспортами для прохода на территорию Государства Российского. Я, лично, тут же узнал обстановочку 2008 года: из 10 пунктов проверки паспортов работает 1. В помещении, выкрашенном гнусной грязно-зелёной краской, снуют между пропускными кабинками наглые девки в форме и всё вроде-бы по делу. А очередь стоит-мается, и поневоле в голове возникают нехорошие мысли (ведь мы же в России!!!), что вдруг не пропустят, заведут в чулан, избыют, отнимут паспорт — и пропадёшь ни за грош!

А действие в повести начинает раскручиваться в бешеном темпе. Очередной заговор в высшем эшелоне власти. Решили найти исполнителя тайного приговора нынешнему президенту. Уже все успели позабыть, что президенты регулярно пропадают и возникают вновь. Так называемый «народ» мимикрирует, легко подлаживается под очередного путина... Тут я вставляю свои пять копеек, как говорят в Одессе:

В России с 1917 года правит коллективный путин. Это НКВД-КГБ-ФСБ мафиозная структура, насчитывающая порядка 300 тысяч негодяев. Из их числа формируются почти все злодеи и террористы, которые выращивают себе подобных во всем мире, которые способны убивать и устрашать ВСЁ население земного шара. Им вовсе не требуется умение управлять экономикой, способствовать развитию культуры... Они пришли из мрачного Средневековья и подобно Папской

Инквизиции намерены властвовать ещё 300 лет. Сколько жизней на совести Инквизиции? — Примерно 300 тысяч во всей Европе, по тысяче в год. Ну, наша мафия трудилась куда интенсивнее!

Наш герой Каракозов выполнил-таки заказ на убийство. И остался жив! Когда я дочитал повесть Красный Нобель до конца, голова моя пылала. Давление подскочило и пришлось принимать лекарства. Но что не сделаешь ради искусства? А оно требует жертв!

«САХАРНЫЙ БЕС» — ОЧЕНЬ ТРУДНАЯ ПОВЕСТЬ

Главный герой настолько скрытен, что проще всего называть его местоимением «Я». Мы знаем, что Я вышел из очень богатой по советским меркам семьи со славным советским прошлым. Его прадед захоронен в кремлёвской стене, а дед — генерал. Я учился в привилегированной московской школе с углублённым курсом немецкого языка и так далее.

Всё это страшно далеко от всех нас, особенно тех, кто старше Я лет на 20–25. Поэтому мы воспринимаем жизнь и нравственные муки Я, как просмотр дублированного американского фильма. Все эти личные вещи — машины, старинные бокалы и всяческий антиквариат, камин, вазы... Я встаёт с дрянным настроением в своей шикарной квартире и с утра пьёт из горла водку... Он бизнесмен. Как выясняется, преуспевающий. Я от природы получил не меньше привилегий, чем дорогостоящего барахла от своих предков. Чем же занимается преуспевающий бизнесмен Я в течение месяца или нескольких недель, пока мы пытаемся найти хоть одну черту характера, чтобы его полюбить?

Я без перерыва хлещет коньяк и другие крепкие напитки и непрерывно спаривается с разного типа женщинами, которых находит в злачных местах. У нормального, обыкновенного человека от такого препровождения времени вскоре поедет крыша. С господином Я так и происходит. Он начинает сходить с ума. Тут вспоминается знаменитый рассказ Мопассана «Орля». На непрерывно звенящий, пульсирующий мобильник приходит послание от Анжелики, которая клянётся Я в страстной любви. Я с огромным трудом вспоминает, что Анжелика — вторая жена «близкого друга» Дымова — выходца из правительственных кругов. Дымов — чисто Гончаровский персонаж, ему всё дано от рождения. Он не понимает, что такое хлеб насущный, у него нет стимулов не только работать, но даже жить. Если Я когда-то был готов ради стажировки в Хельсинки отдать правую руку, то Дымову всё само плыло в руки. И вот,

этот бездельник и пьяница, не выпускающий бутылки коньяка из рук, оказывается морально выше, как считает Я, потому что ничего не делая годами, оказался честнее... Ну да, ну да, Я, приехав в гости к другу Дымову на Кипр, в тот же вечер после пьянки увёл его жену купаться и там в море славно её поимел. И вот теперь, спустя долгое время, она звонит ему и объясняется в страстной любви.

Поскольку Я не меняет образа жизни, то есть пьёт, как лошадь и прелюбодействует с кем попало, как демобилизованный солдат срочной службы, его раздвоение личности (шизофрения) всё нарастает. Я всё чаще принимает звонки от Ангелины...

Постепенно читатель начинает понимать, что эта особа вовсе не баба, которая мечтает пристроить Я между своих ляжек, а это отчаявшийся спасти душу Я его ангел-хранитель. Я, наворовавший миллионы долларов и ничего не умеющий делать в этом сложнейшем, интереснейшем, неповторимом мире, кроме как воровать, в конце концов, следует зову ангела-хранителя по имени Ангелина...

Как и во всех предыдущих книгах В. Бочкова, то и дело читатель сталкивается с экзистенциальными проблемами, и каждый раз новая философская трактовка захватывает читательский ум. Оказывается, Любовь-Страсть — это просто одна из уже известных форм энергии, например, электромагнитной, механической и так далее... И поэтому Она (Любовь) способна переходить в другие виды энергии, например, тепло, свет ... Но также ненависть и гнев!!!

Ради диалога с автором по этому и другим вопросам мироздания, хочется пожелать будущим читателям повнимательнее ознакомиться с текстом этого, весьма трудного произведения.

О КНИГЕ АЛЁНЫ ЖУКОВОЙ «ВСЁ ЧТО ПОМНЮ»

В качестве первого я могу отметить рассказ Алёны Жуковой «Война, Любовь и Надежда» из книги «Всё что помню». Судьба двух женщин — матери, потерявшей на войне мужа, и дочери, которую бросил любимый, оказывается трагедией всего народа, потому что каждый, прочитавший рассказ, естественно принимает эту ситуацию, как свою, хотя и повторяющуюся многие тысячи раз. Однако если сказать, что статистика разбитых судеб показывает, что пять миллионов женщин оказались в результате войны вдовами, а миллион девушек не смогли нормально выйти замуж и дать здоровое потомство, вы прочтёте эти данные и скажете: «Да-да, я это где-то уже видел (слышал, читал)». А я, 85-летний старик, читал этот пронзительный рассказ со слезами, пусть меня обвинят в излишней сентиментальности, свойственной моему возрасту!

Ну вот, собирался пройти книгу Алёны Жуковой с самого начала и до конца, а начал с середины... Но может быть так и надо — сначала с того, что поразило, увлекло? Первое, что важно в этом жанре — любопытство к автору, как личности. Во-первых, это женщина в литературе и потому её проза (или стихи) имеют чётко ощутимый гендерный привкус, аромат. Сейчас женщины захватили огромное пространство художественной литературы и теснят противоположный пол.

Я наслаждаюсь умной и захватывающей прозой Виктории Токаревой. Мне нравится проза Татьяны Шереметевой, весёлые байки Татьяны Хохриной о жителях доперестроечной Малаховки... Фундаментальные романы Дины Рубиной и Людмилы Улицкой ... Но море литературы выносит на берег всё новые имена.

Как человек, избегающий всяческих коллективов, я неизбежно пропустил многих интересных авторов-женщин, но ведь нельзя объять необъятное, тем более в малознакомой сфере. В литобъединении «Золотое Время» числится примерно

15000 участников. И в том числе теперь знакомая и обаятельная Алёна Жукова.

Знакомство состоялось, когда я решил купить её книгу «Всё что помню». Ну, думал я, мемуарная литература имеет свои достоинства, хотя многие, очень многие стараются сделать из воспоминаний волшебный фонарь, где автор, как теперь звучит на слэнге — весь в шоколаде. К счастью, я ошибался. Начиная с главы 6, я обнаружил симфонию под названием «Музыка — моя жизнь», в которой 4 части, как в настоящей симфонии, и три вставки из другой книги «Дуэт для одиночества». Как человек, не мыслящий себя вне музыки, я читал этот текст безотрывно. Когда героиня книги описывает своё сражение с И. С. Бахом, я представляю двухтомник «Хорошо темперированного клавира», в котором 48 пьес. Это интересно, это заслуживает уважения и раскрывает характер автора... Впрочем она сама о себе многое рассказала, включая бесстрашие и черты ведьмы. Оказалось, что в нашем одинаковом для всех советском детстве, мы оказались совершенно разными по характеру, дарованию и выбору пути. Поэтому иногда автобиографическая проза притягивает нас как магнит. Мы не сумма единиц, составляющих миллионы. Вообще, как говорил один мой одноклассник — «Мы-ы в хлеву стоят!» В том-то и счастье генетики, что она всегда варьирует генный материал. От личного — к общему! Только так. Каждый из нас неповторим. Что получается из единиц, когда их обобщают, пусть вам расскажут бессовестные политики.

Я вспоминаю свой десятый класс выпуска 1956 года. Всего за три года страна официально отмежевалась от курса ВКП(б), стала страной, которую повела по «новому» курсу «новая» партия КПСС. На короткое время во главе страны стал верный ленинец Георгий Максимилианович Маленков. Эту перемену мы ощутили вместе с девчонками в их СРЕДНЕЙ женской школе №142, куда нас перевели в количестве 9 человек. Наша незабываемая красавица Лилия Дмитриевна Яковлева, учительница русского языка и литературы продиктовала классу высказывание главы государства о том, что есть типичное. (Едва успел стать Первым Секретарём, как уже его цитируют!) Это была довольно длинная цитата из его речи.

Понятно, что Маленков мало смыслил в литературе и литературных схватках нашего главного критика В. Г. Белинского с врагами реализма и материализма. Это у них, на гнилом Западе были всяческие течения мысли — экзистенциализм, символизм и прочее. Мы всем народом шли за демократами — Белинским, Добролюбовым и Чернышевским. Как говорил Вадим Перельмутер, шаг вправо или шаг влево в советской литературе понимался по конвойному. История повторяется. Сейчас в России свирепствует анти-ренессанс. Ещё немного и повторится сожжение неугодных власти книг на площадях. Дежа вю!

К чему я начал этот короткий разговор? Человек так устроен, что он ясно понимает личное, отдельное от общего и только путём длительного воспитания приходит к пониманию, что его сосед тоже человек, тоже способен страдать и радоваться и от близких имяреку вещей. Насколько прав Толстой, сейчас спорить не будем, но назвать типичным поведение Анны Карениной никак не возможно. Может быть потому, что её поведение глубоко индивидуально, хотя физиологически она неотличима от крепостной крестьянки её возраста.

Наверное, вам покажется трюизмом моя мысль, но мир мы познаем через индивидуальное. И чем ярче, талантливее примеры, которыми нас одаривает творец, к примеру, писатель или поэт, художник или скульптор, тем сильнее на нас оказываемое эмоциональное воздействие.

Музыкальная, вторая часть книги усилена жгучим воспоминанием о женщине, которая открыла Алёне Жуковой окно в мир искусства, хотя она была приобщена к этому миру и через влияние бабушки и мамы. Как говорится — всё сошлось в одной, которая теперь известна (или знаменита).

Добавлю, что книга великолепно иллюстрирована. Графика просто замечательная. Это как бы подарок читателю: смотри — это искусство!

ВОЛШЕБСТВО ПАМЯТИ

(заметки от романа «Рисовальщик» Валерия Бочкова)

Открывая книгу, мы с удовольствием ощущаем, что с главным героем повествования мы уже знакомы, что он нам симпатичен. Назовём его Андреем. Тем, кто жил в Москве, Таганка — одно из родных мест и высотный Дом на Котельнической набережной, в котором овощной магазин, кинотеатр Повторного Фильма, магазин «Филателия» и даже своё отделение милиции. Внутрь жилой части Дома мы никогда не входили, а легенды о жильцах слышали. Говорили, кстати, что Сталин сам распределял квартиры людям, о которых слышал или даже видел лично. В Москве, благодаря Отцу народов, было выстроено восемь гигантских высотных зданий.

Как хорошо, что Андрей стал художником! Он видит в окружающем мире столько необычного, завораживающего и, главное, он способен перенести своё видение на холст, на лист ватмана, на страницы книг. На многих страницах мы ощущаем выпуклую радость узнавания. Это можно сравнить с посещением любимого театра или зала консерватории, где бывал десятки раз.

И Андрей нам знаком. Мы знаем, что и в подростковых драках, и во взрослых схватках он никогда не ломает челюсти противникам, а всегда представляет собой потерпевшую сторону. Но не из-за трусости. Так природа захотела. Ещё мы снова узнаем, что он может запросто глотнуть водку или коньяк прямо из бутылки, пьёт он не то, чтобы регулярно, но много. И часто. Непрерывно курит. Он гиперсексуален и неразборчив в своих связях, но в однополых сношениях не замечен. Он приглашает нас выслушать его историю, которая началась, когда ему было уже около сорока лет. Про этот возраст обычно говорят: вроде бы пора остепениться...

Итак, к тексту. Тут я придумал эпиграф: В каждом состоявшемся художнике присутствует Рембрандт. Это в связи с тем, что первая часть названа «Автопортрет с Саскией на коленях».

Я не моралист, но по пьяному делу можно жениться и на корове. Или на свинье. Далее скорбная история с сожалениями о сложившейся судьбе. Неужели причиной тому было ординарное любопытство?

Далее цитата:

«Я готов поспорить с Марксом (Энгельсом?): не труд сделал из обезьяны человека, а любопытство. Любопытство — страшная сила. Оно заставляет нас путешествовать, вступать в сомнительные сделки, начинать рискованные аферы, читать книги и смотреть фильмы — жить! Любопытство — вот топливо нашего бытия. Риск — суть азарта и страсти...» (В смысле — любопытство может заставить пойти на риск — А.Т.).

5-й фрагмент первой главы (Автопортрет с Саскией на коленях) начинается с важнейшего вопроса-ответа. Поэтому страницу 23 следует прочесть повнимательнее. Итак: «Время вовсе не линейно, да и существует ли оно?»

Я ценю умные вопросы, потому что они будят воображение, особенно в сочетании с юмором. Экзистенциальное время вообще может существовать только в нашем мозге. Наше физиологическое время мы сами разбили на равные части точно так же, как сидя попой на шаре, делаем вид, что сидим на плоскости. И где в природе вы видели прямые линии? — нигде, только в тетрадке.

Исторический анализ, начатый на 23 странице, преподан нам в назидание автором, хотя события ещё не стали историей, но в стране уже заварилась такая каша, что умным 30 лет назад стало ясно: добром это не кончится. Сегодня мы собираем урожай, который был посеян тогда не без помощи торжествующих демократов, которые 70 лет боролись за право читать литературу, критикующую власть. Ну что? Начитались?

Мы за 30 лет стали забывать, что там случилось с большой страной. В. Бочков напомнил. К власти пришли уголовники, которые умели ждать и умели делиться с подлой властью деньгами (Бунич).

В чем сила В. Бочкова как прозаика: он художник по образованию (1) и он пишет с абсолютной достоверностью фотоап-

парата (2). К примеру, что говорит друг Терлецкий по поводу преферанса: «Преферанс элементарен, ... нужно просто уметь считать до десяти». Эта фраза взята напрокат у матёрого преферансного волка. Я такого знавал!

Особенно мне нравится его притча о корриде. Чтобы не портить, я больше о ней — ни слова.

А развитие романа идёт своим чередом с обилием секса и спиртного на фоне творческих неудач.

ИСКУШЕНИЕ СВЯТОГО АНТОНИЯ

Читатель тут же начнёт страницу, на которой происходит это искушение, тем более, что в церковной литературе об этом маловразумительно: Видения у него бывали... А вот у В. Бочкова ярко и сочно (с. 70–71) секс её возлюбленной с неким посланцем Сатаны в виде ящера. Наверное, в сексе некоторые люди раскрывают свои мечты и неосуществлённые возможности. Какой шикарный обмен: вместо многих лет труда встреча-вспышка и гормон заменяет все ценности мира.

Автор пишет роман, опираясь на Фауста и Библию, сам он при этом ищет в себе сатанинское начало (Фауста, спровоцированного Мефистофелем).

СНЯТИЕ С КРЕСТА

Пока мы размышляем, что бы значило столь известное название тем более прежде распятия, Андрей открывает душу читателю. Далекое не всякий способен пожалеть успешного волюкиту, особу знатных кровей да ещё рождённого с дарованием. Истоки дарования ищите, но не найдёте в курганах генетики. Либо оно есть, либо его нет, как денег. Тут я с В. Бочковым согласен. Но таланту нужен успех, признание. Лучше прижизненное, чем... понятно.

А вот абзац ниже следует прочесть внимательно (с. 100 и далее). Остановите внимание на посмертной записке Ван Гога брату Тео: «Надеюсь, моя смерть поможет тебе в продаже моих картин. За мёртвых платят гораздо больше». Читайте дальше, перечитывайте, не спешите, если чувствуете причастность к искусству, потому что чтение — это соучастие в процессе

творения. Встреча влюблённых (без ахов-охов и всяких милых фразочек) исполнена крещендо. Лучшего и более поэтического описания физиологии акта я не встречал никогда. Такую лютую страсть я не пожелал бы своему близкому другу...

Если читатель дозрел, я подсказал бы ему, что В. Бочков описал в предыдущих 3 главах картину «Ада» великого монаха Иеронима Босха.

САД ЗЕМНЫХ НАСЛАЖДЕНИЙ

А что мы знаем про этот сад? Его ещё называют Раем. Андрея немного жаль. Едва переступил ворота Рая и тут же оказался в кровати Антверпенской проститутки. Карма что-ли такая? Но в его несчастной голове женщина всё расставила по местам. Опять его по жизни ведут женщины, но одна из них — мужчина нетрадиционной ориентации, то есть по духу тоже женщина, которая бросает ему спасательный круг. Стоит «её» послушать. Не прогадаете.

...И вот, Бог склонился над художником, сотворившим триптих на нестареющую 2000 лет тему. Его триптих продал Сотбис. Творец пишет: «Картину эту я написал почти случайно. Написал здесь в Амстердаме, в съёмной студии за трое суток...»

Знаете, а воображаемая картина ничем не уступает вещественной. Главное — заключённая в ней мысль и страсти. «Сначала мысль была!» Очень интересно читать про триптих: «В правой части триптиха — Страх,.. нижняя часть торса смазана...»

Вспоминается, как Роден мучился, создавая портрет Бальзака. Никак не мог пристроить руки скульптуры. И вдруг нашёл!!! Взял молоток и отколол кисти рук.

Но почему Сад Земных Наслаждений? Опять Иероним Босх! Неисповедимы пути, которыми ведёт автор читателя.

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ЛУНЫ

Здесь автор фотографически точно комментирует расстрел Белого Дома в Москве и орущее от радости население. Война и войны, как вид существования остаются в основном

в России и на Востоке, будь он Ближний или Средний. Андрей причаливает к обратной стороны Луны (или Земли), чтобы спокойно закончить свою жизнь, посвятить её себе. Это получается, потому что он уже давно находится практически на другой стороне земного шара. Там тоже люди, к ним можно приспособиться и с ними легче.

РАЙ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

Спустя 30 лет, или лучше — 30 лет спустя. Для человеческой жизни это чуть меньше половины. Это огромный кусок времени, прожить который ему помогает его дар. Не зря выбрано в языке такое ёмкое слово. Андрею 70. Приходит время иных событий, время воспоминаний. Любопытства уже нет. Самая большая ценность — это покой. Булгаков хорошо об этом сказал.

Когда вам, дорогие читатели станет 70, вы тоже сами станете похожи на время. Прав И. Бродский, когда цитирует поэта Леонида:

«В течение своей жизни старайся имитировать время, не повышай голоса, не выходи из себя. Ежели, впрочем, тебе не удастся выполнить это предписание, не огорчайся, потому что когда ты ляжешь в землю и замолчишь, ты будешь напоминать собой время...»

АЛМАЗ И ПЕПЕЛ

Алмаз горит так же, как каменный уголь. Жаль. Не стоит его поджигать. Внутри хорошего автора хранится алмазный заострённый предмет, который когда-то называли стилем (стило). Он (оно) способно оставлять нам строки, которые долго кровоточат. Написанные стилем картины заходящего океанского солнца среди туч волнуют нас и беспокоят, и нет среди них двух одинаковых. Читатель может пытаться размышлять о финале романа, но солнце заходит. Пора возвращаться к истокам. Алмаз — это наши неостывшие воспоминания, а пепел — сгоревший алмаз, превратившийся в двуокись углерода.

ЗАМЕТКИ О ВЕЛИКОМ ПИКАССО

Наверное, нет в мире изобразительного искусства художника, который вызывал бы столько споров и кардинально противоположных мнений и который навсегда утвердился в этом мире подобно великим мастерам прошлого, начиная с античных времён.

В мою жизнь его искусство вошло с тонкой книжкой Андрея Синявского с коротким названием «Пикассо». Если бы не симпатия художника к коммунистам, никогда бы его имя не звучало на пространствах бывшего СССР. Кстати, почему-то эта книжка не включена в список автора, может быть, из-за давности? Иллюстрации там были черно-белые, а запомнились мне кубистический портрет Волара и экзерсисы с изображением быка. В той же книжке, если я не ошибаюсь, был приведён эпизод с визитом Эренбурга и Фадеева во Францию, где Эренбург привёл Председателя союза писателей СССР в гости к Пабло. Эренбург был с ним знаком ещё с юности.

Фадеев сразу выпалил Пабло, что его искусство ему не нравится, потому что непонятно. В ответ Пикассо спросил Сашу, как он учился читать? По букварю? А-а-а, Бе-е-е?

Прибыв в США, я с восторгом увидел в книжных магазинах полки, ломящиеся от альбомов репродукций — и все в пределах 10–15 долларов. Вскоре у меня было 4 альбома Пикассо. Прошли годы. За это время первые восторги прошли, хотя я бывал на выставках Пикассо в Москве и в Аугсбурге. Кое-что имелось и в Бостоне. Короче — я с течением времени понял, что не могу принять его целиком. Часть его альбомов я уже раздарил, но один, тяжёлый, огромный я храню и мне хотелось бы вместе с читателями пройти его, пусть поверхностно, но под музыку моей души.

Итак: *Picasso, 200 Masterworks from 1898 to 1972*, Boston-New York-London, A Bullfinch Press Book Little Brown and Company, First US Edition 2002, 379 p.

Как вы видите из 200 работ можно было бы выделить для себя хоть несколько, чтобы об этом поговорить.

Пикассо начинал свой путь автором реалистических работ, многие из которых можно трактовать, как романтический реализм. Уже тогда выявилась его способность передать совершенно индивидуальные черты в портрете — Маттеа Фернандес, Мёртвый красавец Касагемас (1901), Мужчина и Женщина за столом с бутылкой вина, Медитация (1904). Тогда, уже в 1907 появляются первые намёки на обобщённую трактовку модели, искажающую пропорции лица и тела, называемые «ню». Если эти работы у меня вызывают отрицательные эмоции, то мощное изображение деревьев парка широкими мазками зелёной краски на фоне зеленоватого неба (1908) мне очень по душе. В 1908–1909 Пикассо продолжает поиски и в 1910–11 он уже демонстрирует кубистическую манеру письма. Он пишет натюрморты, портреты и фигуры и, несмотря на едва различимую «натуру», эти работы меня очень привлекают своей гармоничностью в почти монохроматическом звучании (Стоящая Женщина, 1911–12). Интересен натюрморт из гитары и нотного листа (1912), вполне предвосхитивший открытия К. Малевича. Меня восхищает у Пикассо совершенное владение линией и штриховкой. Цветные супрематические фигуры (1912–14) для меня эстетически полноценны. «Гитарист» (1916) также вызывает положительную эмоцию, хотя дека гитары сдвинута посередине, но это передаёт движение музыканта в игре.

И вот, на странице 198 мы останавливаемся на портрете жены с сыном (1922), сделанном сангиной, который не уступает рисункам великих мастеров и наполнен движением, которое настолько естественно, что его трудно не заметить. Такие же мастерские рисунки мы знаем у Валентина Серова, который одной «поющей» линией был способен передать массу эмоций. Мы ещё вернёмся к необыкновенному дару Пикассо творить чудеса одним лишь карандашом на белой или слабо тонированной бумаге.

Художник всё время стремится выйти за рамки классических форм. Его «Мать и Дитя» (1921) являют пример огром-

ной, распирающей силы человеческой плоти. Эти руки и ноги, увеличенные с раблезианской гротескностью, задерживают взгляд зрителя, потому что это — сверх мощь, сверх движение (Женщины, бегущие вдоль берега моря).

И опять «супрематические» композиции, чаще плоскостные. Пикассо пробует свои силы и как скульптор, предвосхищая целое направление будущих известных скульпторов-модернистов.

Где-то в начале 1930 Пикассо окончательно разрушает классические формы и создаёт свою, неповторимую галерею образов («Женщина – акробат», 1930), скульптуры женщин, созданные в 1931 ещё несут поэтические женские черты, их тела вытянуты по вертикали... однако в рисунках спящих женщин уже начинает «проклёвываться» нечто изломанно-безобразное, с непременно обозначением лобка, разметавшихся грудей, неестественно заломленной головы с открытым ртом («Спящая», 1932, «Две женщины», 1936).

В рисунках Пикассо царь и бог. Его серия с Минотавром восхищает. Вообще мастер очень любит изображать быков и человеко-быков (1933–1937). Перед зрителем как бы оживают росписи древнегреческих сосудов.

И вот, мы подходим к периоду, когда Пикассо окончательно порывает с классическим искусством. Его работы демонстрируют, по моему мнению, торжество уродства — смещение положения привычных черт лица («Плачущая Женщина» 1937, «Женщина с Рыжими Волосами в Синем Платье» 1939). Уродство торжествует, краски уже не имеют значение. Может быть, зрители попадают в мир с другим измерением? Четырёх- или пятимерный? (Сороковые годы). Если это эксперименты с натурой, то им место в лаборатории (творческой лаборатории) художника. Иллюстрацией служит, к примеру, исследование формирования изображения быка (1945–46). И всюду мы замечаем повышенный интерес Пикассо к изображению гениталий.

В этот же период времени Пикассо создаёт скульптуры женщин, которые упрощает, упрощает и приходит почти к скифским бабам (1947–59).

Между тем, его рисунки корриды черной тушью поражают отточенным лаконизмом и передачей стремительного движения (1957).

Найденный художником стиль не меняется десятилетиями. Он печёт своих «уродцев», в основном дам с лошадиными лицами, с титьками, висящими и растущими из-под пляжного полотенца, с ягодицами размером с земной шар («Облокотившаяся на Локоть Женщина», 1961, «Художник и Модель», 1964). Между тем, рисунки его всё так же загадочны и прекрасны, хотя женские гениталии обозначены везде. Рисунок на с. 335 представляет нам дам с раздвинутыми коленями и видами входов во влагалище (1971). Таких изображений множество. Видно, его сексуальная активность искала выхода. Несмотря на весьма заурядную внешность, он был несколько раз женат, имел детей, о которых заботился, но не пропускал ни одной юбки.

Поскольку я не ставил своей целью исследовать его личную жизнь, я не собираюсь оценивать жизнь гениального художника с точки зрения обывательской морали. Да, она меня и не интересует вовсе.

Закрывая цитируемую книгу, я чувствую, что надо отдать должное ряду общеизвестных работ, которые выдвинули мастера в первый ряд творцов современной живописи. Я не упомянул замечательные огромные полотна, хранящиеся в ГМИИ в Москве: картины «Синего периода», такие как «Девочка на шаре», «Мальчик и Слепой Нищий», «Комедианты» и др. Я видел лишь в иллюстрациях его знаменитую «Гернику». Вот где его способность показать уродства войны, как общечеловеческого бедствия, оказались востребованными. Безумие! Пир Дьявола!

У меня такое впечатление, что картина нарисована невинным шестилетним мальчиком, который хотел показать ужасы и безумие войны, и поэтому эта картина оказывает огромное воздействие на зрителя.

Есть целый ряд картин, в которых человеческое тело лишь подразумевается, и это хорошо, потому что цель картин —

показать праздник танца, праздник музыки. Таковы «Три Музыканта» (1921) в двух версиях, обе находятся в США, «Танец» (1925). Очень мне нравится однотонная картина «Сидящая купальщица» (1930), где тело как бы вырезано из металла и фигура создаётся из материала и пустот, заполненных воздухом или морем.

Свои заметки я хотел бы закончить отрывком из эссе «Нонконформист», которое переиздал в составе книги «Бунтующий Мозг», издательство M•Graphics, Boston, 2021

Чудесную статью в нашей «Русской рекламе» я прочёл в сентябре 2006 года. Называлась она «Охота на красного коллекционера». Предоставим слово Ларисе Таулевич:

Вечером 3 мая непрезентабельного вида человек в черном спортивном пальто зашёл в аукционный зал Sotheby's на Парк-авеню. Его посадили в самом конце зала, на галёрке. Он казался совершенно не к месту в торжественной атмосфере вечернего аукциона. Он больше походил на агента КГБ, чем на коллекционера, вспоминает дилер Ласло фон Вертес, который сидел за ним. Сломанный нос, крашенные волосы и дешёвая обувь не вызывали особого доверия...

Короче, оставляя на совести автора массу глупостей, громоздящихся в крошечном отрывке, я прочёл, что он купил одну из самых дорогих картин, когда-либо выставившихся на аукционах, — «Портрет Доры Маар с кошкой» работы Пикассо за 95 миллионов долларов.

Но никто не знает его имени, — добавляет Лариса. Дальше идут волнующие обывательское воображение домыслы, откуда у людей такие деньги. На черно-белой репродукции типичный фас-профиль в шляпке с цветами, руки когтистые, как у злой ведьмы из мультфильма, крошечная кошечка размером с мышонка, уместившаяся на спинке стула.

Думаю, что Пикассо слепил этот шедевр за неделю.

Сегодня люди вкладывают деньги в предметы искусства. Давайте проведём анализ рынка и забудем на минуту

о шедевре и искусстве вообще. Вот, люди трудятся, добывают, к примеру, алюминий. За год выплавляли всем заводом алюминия на 15 млн. долларов. Пока работали всем коллективом в 500 человек, получали среднюю зарплату 200 долларов в месяц на человека, что в год составило 1 млн. 200 тысяч. Далее, скажем, дирекция взяла на личные расходы треть суммы, увеличив расходы по зарплате до 1 млн. 600 тысяч. Стоимость всех изделий, изготовленных из алюминия и купленных населением и другими фирмами, составила 70 млн. долларов, прокормив, таким образом, в течение года ещё тридцать тысяч человек (из расчёта всё тех же 200 долларов на человека в месяц). И вот, в результате всех работ на счету в банке у господина Н. образовалась куча денег. Поскольку алюминий и изделия из него проданы, то у изготовителей и покупателей голова не болит. Но!... Произошёл отрыв денег от процесса производства, и они стали лишь символом вещей. Вы, как собственник этой громадной кучи, могли бы воспользоваться тем, что эти деньги пока ещё актив, пока ещё сила, вложить их во что угодно — производство лекарств или пластмасс, поощрить архитектуру и искусство, вложить их в строительство мостов или дорог, очистку вод, разведение ценных пород животных. Но вы предпочли омертвить эти бумажки окончательно, повесив на стенку кусок холста размером метр на метр, и глядеть на него в одиночестве или же выстроить для холста бронированный сейф и поставить возле него охранника. Все-таки 95 миллионов долларов!

Законы моды являются примером безграничной человеческой дурости, благодаря которой можно продавать сначала узкие брюки, потом широкие брюки, потом шорты, потом мини-шорты и так далее в обратном порядке. Однако законы рынка, должно быть, столь же непреодолимы, как законы физики. Когда я говорю, что великим картинам место в музеях для всеобщего обозрения, так же, как музыка Бетховена звучит для всех — у кого доллар в кармане и у кого счёт в банке на сто миллионов, то это

во мне кричит жажда дележа общего пирога по *справедливости*. Это уже было, и мы знаем, чем это закончилось. Желание иметь при себе высочайшую ценность понятно, с человеческо-эгоистической точки зрения, а с другой точки зрения есть право на деньги и неважно, абсолютно неважно, что такие деньги невозможно заработать честным путём.

Рынок диктует цены. Никто не должен интересоваться, сколько хлеба, мяса, вина, масла можно произвести, если вложить 95 миллионов. Но я не понимаю, что такое рынок так же, как не понимали в течение 85 лет находящиеся у власти коммунисты. И потому мне досадно.

Нет, дело не в этом! Дело в том, что я и вы, и те тридцать тысяч, что ходили на работу весь год — все мы являемся куском дерьма по сравнению с крашеным холстом метр на метр. А может быть, это и есть высшая справедливость, потому что мы умрём, дети наши умрут, а этот кусок холста всё так же будет храниться в укрепленном месте, как символ человеческой культуры. И в нем будут находить всё новые достоинства. Никто не отважится сказать всенародно и твёрдо — «Послушайте! Ведь это же просто кусок дурно раскрашенной и натянутой на рамку тряпки! Что же вы перед ней преклоняетесь? Это ведь не Мадонна кисти Рафаэля!» — Да как же не преклоняться, если в 2006 году за обладание ею заплатили 95 миллионов долларов!..

Вот я и попался. Сказано ключевое слово — Заплатили! Значит, дело не в картине и не в её необычайных достоинствах. Девяносто пять миллионов ушли на счёт продавца, и он снова купит картины, скульптуру, поддержит разные фонды (если захочет), заплатит огромные налоги — и деньги ускорят свой бег внутри государства, ибо они есть кровь государства, и они должны бежать по финансовым каналам.

Если бы 95 миллионов предложили за бриллиант в 3000 каратов, я воспринял бы этот факт вполне спокойно. Скорее всего, потому что гигантский алмаз долгие мил-

лионы лет растила и хранила в своей глубине мать-природа, его нужно было отыскать, обработать на самых точных станках по эскизам художника и прочее... А тут — коробка красок за сто франков да полдюжины кистей.

Вся ситуация повторилась на аукционе 2010 года. Теперь за картину «Обнажённая, зелёные листья и бюст» заплатили 106 миллионов долларов. Опять рынок продиктовал цену согласно спросу. Что тут сказать? — Предметы искусства есть товар. **НО НЕ ТОЛЬКО ТОВАР!** И в этом **НЕ ТОЛЬКО** — вся истинная ценность искусства, ибо именно этим оно вечно...

Алик Толчинский — москвич, по окончании МИТХТ занимался исследованиями в различных областях физической химии, доктор химических наук. Живет в Бостоне.

Печататься начал в Москве в конце 90-х годов. Автор девятнадцати сборников эссе, рассказов и повестей — «Мозаика жизни», «Окончательный вариант», «Река времени», «Тени на стене», «Обретенный рай», «Продолжение разговора», «Перед заходом солнца», «Бунтующий мозг» и других, изданных в 2004–2024 годах в США.

«...Самое для меня интересное в прозе Алика Толчинского — ее парадоксальность. И речь не только и даже не столько о сюжетных поворотах, но о том, как неожиданно проявляются черты характеров, каких не ожидаешь от уже, казалось бы, понятных тебе персонажей. Парадоксальность проявлена в этой прозе и стилистически, и в этом тоже состоит ее оригинальность».

Анна Берсенева (Татьяна Сотникова), писатель

«...Книга Алика Толчинского — мастерский групповой портрет на фоне победившего мракобесия. Четырём героям книги повезло: на их взрослый отрезок жизни пришёлся относительно вегетарианский период истории нашей людоедской родины — это поколение Оттепели. Они начали карьеру при Хрущёве и закончили её при раннем Путине. Как мы знаем сейчас — то была уникальная передышка в работе кровавой мясорубки под названием Россия.

Автору блестяще удаётся вывести биографическую сагу на новый уровень — на уровень исследования бытия. Судьбы героев становятся вариациями на одну и ту же тему. Вместе с ними читатель проживает четыре реинкарнации, проходит через четыре лабиринта. Это напоминает компьютерную игру — на пути нас поджидают одни и те же ловушки. Нельзя сказать, что ловушки эти отличаются неожиданностью, они существуют с момента зарождения человеческой цивилизации. Алчность. Трусость. Зависть. Глупость. Дьявол раскидывает сети, мастерство ловца человеческих душ заключается в том, что человек добровольно попадает в капкан. По собственному желанию...»

*Валерий Бочков, писатель, художник-график,
член американского ПЕН-Клуба*

ISBN 978-1-960533-74-6

90000 >

9 781960 533746

